

ШЕФ ПЬЕР

Книга: Шеф Пьер

Автор: Маргарет МакХейзер

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: Пролог+36 глав+Эпилог

Переводчики: Татьяна Ф. (до 8 гл.), Екатерина Н. (с 9 гл.)

Редакторы: Настя С., Екатерина И.

Вычитка и оформление: Анна К.

Обложка: Eli Black

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N ★ Переводы книг

[\(https://vk.com/kn_books\)](https://vk.com/kn_books)

Аннотация

У Холли Уокер было все, о чем она когда-либо мечтала: счастливый брак и красивая кареглазая дочь Эмма. До тех пор, пока несчастный случай полтора года назад не разрушил ее мир. Теперь она — вдова и мать-одиночка шустрой маленькой семилетней девочки — ищет новую жизнь. Готовая сделать следующий шаг, Холли находит работу метрдотеля в «Тейбл Уан», некогда известном ресторане в самом центре Сиднея. Но один очень наглый француз не собирается облегчать ей жизнь и не дает спокойно работать...

Двадцать лет назад Пьер Леру переехал в Австралию после встречи с потрясающей австралийской девушкой, в которую он влюбился, и на которой в последствии женился. Они с женой отложили свою личную жизнь на время, потому что твердо настроенный Пьер решил покорить кулинарное общество Сиднея. Когда его звезда ярко засветила на пьедестале, трагедия забрала женщину, в которую он был безумно влюблен. Он был известен как шеф-повар, но после смерти жены его стали именовать Повар-Монстр.

Смогут ли два сломленных человека построить свою жизнь заново и обрести счастье снова?

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

— Вы же знаете, что у нас свободно место метрдотеля? — спрашивает меня Ангус, владелец «Тейбл Уан».

— О, я думала, это касается обслуживающего персонала, — отвечаю я, разглаживая свою юбку-карандаш.

Волнуясь, я рассматриваю его кабинет. Он чистый и аккуратный, несколько документов лежат в ящике для корреспонденции.

— Меня очень впечатлило ваше резюме, Холли. Вы занимали руководящую должность в ресторане и раньше, поэтому, думаю, вы справитесь и с этой, — говорит Ангус, возвращая мое внимание к нему.

— Я не работала в этой сфере уже несколько лет, так что мне нужно будет некоторое время, чтобы войти в курс дела. И я не уверена, что я тот человек, который вам нужен как метрдотель, — отвечаю я максимально честно.

Это будет несправедливо по отношению к ним и ко мне, если я возложу на себя такую важную роль, учитывая, что я не работала в этой индустрии целых семь лет.

— Если бы я думал, что вы не справитесь с такой работой, я бы вам ничего и не предлагал. Но здесь вы, с вашим огромным опытом, сможете проявить себя, — говорит он, откидываясь на спинку кресла. — Я взял на себя смелость и пригласил нашего шеф-повара присоединиться к нам, чтобы вы увидели, с кем вам, возможно, придется работать.

Ничего себе, разговор о получении места закончен. Я отправляла резюме на должность официантки, а он пытается уговорить меня принять место метрдотеля.

Подождите-ка, а почему здесь нет метрдотеля? «Тейбл Уан» был награжден звездой Мишлен, а затем потерял ее в течение года. В моей голове замигали тревожные огоньки.

— Шеф-повар? — спрашиваю я. Немного любопытно познакомиться с человеком, с которым я, возможно, буду работать. Наверное, я должна была бы больше узнать о ресторане кроме того, что он был награжден и лишен звезды Мишлен.

— Да, Пьер Леру. Слышали о нем? — спрашивает он с сомнением, чтобы выяснить, как много я знаю о Пьере Леру.

И, черт возьми, да, я слышала о Пьере.

Его репутация высокомерной задницы идет впереди него — я слышала о нем одну страшилку за другой. Он заставляет рыдать своих поваров, не важно, мужчина это или женщина. Официанты ненавидят его, и поэтому текучка кадров здесь невероятно высокая.

Ходят слухи и о его личной жизни, хотя на другие, кроме смерти его жены четыре года назад, я не обратила внимания.

— Да, я слышала о Пьере, — отвечаю я. В этот момент дверь кабинета с силой распахивается, и звук удара дверной ручки о стену пугает меня. Я вздрагиваю, но не оборачиваюсь, чтобы взглянуть на мужчину, который так вошел, потому что знаю, что именно этого он от меня и хочет.

Я выпрямляю спину и вытягиваюсь как струна на своем месте с гордо поднятой головой, ожидая, когда эта напыщенная задница подойдет, чтобы встать лицом передо мной. Я не собираюсь обращать на него внимание.

— Кто это? — гневно спрашивает он с сильным французским акцентом.

— Это Холли. Она проходит собеседование на должность метрдотеля, — отвечает Ангус, сцепляя пальцы и подносит их к своим губам.

— *Non (фр. нет)*, — говорит Пьер решительно

— Прошу прощения? — говорю я, все еще сидя к нему спиной.

— Кто ты такая, чтобы задавать мне вопросы? — говорит он, даже не входя в поле моего зрения.

— Жаль разочаровывать вас, Пьер, но я та, кто проходит собеседование, — я улыбаюсь Ангусу и складываю руки на коленях.

— *Hem*, она не подойдет.

— Простите? — я встаю с кресла и поворачиваюсь, чтобы увидеть Пьера, прислонившегося к стене. Он высокий, ростом около метра восьмидесяти, и его руки скрещены на груди в воинственной позе.

— *Non*. Я не хочу тебя, — говорит он и пренебрежительно щелкает пальцами возле меня.

Я распрямляю плечи и поднимаю выше голову, улыбаясь и глядя на его тупое самодовольное лицо. Длинные каштановые волосы спадают на его глаза, а широкие плечи слегка опущены. Глаза смотрят на меня с презрением.

Я беру свою сумочку, вешаю ремень на плечо и поворачиваюсь к Ангусу.

— Когда бы вы хотели, чтобы я начала? — спрашиваю я.

Никакой темпераментный повар не возьмет надо мной вверх.

— Я сказал *non!* — заявляет Пьер, отталкиваясь от стены.

— Это не вам решать, Пьер, — говорю я, положив руку на талию.

К черту его и его высокомерную личность. Он не может мне приказывать что делать. Если я ему не нравлюсь, это его проблемы.

— Если ты возьмешь ее, то потеряешь меня, — выплевывает Пьер и тем самым ставит Ангусу ультиматум.

Что. За. Черт!

— Правда? Думаете, кто-нибудь найдет вас? Знаете, что? Вам очень повезет, если вы найдете работу за месяц. Ваша репутация всем известна. Никто не захочет шефа, который довел ресторан до звезды Мишлен, и, благодаря которому, этот же ресторан потерял ее в два раза быстрее. Давайте, действуйте, исполните свою угрозу, — выговариваю я. Откуда, черт возьми, это взялось во мне?

— Вы... вы... невыносимая женщина, — почти кричит он на меня.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Ангуса, а затем обратно смотрю на Пьера.

— Не могли бы вы сейчас уйти? Нам с Ангусом нужно поговорить о контракте, а это частная информация, которую вам не нужно знать.

— Ангус? — он смотрит на Ангуса. Лицо Пьера посерело, брови нахмурены. Если бы это был мультфильм, думаю, из его ушей повалил бы пар, а глаза полыхали бы огнем.

Ангус выглядит удивленным. Он смотрит то на Пьера, то на меня, затем на стол и снова на нас. У меня складывается впечатление, что он очень старается не рассмеяться вслух.

— Спасибо, Пьер. Ты можешь возвращаться на кухню.

Я стараюсь сдержать улыбку. Но не могу. Поворачиваюсь к Пьеру и улыбаюсь ему, только чтобы взбесить его еще больше.

— *Imbécile* (фр. *dúra*), — бормочет он себе под нос, когда выходит и захлопывает за собой дверь.

Я опускаю плечи, и мне становится стыдно за свое поведение.

— Простите меня, Ангус. Не знаю, что на меня нашло, но его поведение... это что-то. Такого я не терплю даже от своей семилетней дочери. Прошу прощения за вспышку гнева, но если вы не возражаете, я бы хотела подождать пару минут, прежде чем уйду. Я хочу сохранить немного своего достоинства.

— Минуты или две недостаточно, чтобы обсудить зарплату и льготы.

Он только что сказал, что собирается нанять меня?

— Простите? Я правильно вас расслышала?

— Никто и никогда так не разговаривал с Пьером. Думаю, вы именно та, кто ему нужен. И, более того, именно та, кто нужен мне в моем ресторане. Пожалуйста, присаживайтесь, обсудим условия контракта, которые устроят нас обоих.

Я присаживаюсь, и у меня кружится голова. Это что, происходит на самом деле?

Похоже, я получила работу метрдотеля в «Тейбл Уан» с высокомерным французским шеф-поваром.

Великолепно.

Глава 1

Холли

— Привет, малышка, как дела в школе? — спрашиваю Эмму, как только прохожу через парадную дверь нашего дома.

— Ты получила эту работу? — спрашивает она, нетерпеливо глядя на меня своими большими карими глазами.

— Я первая хочу знать, как прошел твой день в школе.

— Хорошо. Эбони сказала, что пригласит меня на свой день рождения, но не позовет Саксона, потому что он нагрубил ей. Я сказала ему, что мы все друзья, и он не должен говорить гадости Эбони. А он ответил, что у меня длинный нос. Что это значит, мам? — спрашивает она на одном дыхании.

— Длинный нос у того, кто лезет в чужие дела.

— У меня не длинный нос. Я просто заступилась за Эбони, потому что она моя подруга.

— И продолжай заступаться за своих друзей. Не переживай о том, что говорит Саксон. Это не имеет никакого значения, пока ты поступаешь правильно.

— Хорошо, мам, — она замолкает на мгновение, затем к ней возвращается энергия, и она начинает прыгать на месте вверх и вниз. — Ты получила работу? — визжит она.

— Да, получила. Это значит, что бабушка будет приглядывать за тобой в четверг, пятницу и субботу, пока я буду на работе.

— Я знаю и постараюсь вести себя очень хорошо, чтобы она не злилась на меня.

Целую Эмму в лоб и иду на кухню, где мама Стефана готовит ужин.

— Здравствуй, Бронвин, как прошел день? — спрашиваю я ее, хватая кусочек огурца из салата, который она нарезает.

— Отлично. Я водила Эм в библиотеку после школы, и она взяла книгу, а потом мы сделали домашнее задание. Еще она успела искупаться, ну а я готовлю ужин.

Стефан и я всегда отлично ладили с Бронвин. Ее муж умер до того, как я встретила и вышла замуж за Стефана. Когда мой муж умер, мы переехали к ней. Не то чтобы мы не могли прожить самостоятельно. Стефан оставил нам огромную страховку, поэтому мы могли безбедно жить всю оставшуюся жизнь.

Но Бронвин потеряла мужа и сына, я потеряла единственного мужчину, которого любила, и Эмма потеряла своего отца.

Мы были друг для друга опорой, в которой так нуждались, особенно Эмма. Та авария была трагедией, и долгое время ее последствия разрывали нас изнутри.

Прошло уже полтора года после аварии, и мне нужно было восстановить ту часть себя, которая умерла в тот день, когда полиция пришла к нам в дом со шляпами в руках и печальным взглядом в глазах.

Еще до того, как они заговорили, я поняла, что что-то произошло. Когда они попросили впустить их, все вокруг начало происходить будто в замедленной съемке.

Я не слышала ни слова из того, что они сказали. Они сидели на диване напротив меня, и их рты беззвучно открывались и закрывались. Я не слышала их, я едва видела, что они были там.

— Автокатастрофа, — сказали они.

Когда отвела взгляд от невидимого пятна на ковре, я, наконец, увидела скорбь в глазах полицейских и все поняла. В то утро Стефан встал с кровати, оделся, позавтракал и ушел на работу.

Он никогда больше не вернется к своей семье.

Последние слова, которые я сказал ему, были: «Ты не мог бы купить молока по дороге домой?».

Я не сказала ему, что люблю его. А он не сказал, что любит меня. Он просто вышел за дверь и исчез. Он погиб, когда ехал с работы домой.

Размышления о смерти Стефана заставляют меня притихнуть.

Бронвин это понимает и смахивает слезу. После этого мы обнимаемся без слов.

— Мамочка, я есть хочу, — прерывает мои мрачные воспоминания Эмма.

— Бабушка почти закончила ужин. Уже скоро, — отвечаю я и целую ее в макушку. — Может, ты принесешь мне свое домашнее задание? Я хочу посмотреть, что ты сделала, прежде чем сдашь его завтра.

Ее маленькое тельце поникает, плечи опадают, и я чувствую, что сейчас она начнет протестовать.

— А я должна? — спрашивает Эмма, делая ударение на «должна».

— Да, потому что завтра ты должна его сдать, а я хочу посмотреть, что ты сделала сегодня.

Эмма отстраняется от моих теплых объятий и плетется в свою комнату, чтобы взять домашнее задание.

— Как прошло собеседование? — спрашивает Бронвин, раскладывая салат на три тарелки.

— Я получила работу, но не знаю, как долго там продержусь. Шеф-повар — он просто нечто, — говорю я, качая головой при одной мысли о высокомерном французе.

— Почему? Что случилось?

— Он пришел на собеседование и, даже не обращая внимания на меня, сказал Ангусу, владельцу, что не хочет, чтобы меня нанимали.

— О, дорогая, похоже, с ним будет трудно работать.

Я киваю в знак согласия. У меня такое чувство, что либо он меня уволит, либо я сама уйду.

— Но ты же никогда не отступала перед трудностями, — говорит Бронвин, когда ставит ужин на стол. — Вспомни моего сына. Ты даже не хотела сходить с ним на свидание. Ему пришлось попотеть полгода, прежде чем ты дала ему шанс.

Я улыбаюсь, точно зная, что она имеет в виду.

— Держи, мам, — говорит Эмма, протягивая мне свою тетрадь с домашним заданием.

— Так, давай посмотрим, — я открываю тетрадку и начинаю проверять. — Как пишется слово *garden* (англ. *сад*)?

— Мам, бабушка уже это проверяла, — ноет она.

— Может быть, ты и делала это с бабушкой, но сейчас я хочу услышать, какая ты у меня умная девочка. Ты должна знать слово *garden*, потому что оно есть в твоем листе слов на неделю.

— G-a-r-d-e-n, — говорит Эмма, лучезарно улыбаясь, зная, что она права.

— Неплохо, давай посмотрим, знаешь ли ты, как произносится *laugh* (англ. смех).

— Мы уже изучать в школе, что *g* и *h* вместе создают звук *f*.

— «Изучали», а не «изучать», — исправляю я ее.

— Мы учили в школе, что *g* и *h* создают звук. L-a-u-g-h, — гордо говорит она.

— По-моему, ты хорошо разбираешься в орфографии, — говорю я, сжимая ее в крепких объятиях.

— Мне не нужно больше ходить в школу, мама, потому что я выучить все, что нужно знать.

— Нет, не все, потому что «выучила», а не «выучить», — я улыбаюсь, утыкаясь носом в ее мягкие волосы с запахом ягод.

— Ну ладно, — на мгновение она замолкает, глубоко вздыхает, а потом продолжает, — я буду ходить в школу еще неделю, — говорит она невинно.

Мы с Бронвин смеемся, зная, что когда она будет ложиться спать, то все забудет.

— Мам, расскажи мне сказку, — зовет меня Эмма из своей комнаты, когда ложится спать.

Захожу к ней и вижу, что тут будто произошел взрыв — вся одежда и игрушки разбросаны по полу.

— Ты должна убрать в комнате, Эмма, — говорю я, маневрируя, как на минном поле.

— Здесь чисто, — отвечает она, глядя на все вещи на полу.

— Маленькая мисс, ты должна убрать комнату к субботе, или не пойдешь на день рождения Скайлы в воскресенье.

Эмма закатывает глаза. У маленькой мисс своя точка зрения, а ведь ей только семь.

— Мамочка, — говорит она, прячась под своим тонким одеялом.

— Да, милая?

— Думаешь, папочка по нам скучает? — спрашивает Эмма, глядя в мои глаза, и мои силы будто покидают меня. Хотя я и ненавижу говорить с ней об этом, но понимаю, что она не должна чувствовать себя неловко, когда захочет поговорить о своем отце.

— Думаю да, потому что мы сильно скучаем по нему: бабушка, ты и я. И он любит нас так сильно, как только можно представить, и где бы он сейчас ни был, его сердце все равно будет любить нас.

— Думаешь, папочка счастлив там, где он сейчас? — ее большие карие глаза наполняются слезами, она старается быть сильной изо всех сил. Иногда мы должны знать, когда нужно отпустить, и это время настало.

— О, милая, — говорю я, придвигаясь ближе к ней и заключая ее в объятия, — я думаю, что папочка действительно счастлив там, где он сейчас. А еще я думаю, что если бы был способ, то он был бы рядом с тобой, чтобы убедиться, что ты тоже счастлива.

— Я не хочу забывать папочку, — говорит она, и слезы катятся по ее щекам.

— Мы никогда его не забудем. Мы слишком сильно его любим.

Эмма крепко обнимает меня. Ее маленькое тело, наполненное такой грустью, начинает тяжелеть. Мы крепко обнимаем друг друга, пока она полностью не расслабляется в моих объятиях. Когда ее голова откидывается назад и ротик открывается, я понимаю, что моя прекрасная, кареглазая, темноволосая красавица крепко спит.

Я опускаю ее на кровать и укрываю тонким одеялом, целуя ее в лоб.

— Надеюсь, ты приглядываешь за нами, Стефан, — шепчу я, молясь, чтобы он услышал меня.

Глава 2

Пьер

Когда вошел в кабинет Ангуса, первое, что я увидел — это длинные, густые темно-каштановые волосы, которые были идеально прямыми и доходили до поясницы.

Она ни за что не будет тут работать. Только ее волосы сказали мне, что она слишком беспокоится о своей внешности, а это значит, что она, вероятно, не будет следовать моим инструкциям так, как нужно мне.

Затем она встала и повернулась ко мне лицом. Ее глаза были полны гнева, а тело выпрямилось, бросая мне вызов.

Кем, черт возьми, она себя возомнила?

Когда я взглянул на Ангуса в поисках поддержки, этот дурак сидел, откинувшись в кресле, и ухмылялся мне.

Я превращу ее жизнь в ад. Я буду наезжать на нее за все, что она будет делать неправильно, буду смущать ее, пока она не уйдет. Никакая прославленная *официантка* не будет контролировать меня.

Я поднимаю свой стакан с виски и покручиваю его в руке, только и думая о невыносимой женщине, которая осмелилась бросить мне вызов.

— Долго она не продержится, — говорю я и поглаживаю большим пальцем лицо Евы.

Ева улыбается мне с фотографии, которую мы сделали, пока были в отпуске на острове Гамильтон. Это одна из лучших фотографий, которые мы сделали, прежде чем она умерла.

Я осторожно ставлю фото в рамке на стол возле своего кресла и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на свою потрясающую жену и ее самую красивую улыбку, которую я когда-либо видел.

— Я скучаю по тебе, — говорю я, поднимая стакан и выпивая все залпом.

Ева не двигается. Она просто продолжает смотреть на меня. Улыбающаяся, счастливая и влюбленная.

Подняв бутылку, я, забыв про стакан, начинаю пить прямо из горла.

Мой путь к бессмысленному и бесчувственному забвению сегодня длится слишком долго. Темнота недостаточно быстро поглощает меня. Мое сердце все еще бьется, и я хочу, чтобы это прекратилось, чтобы я смог наконец-то встретиться со своей любовью.

Я хочу, чтобы биение моего сердца стало слабее, закрыть глаза и уплыть в темноту. Мрак душит меня. Я вижу темноту повсюду.

Я сижу в тишине и слушаю собственное дыхание, погружаясь в бездонную пропасть горя и обиды, не в состоянии убежать от волны, утягивающей меня вниз. Мне едва хватает воздуха. Этот океан боли не позволяет мне вернуть ощущение себя.

— *Je t'aime* (фр. я люблю тебя), — бормочу я фотографии, поднимаю бутылку и делаю еще глоток.

Гудение в голове становится желанным отвлечением от зияющей дыры в моем сердце.

Гостиная постепенно теряет свою теплоту. В ней не осталось даже напоминания о цветочном аромате Евы. Остались только ее фотографии, украшающие стены, как воспоминания о всепоглощающей любви, которая связывала нас.

Мрак кольцом стягивается вокруг меня, мои чувства притупляются настолько, что довольно крепкий виски становится безвкусным.

Я поднимаю бутылку и допиваю то, что осталось, смакуя жжение, которое ласкает мое горло.

Мои глаза медленно закрываются, принося благословенную темноту. Я стараюсь, чтобы мои счастливые воспоминания о Еве были последним, что я увижу, прежде чем отключусь в пьяном угаре. Вспоминаю жену, как мы танцевали под звездами, завернувшись в прохладный вечерний воздух, пока наши тела двигались как единое целое. Сладкое

прикосновение ее мягких губ к моей шее, музыка, заполняющая все вокруг, нежный шепот, когда я притянул ее к себе, очаровывая ее своей любовью.

— *Je t'aime*, — бормочу еще раз, закрывая глаза.

Блуждая где-то между жизнью и смертью, я роняю бутылку. С глухим стуком она падает на поблекший серый ковер, и только это дает мне понять, что я все еще жив.

Возможно, завтра я воссоединюсь с моей любовью, и, может быть, тогда я, наконец-то, смогу дышать.

Глава 3

Холли

Сорок минут в пути между городом и домом позволяют мне подготовиться. Сегодня понедельник, и у меня начинается недельная стажировка, прежде чем я стану метрдотелем.

Чего я не жду с нетерпением, так это встречи с Пьером. Он высокомерный кретин, и я не уверена, что сработаюсь с ним. Если смогу пережить эту неделю обучения, значит, все будет хорошо.

Я добираюсь до парковки рядом с «Тейбл Уан», и, припарковав свою машину, иду пешком. «Тейбл Уан» находится рядом с Оперным театром, и ресторан когда-то был одним из лучших в Сиднее. Но после потери звезды Мишлен он стал уже не так востребован, как раньше.

Стуча каблуками по тротуару, я чувствую, что мое сердце бьется, как сумасшедшее. Что, если после сегодняшнего вечера я не смогу смириться с высокомерным поваром и захочу все бросить?

Какой пример я покажу Эмме? Не очень хороший.

Поэтому, направляясь в сторону ресторана, я торжественно обещаю себе, что как бы мне ни было тяжело и некомфортно работать с высокомерным французом, я не собираюсь отступать. И я не позволю ему выгнать меня с этой работы.

Добравшись до стеклянного фасада ресторана, я вижу Ангуса внутри, разговаривающего с сотрудником. Стучу в дверь, и, когда он замечает меня, поднимает палец, показывая подождать немного.

Волнуясь, я разглаживаю юбку, убеждаюсь, что мой пиджак застегнут, и провожу рукой по волосам.

— Привет, Холли, — говорит он, открывая дверь и отступая на шаг в сторону, что я могла войти.

— Привет.

— Выглядишь взволнованной, — говорит он, отчего я начинаю чувствовать себя еще более нервной и неуверенной.

Я слегка улыбаюсь, отвожу от него взгляд и киваю.

— Я покажу тебе комнату для персонала, где ты сможешь оставить свою сумку. Обслуживающий персонал уже начал приходить, мы дождемся всех, а затем представим тебя.

Ангус закрывает входную дверь позади меня, указывая рукой мне направление к задней части ресторана.

Я прохожу вглубь ресторана, и до меня доносятся превосходные запахи.

— Боже, как вкусно пахнет, — говорю я прежде, чем понимаю это.

— Это томатный соус Пьера. Один из лучших, что я когда-либо пробовал, — отвечает Ангус.

Мы проходим мимо открытой кухни, где Пьер, стоя над плитой, добавляет ингредиенты в огромную серебристую кастрюлю. Его волосы собраны в небольшой хвост на затылке, одет он в черно-белую поварскую форму.

Он бросает на меня взгляд через плечо, его холодные глаза смотрят прямо в мои.

— Пьер, — говорю я, слегка кивая ему в качестве приветствия.

Он закатывает глаза и отворачивается, игнорируя меня.

Ну, правильно. Так теперь будет всегда, да?

— Приятно видеть вас снова, — говорю я громче, но гораздо спокойнее, с веселой ноткой в голосе.

Пьер поворачивается спиной и уходит.

Незрелый идиот.

— Прости его. Он не очень общительный человек, но он действительно великолепный повар, — говорит Ангус, извиняясь за поведение Пьера. Я пожимаю плечами и улыбаюсь. Ангус не виноват в том, что Пьер идиот.

Он приводит меня в комнату для обслуживающего персонала и представляет трем женщинам: Кэтрин, Джастине и Мэдди. У них всех одинаковая униформа: белые блузки с черными юбками, похожими на ту, что надета на мне, за исключением моего пиджака. Все трое тепло меня приветствуют.

— Ждем Эндрю и Мишель, а потом можно начинать официальное знакомство, — говорит Ангус. — Я пойду проверю Пьера и прослежу, чтобы он был готов к собранию персонала.

— С Холли все будет в порядке, иди, займись своими делами, — говорит Джастина, выдвигая стул рядом с собой.

— Спасибо, — говорю я, стараясь сделать мое принятие в коллектив как можно менее болезненным. Хотя внутри все нервы на пределе.

— Ты новый метрдотель, верно? Не переживай, Пьер и наполовину не такой страшный, каким хочет казаться. Он сам по себе, — говорит Джастина с теплой улыбкой.

— Хм-м, Пьер... Я бы с ним... — встревает Кэтрин с ухмылкой. Я смотрю на нее, и не совсем уверена, как реагировать на то, что она только что сказала. — Ох, у него самые красивые глаза, он всегда раздражен, и от этого я хочу его еще сильнее, — говорит она, пожимая плечами, явно не смущенная своими словами.

— Эм... хорошо, — отвечаю я. Как вообще на это нужно реагировать?

— Он хороший, — добавляет Мэдди.

— А ты, Холли? Что ты думаешь о нашем шефе? — спрашивает Кэтрин. Все три пары глаз смотрят на меня, с нетерпением ожидая моего ответа.

— Я здесь, чтобы делать свою работу и делать ее хорошо, — дипломатично отвечаю я. Не могу же я сказать, что думаю, что он высокомерный идиот.

— Повнимательнее с руками Ангуса. Иногда он любит шалить, — шепчет мне на ухо Джастина.

— Это се... — но мне не удается договорить, что это называется сексуальным домогательством, и что законы Южного Уэльса этого явно не одобряют.

Еще два человека входят в комнату для персонала вслед за Ангусом.

— Сегодня будет тяжелый вечер, во-первых, потому, что у нас две вечеринки на пятнадцать человек, а во-вторых, потому, что я собираюсь обучать Холли. Она наш новый метрдотель, и на этой неделе я буду ей все показывать. Она также будет внимательно наблюдать за каждым из вас по отдельности, поэтому вы можете показывать ей все, что делаете. Кэтрин, я хочу, чтобы ты взяла столики с первого по четвертый. Джастина и Мишель, вы обслуживаете вечеринки плюс пятый и шестой столики. Мэдди, у тебя столы с седьмого до десятого, и Эндрю, твои все остальные. Мы с Холли будем подавать напитки и помогать там, где это необходимо.

Я наблюдала, как каждый кивает в знак согласия.

— А вот и я, — говорит Пьер с французским акцентом, как будто ожидает аплодисментов.

Я смотрю на Кэтрин, замечая, что ее щеки розовеют, пока взгляд путешествует по телу Пьера.

— Фирменное блюдо дня — жареный фазан с тушеными зелеными бобами, трюфельным маслом и картофелем. Фазан был привезен с фермы в Литгоу, а овощи здешние, из Малгоа. Десерт дня — пирог с лимонным бефе.

— И откуда лимоны? — спрашивает Эндрю.

— Из моего сада. Я принесу вам попробовать, — отвечает Пьер и выходит из комнаты для персонала.

Через несколько секунд он возвращается с двумя тарелками, а молодой парень следует за ним, держа несколько комплектов столовых приборов.

— Возвращайся на кухню и проверь соус, — инструктирует Пьер молодого повара.

— Да, шеф, — отвечает он робко и несется прочь.

Каждый берет вилку и начинает пробовать блюдо. Пьер смотрит на меня, приподняв бровь, безмолвно спрашивая, почему я не пробую.

— Вам не нравится фазан? — спрашивает он, медленно произнося каждое слово.

— Как он приготовлен?

— Это мясо дичи, не очень жирное для птицы. Оно должно быть правильно приготовлено, иначе будет сухим, — отвечает он мне, скрестив руки на груди.

Тихие стоны одобрения сливаются с клацаньем приборов по тарелке.

— Это прекрасно, но это не ответ на вопрос, который я задала. Как вы это приготовили? — спрашиваю я снова.

В этот момент в комнате наступает гробовая тишина, так что даже тихий гудок парома вдалеке был бы отлично слышен на весь ресторан.

— Черт возьми! — слышу я, как одна из девушек шепчет себе под нос.

— *Je vous demande pardon* (фр. прошу прощения)? — Пьер выпрямляется в полный рост. Он выпячивает грудь и поднимает подбородок. Очевидно, он зол на меня. Думаю, что он сказал «Прошу прощения», хотя я не совсем уверена.

— Вы его запекали или коптили? Как вы это приготовили? — спрашиваю я снова. Все внутри меня напряжено в ожидании, страх и нервы сплелись воедино. Но я не должна показывать страх.

Все взгляды в комнате сосредоточены на нас в ожидании того, что будет сказано или сделано дальше.

— Он слегка подкопчен.

— Вы коптили его на древесной стружке?

Я вижу, как губы Пьера слегка подергиваются, и наблюдаю, как он проводит языком по зубам, одновременно выгибая одну бровь.

— Его коптят горячим дымом, не холодным, в течение трех часов с кленом. Это придает ему более глубокий вкус при смешивании с трюфельным маслом. Возможно, если бы вы попробовали его, то не задавали бы все эти нелепые вопросы, и увидели, насколько он хорош.

Я слышу, как одна из девушек вздыхает, но не отвожу взгляда от Пьера.

— Это не нелепые вопросы. Видите ли, наши гости могут задать те же вопросы, что и я, — говорю я, обводя комнату рукой, показывая, что любой из нас должен быть подготовлен к этому вопросу, когда будет рекомендовать блюдо.

— Я сам расскажу клиенту, если ему нужен будет полный ответ.

— Господи, — бормочет тихим голосом Эндрю.

— Я здесь шеф-повар. Я шеф Пьер. Люди приходят сюда, чтобы попробовать *мои* блюда.

Могу сказать, что я задела его за живое.

— Я не спорю с этим, но мы должны быть в состоянии ответить на элементарные вопросы, если у наших гостей они возникнут.

— *Nem!* Вы придете и позовете меня, и я отвечу на все вопросы, — говорит он, его лицо краснеет, а голос срывается. Он выглядит так, будто балансирует на грани нервного срыва.

Теперь я понимаю, почему этот ресторан потерял звезду Мишлен. Он не сосредоточен на еде, а только на том, как хорошо он выглядит перед людьми, которые сюда приходят.

— Понятно, — говорю я и слегка киваю.

— Хорошо, попробуйте, пока не остыло, — говорит он и машет рукой в сторону основного блюда.

Я могла бы и дальше выпендриваться и сказать, что не люблю фазанов, но думаю, что пульсирующая жилка на его шее говорит о том, что он вспыхнет от ярости.

— Спасибо, — говорю я, беру последние столовые приборы и отрезаю небольшой кусочек фазана.

Когда фазан попадает в мой рот, сладкий кленовый дым и землистый аромат трюфельного масла соединяются, и я ощущаю необыкновенный взрыв вкуса. Я чувствую, что чего-то не хватает, но чего — не могу точно определить.

Все взгляды обращены на меня, с нетерпением ожидая моей реакции.

— Хорошо, — говорю я, откладывая столовые приборы.

— Хорошо? — Пьер хмурит брови.

— Да, очень хорошо. Спасибо.

— Очень хорошо? — спрашивает он.

— Да, спасибо.

Его челюсть напрягается, а руки на долю секунды сжимаются в кулаки.

— И что же вам не понравилось? — он поднимает руку и потирает подбородок.

— Я не сказала, что мне не понравилось. Я сказала, что блюдо очень хорошее.

— Есть разница между очень хорошим и превосходным, — он кивает в сторону остальных сотрудников. — Они все думают, что оно было великолепным, и стоали от удовольствия, а вы берете один кусочек и говорите, что оно очень хорошее.

— Оно очень хорошее, и спасибо вам за предоставленную возможность попробовать его.

— Вы придирчивая и невыносимая женщина, — говорит он и поворачивается ко мне спиной, двигая лимонное беze в сторону жаждущих зрителей.

Никто не пробует его. Вместо этого их взоры приклеены к нам. Бессовестные зрители ждут, что будет дальше.

— Попробуйте и скажите, что вы думаете. — Пьер берет десертную вилку и протягивает мне.

Я беру ее и смешиваю все компоненты, чтобы ощутить полный вкус лимонного беze.

Ух ты, насыщенный вкус и кислота лимонов вместе с воздушным легким беze — это просто великолепно. Один из самых лучших десертов, что я когда-либо пробовала.

— Вам нравится? — спрашивает Пьер.

Конечно, невозможно скрыть мою реакцию, и, если честно, я даже не пыталась.

— Это, пожалуй, один из самых изысканных десертов, что я когда-либо пробовала. Сочетание всего этого дает восхитительный вкус, — говорю я, действительно желая съесть все.

— Хорошо, — говорит Пьер, разворачивается и уходит обратно к себе на кухню.

Он такая высокомерная задница.

Глава 4

Пьер

Она посмела расспрашивать меня. Расспрашивать перед обслуживающим персоналом. Кем, черт возьми, она себя возомнила?

Стакан виски пустеет довольно быстро.

Я сижу в своем кресле и пялюсь на фотографию Евы.

— Ты можешь поверить ей, *ton amour?* (фр. любовь моя) Она дура, притворяющаяся той, кем не является. Она просто официантка и ничего больше, даже не кулинарный критик. Она не имеет представления о том, что пробует, иначе ей бы понравился фазан, и она не выглядела бы такой разочарованной, когда пробовала его.

Глаза моей жены улыбаются мне, ее тело повернуто в сторону камеры, губы приподняты в нежной, беззаботной улыбке.

Закрывая глаза, я чувствую, как нежный запах ее цветочных духов щекочет мне нос. Легкое прикосновение, разжигающее мою кровь и помогающее вспомнить то, насколько красивой она была.

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок, — когда-то прошептала она мне. — Хочу, чтобы маленький Пьер присоединился к нам. — Она поцеловала меня, прижалась своим телом к моему, показывая мне, насколько сильно она хотела стать матерью.

Мои глаза открываются, когда я тянусь за бутылкой, подливаю еще в свой пустой стакан и наслаждаюсь жгучей жидкостью, поскольку я в очередной раз ищу туманное спасение.

Уже перевалило за два часа ночи. Тепло дня испарилось несколько часов назад, и тонкое одеяло ночного воздуха упало на город. Наш с Евой дом в Глиб (*Примеч.: район в Сиднее*) довольно старый, и расположен вдоль обсаженной деревьями дороги. Мы купили его, потому что она влюбилась в него, Ева говорила, что у дома есть характер. Кухня нуждалась в ремонте, ванная была маленькой и тесной, ковер — запятнанным и старым, а стены были обшиты деревянными панелями. Типичный австралийский дом, отреставрированный в 70-х.

— Мы можем отремонтировать его, и ты получишь свою роскошную кухню, — сказала она, когда мы его осматривали. Она закружилась в своем светло-желтом сарафане и игриво подмигнула мне через плечо, когда неторопливо вышла из устаревшей кухни.

Ее смех подсказал мне, что она хочет этот дом. Дом, где мы собирались завести семью и состариться вместе.

Сейчас я оглядел гостиную и увидел лишь тишину и пустоту. Ни детей, ни Евы, ни любви.

Я оглянулся на бутылку и почувствовал глухой удар в сердце. Сейчас это было не так, как тогда, когда была жива Ева. Сейчас оно билось только из необходимости, а не потому, что жаждало жизни.

— Мы можем переделать одну из гостевых комнат в детскую. Если это будет девочка, мы можем покрасить ее в фиолетовый, а если мальчик — в зеленый, — говорила она, и ее глаза были полны любви, когда она лежала на моей груди и подкладывала ладони под подбородок.

Я помню, подумал, насколько мне повезло, что у меня такая необыкновенная женщина и как чудесно возвращаться к ней каждый вечер.

— Мы скоро можем начать пробовать? — спросила она. Ее большие зеленые глаза были наполнены надеждой, а лицо было чрезвычайно выразительным, когда она прикусила нижнюю губу, с нетерпением ожидая моего ответа.

Моего эгоистичного ответа. Почему я был таким эгоистом?

Безграничное забвение засасывает меня дальше, бесконечная тьма окружает меня и удерживает в черной дыре отчаяния.

Сон обычно приходит ко мне только после того, как я выпиваю бутылку виски или полпачки таблеток. Но уже какое-то время я не притрагивался к таблеткам. Я заметил, что они влияют на то, как я думаю, пока не сплю. Моя реакция замедляется, и мозг не может адекватно мыслить, а алкоголь просто подавляет боль жизни.

Однако сон неуловим. И этим я когда-то наслаждался. Я помню время, когда просыпался с женой, ее рука была на моей груди, а нога лежала на моем бедре. Иногда я просыпался от теплых влажных губ, прокладывающих дорожку поцелуев вниз по моему телу и останавливающихся только чтобы подразнить меня языком, что еще больше возбуждало меня.

Но сейчас, сейчас я сижу в темноте с бутылкой виски, дожидаясь, когда нужно будет собираться на работу.

Это единственное, что удерживает меня от смерти, от того, чтобы бросить все.

Я работаю с утра до ночи, и это единственное, что постоянно в моей жизни.

Место, где я могу забыть то, что когда-то имел, и сосредоточиться на том, что люблю делать.

Моя жизнь теперь не более чем мерцание свечи. Воск тает, и пламя становится маленьким, дрожащим огоньком. Скоро оно просто исчезнет, и я, наконец, провалюсь в черную дыру вечности.

Глава 5

Холли

Сегодня последний вечер моего обучения, и с завтрашнего дня я сама по себе.

Это значит, что Ангус в основном будет находиться в своем кабинете, пока я управляю залом.

Сегодня неспокойный вечер. У нас несколько больших компаний, некоторые из них уже приехали, а некоторые должны приехать через полчаса. Наш список бронирования забит до отказа, и нервы у всех сегодня на пределе.

Я иду к столу для раздачи, чтобы убедиться, что все заказы собираются быстро, и вижу огромное пятно соуса, небрежно растекшееся по тарелке.

— Шеф, — я пытаюсь незаметно позвать Пьера.

Он поворачивается и смотрит на меня, приподняв бровь и продолжая жевать что-то за щекой.

— *Oui* (фр. да), — говорит он.

— Эта тарелка не в порядке, — ядвигаю тарелку к нему по столу.

— Это невозможно, я сам все проверяю, — ворчит он, вызывающе скрещивая руки на груди.

— Пожалуйста, проверьте еще раз, шеф. Похоже, эту вы пропустили.

— Я не буду проверять.

— А я не позволю своему персоналу подавать еду в таком виде. Это значит, что все остынет, а вам придется переделывать блюдо.

Я расправлю плечи и смотрю на него. Я мать семилетнего ребенка. Если он хочет поиграть в игру на упрямство, я чертовски уверена, что выиграю.

— Моя работа готовить еду, а работа твоих людей — подавать ее. Теперь иди, будь хорошей маленькой официанткой и отнеси еду, — огрызается он.

— После того как вы посмотрите тарелку и приведете ее в порядок.

— Ты просто придираешься.

— Хорошо, шеф, я отнесу эту тарелку с едой. Однако на кону *ваша* репутация, а не моя. Очевидно, вы не хотите вернуть звезду, — я беру тарелку и ухожу, чтобы передать ее Мэдди.

— Подожди! — кричит он мне.

— Да? — я оглядываюсь на него через плечо.

— Поставь тарелку, — говорит он, его французский акцент проявляется сильнее, когда он зол.

Я ставлю тарелку на стол для раздачи, повернув так, чтобы капля соуса была хорошо видна, и он делает несколько медленных шагов к столешнице.

Его руки все еще скрещены на груди, одна бровь вздернута, и он мельком смотрит на тарелку.

Лицо шефа определенно точно выражает то, о чем он думает. Он резко вздыхает и прищуривается, пока рассматривает тарелку.

— Смешно! Я осматривал тарелку сам. Ты это сделала, — кричит он достаточно громко, чтобы услышали те посетители, что сидят близко к кухне.

— Вы понизите свой тон и протрете эту проклятую тарелку, — говорю я сквозь стиснутые зубы, пока мое тело дрожит от гнева.

— Мои тарелки так никогда не выглядят, ты это сделала, чтобы выставить меня в дурном свете.

— Мне ничего не нужно делать, чтобы выставить вас высокомерной задницей, которой вы и являетесь. Вы сами великолепно выполняете эту работу. Теперь блюдо остыло, как и остальные на столе. Не могли бы вы их переделать? — мой голос твердый и низкий.

— Невыносимая женщина, — бормочет он, хватая тарелку и выбрасывая ее содержимое в мусорное ведро.

Что, черт возьми, он делает? Он мог бы упаковать бракованную еду и жертвовать ее в «ОзХарвест» — благотворительный фонд, который забирает остатки еды, чтобы накормить бездомных.

— Вы что, просто выбросили еду?

— Да, теперь уходи, я буду готовить все заново.

Он машет мне рукой, отпуская меня, будто я пустое место.

— Придурок, — говорю я, не покидая своего места за раздаточным столом.

— Уходи, невыносимая женщина.

Должно быть, это его любимое слово — «невыносимая».

— Нет, я буду стоять здесь и ждать, просто чтобы убедиться, что во второй раз ты все сделаешь правильно.

Упс, похоже, я перегнула палку. Он прекращает готовить блюда и переводит тяжелый взгляд своих серых глаз на меня.

— Я не «придурок», а перфекционист.

Ты, должно быть, издаваешься надо мной.

— Нет, я абсолютно уверена, что ты заносчивый придурок. Потому что если бы ты был перфекционистом, то не позволил бы блюду так выглядеть.

— Уходи, — кричит он на меня.

— Нет, только когда ты все исправишь.

— Эй, не дави на него. Он действительно может быть монстром, когда захочет, — шепчет мне на ухо Кэтрин. — Его слышит половина ресторана, уже шеи посворачивали, чтобы увидеть, что происходит.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я действительно не хочу, чтобы такое происходило в ресторане, пока я отвечаю за него. Если Ангус узнает, то будет злиться и уволит нас обоих. Хотя мне и не нужны деньги, я хочу попробовать двигаться вперед. Эта работа — мой первый шаг к исцелению, к тому, чтобы снова почувствовать себя нормальной.

Мне нужно взять себя в руки и попытаться сделать эти рабочие отношения более жизнеспособными и менее взрывоопасными.

— Пьер, — зову я мягким спокойным голосом. Он только кивает головой. — Прости, я погорячилась. Кэтрин сейчас здесь, и она подождет блюда.

— Да, уходи, убирай стол, — говорит он, вытирая посуду.

Дыши глубже, Холли, дыши глубже.

Я ничего не говорю. Не реагирую. Просто ухожу. Хотя все еще злюсь и готова стереть эту нахальную улыбку с его чертового лица.

Со злостью я ухожу, пытаясь отвлечься и отдохнуть, прежде чем сделаю что-либо глупое — прибью его или уволюсь.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает Ангус, вырывая меня из ярости, заполняющей мою голову. Я даже не понимала, что шла прямо к нему.

— Все хорошо, спасибо, — отвечаю я, стараясь избежать его вопросов.

— Пьер? — спрашивает он сочувствующим тоном.

— Я в порядке, просто немного подавлена, вот и все. Можно мне несколько минут?

— Да, конечно. Но если Пьер создает проблемы, я должен поговорить с ним.

— Нет-нет, пожалуйста. Я в порядке.

Я делаю шаг в сторону от Ангуса, но он ловит своей рукой мою и большим пальцем нежно гладит мою кожу.

Мурашки бегут по моей коже, а волосы на затылке встают дыбом, но не в хорошем смысле.

— Я могу тебе помочь, — говорит он тихим голосом.

— Что вы делаете? — я выдергиваю свою руку как можно быстрее, пытаясь не раздувать проблему.

— Ничего. Конечно.

Ангус разворачивается и уходит, направляясь в сторону кухни.

С ним я должна держать ухо востро, и убедиться, что он держит свои грязные руки при себе.

Я вхожу в дамскую комнату и на мгновение расслабляюсь. Туалет такой же роскошный, как и ресторан. Открываешь дверь дамской комнаты и следуешь в другую комнату, где находятся туалеты. Еще здесь есть диван и туалетный столик с тремя отдельными зеркалами и комфортными креслами для леди, чтобы поправить макияж, если им это понадобится.

Сегодня тяжело. Ситуация с Пьером только все ухудшила.

Закрыв глаза, я представляю себе Эмму, которая сидит на полу в своей комнате и играет с плюшевым медведем, которого отец подарил ей перед смертью.

Я делаю это для нее и для себя. Чтобы показать ей, что даже после огромной потери жизнь продолжается, и она прекрасна. Иногда может показаться, что время остановилось, и мир погряз в безнадежном мраке. Но, в конце концов, этот мрак перестает ощущаться чем-то нормальным. Прежде чем мы осознаем это, мы жаждем прикосновения солнца и ощущения тепла, согревающего нашу кожу и душу.

Я здесь, пытаюсь двигаться вперед и исцелиться. Отчаянно пытаюсь вновь обрести красоту и смысл в жизни.

— Холли, с тобой все в порядке? — голос Кэтрин вытягивает меня из моего момента здравомыслия, или, возможно, безумия, смотря как на это посмотреть.

— Да, я в порядке. Просто мне нужна была минутка, чтобы собраться с мыслями.

Она заходит в дамскую комнату и садится рядом со мной на маленький диванчик. Поднимает руку и обнимает меня за плечи в утешительном жесте.

— Он может быть настоящей задницей, но он очень талантлив на кухне.

Я улыбаюсь, потому что если бы он был *так* талантлив, то заметил бы грязную тарелку и все исправил бы до того, как поставить ее на раздачу.

— Все хорошо, — говорю я, стараясь предать голосу позитива. — Просто была тяжелая неделя.

— Ну, по крайней мере, ты пришла к нам из другого ресторана, поэтому ты уже привыкла к таким, как наш шеф.

Я не стала поправлять ее относительно моего прошлого, потому как это не ее дело. Я находилась здесь меньше недели и не собиралась открываться и рассказывать кому-либо что-то о себе. Это никого не касается.

— Честно говоря, мне просто нужна была минута, — я мягко улыбаюсь Кэтрин.

— Пьер переделал блюда, и я все подала. Он спросил, куда ты ушла, — сказала она.

Высокомерный придурок, наверное, думает, что я собралась и ушла. К черту его. Он не лучше меня.

Сделав глубокий вдох, я на секунду закрываю глаза, чтобы сосредоточиться на самом важном в своей жизни. Эмма. Я открываю глаза и встаю, поправляя свой пиджак и юбку.

— Спасибо, что навестила меня. Я выйду через минуту, — говорю я Кэтрин, надеясь, что она поняла намек и уйдет.

— Конечно, Холли, — она встает и идет к двери, затем останавливается, оборачивается и смотрит на меня, прежде чем выйти. — Раньше он никогда ни о ком не спрашивал, — говорит она, склонив голову набок и нахмурившись.

Какое мне дело до того, что он спрашивал обо мне? Может быть, он просто оправдывается перед собой, чтобы не чувствовать себя идиотом, потому что не послушал меня с самого начала.

Глава 6

Пьер

— С ней так тяжело работать. Можешь поверить в то, что она сделала, *ton amour*? Она стояла там и говорила мне, что тарелка грязная. Я проверял эту тарелку. Я знаю, что все было хорошо, прежде чем она взяла ее в руки. Кем она себя возомнила? — спрашиваю я Еву, глядя на ее фото.

Я откладывая фотографию Евы и встаю, чтобы взять в баре бутылку виски. За окном уже стемнело, и в опустившемся сумраке я будто слышу шепот, который зовет меня. Я вижу, как на горизонте мгла поглощает последние лучи солнца, и наступающая тьма манит меня отдаться ей, стать ее частью.

Я открываю заднюю дверь и выхожу в ночь. Смахнув пыль с одного из стульев в патио, я сажусь и смотрю в ночное небо. Смотрю на полную луну, самую большую и яркую, которую когда-либо видел. Несколько ярких звезд дополняют ее, и от этого неба так красиво сияет и искрится.

— Ева, ты здесь? — я жду пару минут, молясь о том, что она не ушла совсем, что она появится и разбудит меня от кошмара, в котором я застрял.

— Что мне делать? Как я могу вернуться к жизни? У меня ничего не осталось, *ton amour*. Ты оставила меня и забрала мое сердце с собой. Я знаю, ты не хотела уходить, но ты ушла, и я не знаю, что мне делать. Ты была единственной, в ком я видел смысл, и теперь тебя больше нет со мной. Я не знаю, как смогу прожить свою жизнь без тебя.

Я смотрю на величественную луну. Возможно, она может объяснить мне, почему я все еще дышу.

— Я борюсь, *ton amour*, действительно борюсь. Каждую минуту каждого дня я думаю о тебе и молюсь о том, чтобы увидеть тебя. Пожалуйста, скажи мне, шепни хотя бы слово, прикоснись ко мне своим теплом, хоть что-нибудь. Мне просто нужна ты, чтобы пройти через это. Мне нужен мой ангел с нежным голосом, который заберет мою боль.

Легкий ветер целует мои щеки, обвевает меня, с нежностью ласкает мою кожу. Я быстро моргаю и встаю, упираясь руками в перила.

— Ты здесь? — спрашиваю я тихо, в надежде услышать ее голос еще раз. — Что я могу сделать, чтобы прикоснуться к тебе? Даже на одно короткое мгновение, чтобы увидеть тебя, чтобы обнять тебя, поцеловать твои теплые губы, еще только один раз.

Ветер нежно обнимает и обволакивает меня. Ощущения настолько сильные, что мое сердце начинает колотиться в груди.

— Дай знак, что мне делать дальше, — прошу я ветер.

Он продолжает танцевать вокруг меня, задержавшись на мгновение только для того, чтобы начать снова с той же нежностью.

Она здесь, она должна быть здесь. Я звал Еву на помощь, и она здесь, чтобы спасти меня.

— *Mon amour*, — шепчу я, закрывая глаза.

Нежный цветочный аромат проносится мимо меня. Я едва улавливаю его слабый запах и знаю, что моя любовь рядом.

— Помоги мне выжить, — вздыхаю я, надеясь, что Ева сможет помочь мне разрушить стены, которые я так высоко построил вокруг себя.

Я протягиваю руку и поднимаю голову к небу.

— Покажи мне, — говорю я шепотом, задыхаясь.

Мурашки бегут по моей шее, мягкое покалывание пробуждает жизнь внутри меня. Похороненная глубоко внутри этого мертвого тела, моя душа пытается разгореться крохотным огоньком. Завеса мрака с трудом пытается подняться. Глубоко внутри я чувствую, как она пытается бороться с тяжелым грузом.

Вспоминаю день нашей свадьбы. Ева шла мне на встречу, ее волосы свободно спадали на плечи, венок из ромашек украшал голову. Она шла босиком по песку, держа в руках один желтый тюльпан. Ее улыбка была так прекрасна, а глаза были живыми и полны любви.

Ева смущенно опустила глаза, когда подошла ко мне, лучи солнца освещали ее светлые волосы, создавая нимб над головой. Запах океана опьянял нас, а соль приставала к нашим губам.

— Я никогда не упаду, пока ты рядом.

Это было обещание, которое я давал ей каждой частичкой своей души, пока мы обменивались брачными клятвами.

Я чувствую, как наворачиваются слезы, и позволяю им скатываться по щекам, позволяю себе вспоминать хорошее время, время любви. Любви, которую мы разделяли. Как мое сердце жаждало ее прикосновений, как моя кровь закипала, когда Ева была рядом. Улыбки, которые она дарила мне, когда думала, что я не видел. Засыпая, мы держались за руки и знали, что никогда не отпустим их.

— Прости, что подвел тебя. Я упал, и теперь не знаю, как подняться снова.

Ветер кружится вокруг, прижимается ко мне, нежно гладит, наполняя меня любовью и силой подняться и наконец-то дышать.

— Я постараюсь выстоять без тебя. Постараюсь сделать так, чтобы ты гордилась мужчиной, за которого вышла замуж. Прости меня за то, что сдался.

Может быть, просто может быть, пришло время мне ослабить хватку и отпустить свою жену.

Глава 7

Холли

Спасибо, Господи. И это действительно все, что я могу сказать. Спасибо, Господи, что неделя моего обучения закончилась.

Кроме той тарелки, стычек с Пьером больше не было, хотя, думаю, это только вопрос времени, когда кто-нибудь из нас взорвется.

Он высокомерный придурок. Он разговаривает с нами так, словно мы ничто. У него точно комплекс Бога.

Должна сказать, кто бы ни был на побегушках у него дома, я ему сочувствую.

Но сегодня вторник, и у меня выходной. Я упаковала еду для пикника, и когда заберу Эмму из школы, мы поедем в парк. В ресторане творилось сумасшествие. Мое обучение было далеко от нормального, и я приходила домой раздраженной благодаря «любимому» Пьеру и его идиотскому поведению.

Я упаковываю корзинку для пикника и одеяло и сажусь в свою машину, чтобы забрать Эмму из школы. Пикник будет для нее сюрпризом, но я уверена, что ей понравится.

Возле школы довольно шумно — в это время родители забирают своих детей.

Я сижу в машине и жду, когда прозвенит школьный звонок и когда я смогу забрать Эмму с занятий. Обычно это делает Бронвин, но когда я дома, это моя обязанность.

Хоть я и жду, пока прозвенит звонок, прежде чем зайти в класс, она всегда выходит последней, потому что слишком занята беседой с учителем. Ее маленькое лицико всегда светится теплой и счастливой улыбкой, когда она видит меня, и сегодня, надеюсь, она подарит мне ту самую жизнерадостную улыбку.

Я слышу звонок, выхожу из машины и иду к ее классу. Выходят дети, все одеты в школьную форму и радостно болтают между собой.

Когда вижу Эмму, она именно там, где я и думала — возле учительского стола, оживленно разговаривает с преподавателем.

Я стою в стороне и наблюдаю, как она что-то радостно описывает. Теплота и любовь наполняют мое сердце. Без сомнения, Эмма — это величайший дар, который я получила в жизни.

Ее возбужденные глазки смотрят в сторону холла, и она видит меня, стоящую в дверях со слезами на глазах. Ее улыбка меняется с той, которую она дарит окружающему миру, на ту, которая предназначена только для меня.

— Мамочка! — кричит она и бежит ко мне. Маленькими ручками она обвивает мою талию, и ее объятия усиливаются. В эти драгоценные секунды я понимаю, что только что запечатлела воспоминание. Это снимок любви в чистейшем ее проявлении. Важная, драгоценная картина, которая останется со мной до конца моей жизни.

— Я скучала по тебе, малышка.

— И я скучала по тебе. Что мы делаем сегодня? Я не хочу делать уроки, но знаю, что должна, — говорит она, шаркая ногами, пока мы идем к нашей машине.

— Хм-м, ты не хочешь делать уроки? — я обнимаю ее за плечи и притягиваю к себе, чтобы поцеловать в лоб.

— Нет, не хочу. А могу я не делать уроки сегодня, мамочка? — она смотрит на меня, ее лицо наполнено надеждой. — Мы можем просто повеселиться? Например, попрыгать через разбрзгиватель, когда вернемся домой? Или, может быть, ты можешь отвезти меня в бассейн? — охотно предлагает она, подпрыгивая вверх и вниз.

— Ни в коем случае мы не поедем в бассейн, и мы не будем прыгать у разбрзгивателя. Еще недостаточно тепло, чтобы заниматься этим.

— Ма-а-ам, — ноет она, и плечи ее опадают.

— Э-э-эмма-а-а-а, — соответствую я ее тону.

— Я не хочу делать домашнее задание. Я хочу играть и веселиться. Домашнее задание не весело. Это скучно.

— Тогда нам повезло, что мы едем в парк.

— Мы? — кричит она, когда мы переходим дорогу в сторону машины. — Правда, мамочка? Мы действительно едем в парк?

— Да.

— Только ты и я, или еще с бабушкой? — она возбужденно подпрыгивает возле дверцы машины, ожидая, когда я открою ее.

— Только мы вдвоем. И...

— Да? — ее глаза сияют, и она лучезарно улыбается мне.

— Я собрала нам еду для пикника. После того, как мы погуляем, можно будет пообедать. Но мы не можем оставаться слишком долго, потому что завтра у тебя школа.

— Я так тебя люблю, мамочка, — говорит Эмма, когда садится в машину.

Я лежу на одеяле для пикника в тени старого эвкалипта. Пруд омывает край парка, его воды нежно окутывают песок узкого пляжа.

Это старый парк, который находится здесь многие годы. Здесь есть новая игровая площадка, скейт-рампа и даже огромный батут. Пруд искусственный и неглубокий, скорее детский бассейн для лета, когда жара становится невыносимой, и местным детям нужно место, чтобы охладиться.

— Мамочка, ты покачаешь меня на качелях?

Эмма сняла свои школьные туфли и носки и теперь ходит вокруг, позволяя траве щекотать ее ноги.

— Хорошо, только сначала сниму туфли, потому что мне нравится твоя идея ходить босиком.

— Ты тоже разуваешься? Мамочка, ты смешная, — хихикает Эмма и бежит к горке и качелям.

Сняв обувь, я стою и смотрю в ее сторону.

Моя дочь — это великолепие на земле, которое успокаивает меня и сосредотачивает на том, что важно. Медленно шагая к Эмме, я не могу сдержаться и чувствую огромную дыру в сердце. Часть меня была сломана в одно мгновение.

— Давай, мама, — кричит Эмма, раскачиваясь на качелях.

Когда я добираюсь до нее, она уже хихикает, раскачивается и поднимается все выше и выше.

— Толкни меня, — возбуждено кричит она.

— Если я тебя толкну, то ты можешь перевернуться вокруг рамы.

Я становлюсь сзади, и толкаю ее. Она раскачивается все выше и продолжает смеяться.

— Выше, мамочка, выше.

Я толкаю сильней, но осторожно, чтобы убедиться, что она не поднимется слишком высоко, это может напугать ее. Хотя, судя по тому, как она смеется, думаю, с этим проблем не будет.

Следующие полчаса я качаю Эмму на качелях, но усталости даже не чувствую, потому что награждена счастливым смехом моей девочки.

— Будешь строить со мной замок из песка? — спрашивает она, когда я перестаю толкать ее, и она замедляется до полной остановки.

— Нет, но я хочу попрыгать на батуте.

— Правда? — визжит она

— Ага, давай. Пойдем прыгать.

Солнце начинает садиться над холмами. Близится вечер, возможно, около пяти, и парк быстро пустеет. Лишь несколько детей остаются здесь, но скоро и они все отправятся домой.

Мы с Эммой прыгаем на батуте до тех пор, пока не выбиваемся из сил. Эмма валится на батут и смотрит на уходящее солнце. Ее каштановые волосы в абсолютном беспорядке, а большие карие глаза разглядывают небо.

— Мамочка, как ты думаешь, когда я умру, то увижу папочку на небесах?

— Я думаю, папа обязательно будет ждать нас там, — мы лежим рядом, взявшись за руки.

— Думаю, что бабушке грустно. Я слышу, как она иногда плачет. Не все время, но я слышала один раз, когда вставала, чтобы сходить в туалет, — говорит она, продолжая смотреть на меняющиеся оттенки неба.

— Иногда мы должны плакать, это нормально.

— Я плачу, когда мне очень грустно, — она прижимается ко мне, положив голову на сгиб моей руки. Груз воспоминаний камнем лежит на моей душе, в горле стоит ком и все, что я хочу сделать, это завернуть Эмму в плед и защитить от любой опасности, которая может ей угрожать. — Все хорошо, мамочка. Ты тоже можешь плакать, если тебе это нужно.

— Ох, милая, — говорю я, задыхаясь от своих собственных слез. Что я могу сказать семилетней девочке, чья чистота — моя сила? — Мне не нужно плакать, я буду обнимать тебя и это все, что мне нужно. Пока ты в безопасности, веселая и здоровая, я буду счастлива.

Несколько мгновений мы лежим в тишине, а затем Эмма начинает вертеться и картинно потирать живот.

— Мой животик только что сказал мне, что должен что-нибудь съесть.

Ее детский разум так легко переходит с одной темы на другую, не задерживаясь на том, что было сказано несколько минут назад.

Я улыбаюсь ей и сажусь.

— Правда? Может, он попросил что-то конкретное?

— Ах, да, он сказал, что хочет шоколада.

— Правда? Что-нибудь еще?

— Погоди! — она наклоняется и пытается приложить ухо к пупку, но терпит неудачу.

— Еще картошку фри, гамбургер и молочный коктейль с карамелью, — Эмма выпрямляется и смотрит на меня с широкой улыбкой.

— Ну, ты можешь сказать своему животику, что у нас есть блинчики, фрукты и сок.

Она смотрит вниз.

— Ты слышал, животик? Это не то, что ты хотел, но это лучше, чем жаркое. Фу.

Я стараюсь сдержать смех, но он вырывается, когда я встаю и стряхиваю все, что могло прилипнуть от лежания на батуте.

— Пойдемте, мисс. Пообедаем и будем собираться.

— Ладно, — радостно говорит Эмма и бежит к нашему одеялу, лежащему в тени огромного эвкалипта. — Мамочка, твой телефон звонит, — кричит Эмма, пока я подхожу к ней.

Когда добираюсь до одеяла, телефон перестает звонить, но начинает снова, и я начинаю рыться в корзине для пикника, чтобы его найти.

Еще один пропущенный звонок, но затем я скользжу пальцем по экрану и вижу шесть пропущенных звонков от Ангуса.

Черт, что случилось?

Я начинаю доставать из корзины контейнеры с едой для пикника, когда мой телефон снова звонит.

— Здравствуйте, — говорю я, в то время как передаю Эмме ее обед.

— Извини, что беспокою тебя в твой выходной, Холли, но три официанта сегодня не пришли. У нас два банкета по десять человек в полвосьмого, а персонала очень не хватает. Есть ли вероятность, что ты сможешь быть сегодня вечером?

Я смотрю на Эмму, она с удовольствием ест свой блинчик.

— Который сейчас час?

— Около шести, — отвечает Ангус.

— Я не смогу приехать к семи, даже если бы была дома. Я смогу приехать только ближе к восьми.

— Я бы действительно не стал просить тебя, если бы не эти два больших заказа, но сотрудников и так не хватает.

— Кто на смене?

— Только Эндрю и Джастина. Пьер с двумя его помощниками на кухне. Его штат тоже невелик.

Я не могу сдержать смех и закатываю глаза. К сожалению, не могу удержаться и отвечаю:

— Неудивительно.

— Прости?

Вот черт, я не хотела произносить этого вслух.

— Ничего, — я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Эмма улыбается мне, а я подмигиваю ей. — Я приеду как смогу, но это будет не раньше восьми.

— Большое тебе спасибо, ты спасла меня. Припаркуйся на задней стоянке на одном из зарезервированных мест.

— Хорошо, скоро увидимся.

Я вешаю трубку, беру свой блинчик и начинаю его есть.

— Эмма, — начинаю говорить я, но она меня перебивает, прежде чем я успеваю продолжить.

— Я знаю, тебе нужно на работу. Все хорошо, мамочка. Бабушка дома, она присмотрит за мной, — Эмма доедает свой блинчик и тянется к коробке с соком. — Мы можем поехать прямо сейчас, если хочешь, — невинно предлагает она.

— Нет, так не пойдет, милая. Сначала мы должны закончить наш обед, а потом поедем домой.

— Ладно, можно мне еще что-нибудь съесть, пожалуйста?

Я наслаждаюсь обедом, потому что это время, проведенное с дочерью, никогда не повторится. Я хотела бы, чтобы эти мгновения длились всю жизнь, но они, кажется, делятся только доли секунды.

В такие дни, как сегодня, любовь растекается так легко, без условий и предрассудков — вот из чего создаются воспоминания.

Мы должны наслаждаться и запечатлевать эти редкие и захватывающие моменты, ведь мы никогда не знаем, повторятся ли они вновь.

Глава 8

Холли

Пока еду на работу, я обращаю внимание на размер луны. Она полная, и от ее вида захватывает дух, хотя звезды светят не так ярко, как обычно. Сила лунного света подавляет мягкое мерцание звезд.

Волнение оседает глубоко в животе, и волна эмоций раскачивается и пытается прорваться наружу. Неуправляемая дрожь охватывает меня.

— Стефан, мне нужно, чтобы ты присматривал за мной. Я знаю, то, что делаю — правильно. И знаю, что буду спотыкаться. Знаю, что буду падать, но мне нужно, чтобы ты подал мне знак. Сказал, что ты гордишься мной. Хоть что-нибудь, — я позволяю себе посмотреть на луну, которая улыбается мне сверху, прежде чем вернуть свое внимание на дорогу.

Пока еду на работу, я жду. И жду. Мне нужен этот знак, какое-нибудь небольшое заверение от Стефана.

Но его нет.

Ничего. Ни слова, ни шепота, ни песни.

Ничего.

Припарковавшись позади ресторана, я сижу в машине и чувствую тяжесть во всем теле. Замкнутость и тоска давят на меня, тяжесть окутывает мое сердце.

Не знаю, как долго сижу здесь, уставившись в пустоту, не чувствуя ничего, кроме необъятного мрака.

Тук... тук... тук...

Встрепенувшись, я смотрю направо и вижу Ангуса, который стучит в окно машины.

— Ты в порядке, Холли? — спрашивает он, делая пару шагов назад, пока я выхожу из машины.

— Да, прости. Я просто задумалась, — правдиво отвечаю я.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, я в порядке. Который час? — стараюсь сменить тему разговора.

— Почти восемь. Ты вовремя.

Я прохожу мимо Ангуса и вхожу в заднюю часть ресторана. Чувствую его руку на своей пояснице, пока он ведет меня внутрь. Смотрю на него через плечо, и мой взгляд встречается с его, молча приказывая убрать от меня свою руку, прежде чем я ее оторву.

Ангус открывает дверь и позволяет мне пройти первой, прежде чем закрыть ее и засунуть руки в карманы.

Кинув свою сумку в комнате для персонала, я выхожу в зал и нахожу Джастину в передней части ресторана. Ангус занимает место на подиуме метрдотеля.

— Привет, что происходит? — спрашиваю ее, когда она подходит к барной стойке и наливает напиток.

— Мы зашиваемся, вот что происходит. Я очень рада, что ты здесь. Но, эй, предупреждаю... у Пьера паршивое настроение. Он каждому сегодня задал жару. Зная, какие вы оба вспыльчивые, я бы посоветовала держаться от него подальше.

Я замечаю, что с заказами по бару творится сумасшествие. Ресторан переполнен. С ужасом я думаю о том, что творится на кухне.

— Слушай, я позабочусь о напитках. Ты иди, проверь, что творится на кухне, — говорю я Джастине, не особо обращая внимание на ее предупреждение.

— Хорошо, это, возможно, лучший вариант. Нам не нужно, чтобы еще один человек ушел из-за шефа, — она смотрит на меня, разворачивается и уходит.

Что это, черт возьми, было?

В ее взгляде скользит осуждение; но кого она осуждает: меня или Пьера?

Я стою за барной стойкой и готовлю напитки, затем подхожу к раздаче, чтобы посмотреть, какие блюда нужно нести и за какие столики.

Сегодня вечером нужны все свободные руки, поэтому я не против помочь. Два стола с большими компаниями ведут себя шумно, а Джастина и Эндрю сбились с ног. Хотя мы по-прежнему должны казаться профессиональной и слаженной командой, по едва заметным гrimасам на лице Ангуса могу сказать, что он борется с тем, чтобы продолжать находиться здесь.

Подойдя к столу для раздачи, я вижу восемь выстроенных в ряд блюд, которые никто не может отнести.

— Пьер, на какой стол их нужно отнести?

Пьер выпрямляется, медленно поворачивается ко мне и рычит:

— Это стол Джастины, а теперь уходи.

Пьер определенно заносчивый и высокомерный сноб. Его голова находится в собственной заднице, и он понятия не имеет день сейчас или ночь.

— Пьер, не мог бы ты сказать мне номер стола, чтобы я смогла отнести блюда? — я стараюсь, чтобы мой тон оставался спокойным, хотя внутри уже закипаю.

— Восьмой столик, — говорит он, наконец, бросая на меня косой взгляд.

Взяв две тарелки, я направляюсь в сторону стола и расставляю их напротив соответствующих заказов.

К тому моменту как восьмой столик обслужен, другой большой заказ тоже готов. Я начинаю обслуживать их, и при последней моей ходке у одного из клиентов руки становятся слишком распущенными и опускаются на мою задницу.

Я отхожу в сторону и стараюсь оставаться профессионалом.

— Не могли бы вы держать свои руки при себе? — прошу я его вежливо, но понимаю, что это не просьба, а скорее заявление — *не трогай меня*.

За этим столиком много мужчин, все в костюмах, все много пьют и слишком громко разговаривают.

— Она тебя отшила, — говорит парень, сидящий рядом с тем, кто распускает руки.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, он шлепает меня по заднице. Я продолжаю идти и обдумываю варианты действий. Развернуться, стукнуть его и уйти, смеясь? Рассказать Ангусу и устроить сцену? Или просто отпустить ситуацию и больше не возвращаться к этому столу, отправив Эндрю или Ангуса обслуживать их?

Я могу справиться с ним и любым другим придурком, который думает, что может распускать руки.

Захожу на кухню, расстроенная и недовольная тем, как разворачивается этот вечер.

— Убрайся, возвращайся на свое рабочее место, — я слышу глубокий французский акцент, Пьер почти кричит на меня.

Делаю шаг назад и чувствую, что моя спина упирается в стену, и все, что мне хочется сделать сейчас, это опуститься на пол, обхватить свои ноги руками и заплакать.

Вместо этого я расправляю плечи, приподнимаю подбородок и делаю два медленных вдоха.

— Уходи, — говорит он снова, смешивая что-то в огромной кастрюле.

— Ты что, издеваешься? — взрываюсь я, вскидывая руки вверх от досады. — Скажи мне, как ты стал таким высокомерным придурком? Что, черт возьми, у тебя за проблема, Пьер?

— Ты моя проблема, — говорит он, ехидно глядя на меня. Пристальный взгляд его серых глаз приковывает меня к стене, на мгновение выбивая дух из моего тела.

Я всматриваюсь в его лицо, медленно опускаю взгляд к груди, и улавливаю внезапный глубокий вдох.

За эту долю секунды, этот один удар сердца, он не Пьер-неприятный монстр, а кто-то еще. Человек, скрывающий ужасную боль, тень которой так глубоко врезалась в его душу, что он едва может дышать.

Суровый взгляд Пьера словно приклеивается к моему.

И его воинственная поза понемногу смягчается, со мной тоже что-то происходит. Небольшой огонек начинает разгораться, тепло проходит по моему позвоночнику.

Мы стоим и смотрим друг на друга лишь минуту. Может быть, даже не минуту, а всего несколько секунд.

Я простираю горло и отвожу взгляд от его широких плеч на кастрюлю, в которой он что-то готовит.

— Хорошо, что ты хочешь? — спрашивает он, его голос по-прежнему грубый, но уже слегка смягчился.

— Я просто хотела посмотреть, не нужна ли моя помощь здесь.

— Ты разве повар? Нет. Уйди, пожалуйста, — добавляет он «пожалуйста» тихим голосом.

— Слушай, ребята за десятым столиком создают мне проблемы. Можешь просто уступить, хоть на один вечер?

Пьер быстро поднимает взгляд на меня. Он кладет ложку на край стола и выпрямляется во весь свой рост метр восемьдесят, если не выше. Складывает руки на груди и приподнимает подбородок почти в защитном жесте. Его брови сходятся вместе, а челюсть напрягается.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он. Его акцент усиливается, почти как у эмигранта, который только изучает английский язык.

— Это не важно. Я просто хочу, чтобы ты дал мне перерыв.

— Это важно. Что ты имела в виду, когда говорила об этом столе?

— Пьер... — я стараюсь предупредить его, но он не слушает. Вижу, как напрягаются мускулы на его шее, и верхняя губа дергается в ответ.

— Ты мне сейчас расскажешь, что случилось.

— Просто оставь это.

— Эрик! — кричит он через плечо.

— Да, шеф, — отвечает его су-шеф и подходит к Пьеру.

— Присмотри за моим соусом, я отойду на минутку.

— Да, шеф.

Пьер обходит стол, за четыре огромных шага оказывается возле меня, хватает за локоть и тащит из кухни по направлению к комнате отдыха.

— Пьер, остановись. Все хорошо.

Он все еще молчит, хотя его хватка на моем локте усиливается.

— Какого черта ты делаешь? — говорю я, пытаясь вздохнуть.

Пьер открывает дверь в кабинет Ангуса, толкает меня внутрь, затем заходит сам и запирается на замок.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спрашиваю я еще раз, отступая от него.

Гнев прямо сочится него, и я вижу, как его серые глаза становятся стеклянными, а зрачки чернеют. Он сжимает руки в кулаки, его дыхание ускоряется.

— Пьер, — я смотрю, как он приближается ко мне. Его рот открыт, от злобы маленькая вена бьется на его виске. Его глаза дикие, за ними скрывается взрывная сила.

Он делает еще один шаг ко мне, а я от него. Моя задница упирается в стол Ангуса, и, прежде чем осознаю, что происходит, Пьер жадно берет в плен мои губы своими.

Руками он запутывается в моих волосах, пальцами нежно поглаживает щеку. Тело предает меня, и горячая вспышка желания оседает внизу живота. Она разжигает меня, я отчаянно хочу, чтобы он ко мне прикоснулся, безумно желаю получить побольше его тепла.

— Пьер, — выдыхаю я ему в рот.

Но он не останавливается. Поглощает каждый миллиметр меня. Играет с моими губами, умело ласкает языком, покусывает зубами. Я чувствую тепло, исходящее от него, которое окутывает мое сердце.

Пьер ласкает меня, как мужчина, умирающий от голода по человеческому прикосновению. Рычание исходит где-то глубоко из его груди, и от этого звука по моей коже пробегают мурашки в ожидании следующих лихорадочных ласк.

— Я так скучал по тебе, Ева. Я люблю тебя, — стонет он мне в губы, и я чувствую влагу, коснувшуюся моей щеки.

Имя, которое он пробормотал, как заклинание, рассеивает вожделение, и я отстраняюсь от его обжигающего поцелуя.

Несколько слез скатываются по щекам Пьера, он выглядит совершенно разбитым. Осознание того, что только что произошло, находит на него. Он хватается руками за голову и отступает назад, глядя на меня, точнее, молча умоляя меня не говорить ни слова.

— Пьер, — говорю я, делая шаг к нему.

— Пожалуйста, не надо... — он открывает дверь и выходит из комнаты.

А я, запыхавшаяся, остаюсь в кабинете Ангуса и не понимаю, какого черта только что произошло.

Глава 9

Холли

Я прислоняюсь к столу и медленно провожу пальцами по губам.
Что произошло?

Пьер на несколько секунд позволил своей стене высокомерия рухнуть, позволил себе отпустить боль, так глубоко укоренившуюся в нем.

Или, возможно, не только боль заперта внутри него. Думаю, это что-то еще. Он потерян.

Он заблудился и так жаждал хоть каких-то человеческих эмоций, что когда что-то почувствовал, то зацепился за это и удерживал изо всех сил, хоть это и продлилось всего несколько секунд.

Я остаюсь в кабинете Ангуса, стою как вкопанная на одном месте и просто смотрю на приоткрытую дверь.

На стене висят часы, и я слышу, как они тикают в тишине.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Это меня раздражает, напоминая каждую секунду о том, как долго я проторчала в кабинете Ангуса. Я отказываюсь выходить и разговаривать с Пьером, отказываюсь признать то, что только что произошло. Когда это издевательство становится все громче, стены вокруг, кажется, начинают сдвигаться, и грудь сжимает так, что сердце отказывается биться.

Какого черта происходит?

Почему это вызвало так много эмоций? Грудь сдавило тисками, в глазах стоят слезы, а мой разум мечется как запертый в клетке зверь. Почему я чувствую сразу так много?

Убираю пальцы от губ и провожу ими по волосам, закрываю глаза и просто даю себе время успокоиться и вздохнуть свободно, отгоняя мысли прочь.

Я не могу позволить этому остаться без ответа. Я заслуживаю объяснений от Пьера о том, что только что произошло.

Почувствовав расслабление, мысли начинают медленно возвращаться в привычное русло, я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

Теперь часы не кажутся такими громкими, а шок из-за случившегося начинает отступать.

Остаюсь в кабинете еще на несколько минут, пытаясь придумать лучший план действий для того, чтобы поговорить с Пьером о произошедшем.

Как только начинаю чувствовать, что пришла немного в себя, я покидаю кабинет и иду на кухню. Пьер по-прежнему на своем рабочем месте, продолжает делать то, что делал, прежде чем затащить меня в кабинет Ангуса.

Выражение его лица — смесь гнева и разочарования, пока он продолжает помешивать что-то в кастрюле.

Он смотрит на меня, и на мгновение я вижу, как что-то еще мелькает в его напряженном взгляде. Не могу точно определить, что это. Возможно, стыд или смущение, но оно есть. Он умоляет меня ничего не говорить. Это написано на его лице.

Я не могу сдержаться, поэтому прислоняюсь к кухонной стенке и просто наблюдаю. То, как его плечи напрягаются, когда он видит меня, или как его квадратный подбородок сжимается, и мое самое любимое — скрежетание зубами. Или даже то, как его грудь часто вздымается и опускается, пока он пытается не позволить тому, что случилось в кабинете, влиять на него.

— Пьер, — произношу я и делаю шаг к нему.

Он все еще удерживает мой взгляд, затем качает головой и смотри вниз.

— Пьер, — повторяю и делаю еще один шаг к нему. — Мы должны поговорить об этом.

— Тебе нужно покинуть мою кухню и идти обслуживать посетителей.

— Ты не можешь избегать меня.

— *Oui*, могу. Пожалуйста, покинь мою кухню.

— То, что случилось, никуда не денется, и я не уйду.

Он по-прежнему что-то мешает в кастрюле, отстраняясь и не признавая меня.

— Пьер...

— Заказ готов! — кричит он, поворачиваясь спиной ко мне и направляясь к столу для раздачи. Он бросает на меня взгляд через плечо, который говорит мне, что этот разговор окончен.

И на данный момент это так.

Покидая кухню, я иду к столу для раздачи, смотрю на номер стола и блюда. Великолепно. Десятый стол с отвратительными пьяными бизнесменами. Все, что мне нужно, это вернуться к этому столу.

— Не ты. Оставь этот стол Ангусу или Эндрю. Ты не вернешься к ним, — говорит Пьер. Но это больше похоже на приказ, которому я должна подчиниться.

— Ты не можешь разговаривать со мной, но можешь отдавать приказы, которым я должна следовать?

Он смотрит на меня: глаза потемнели от гнева, а лицо стало жестким и бесстрастным:

— *Oui*.

Смешок вырывается из меня, не намеренно, но все же.

— Ну ладно. Я иду к десятому столу, — я беру тарелки и направляюсь в сторону стола.

— Вернись.

Закатив глаза, я продолжаю идти — в каждой руке у меня по тарелке — и направляюсь к пьяным задницам за десятым столом. Надеюсь, они будут держать свои руки при себе, поедят и уйдут.

Подхожу к столу, избегая мистера Рукоблуда. Остальные парни поддразнивают его из-за того, что я его отшила. Он сидит в своем кресле, вливает в себя, вероятно, еще один стакан виски, и наблюдает за каждым моим шагом.

— Она милая, — я слышу, как один из парней говорит это, когда я поворачиваюсь и ухожу.

Это ресторан, Холли, будь спокойна.

Когда возвращаюсь к столу, я ставлю тарелку с блюдом перед мистером Рукоблудом и вижу, как его взгляд задерживается на моей груди. Он высовывает язык и облизывает губы, а затем его взгляд путешествует по моему телу. Он смотрит на меня, как на породистое животное, словно оценивая, как я буду вести себя с ним ночью.

Меня не беспокоит, нужен ли им молотый перец. Они могут засунуть его себе в задницу.

— Эй, милая, — говорит мистер Рукоблуд, когда я собираюсь уходить.

Я останавливаюсь и медленно поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Нацепив профессиональную улыбку на лицо, я смотрю на него, хотя про себя думаю, что он может пойти и трахнуть самого себя.

— Да? — я не спрашиваю, что ему нужно, потому что уверена, что он будет пошлить и скажет что-нибудь неуместное.

— Принеси мне еще виски.

— Извините, сэр, но мы не можем предоставить вам больше никакого алкоголя. Согласно закону алкогольной службы Нового Южного Уэльса я не могу предоставлять любые дополнительные напитки клиентам, которые, как я считаю, опьянены. И я совершенно уверена, что количество употребленного вами в этот вечер алкоголя, позволяет мне отказать вам на этом основании.

Его друзья ухмыляются, а некоторые даже ржут в голос.

— Стерва, — говорит он, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти.

Я иду за барную стойку, и Ангус подходит ко мне.

— Эй, я слышал, что десятый столик достает тебя.

— Ничего, я справлюсь. Это Пьер тебе сказал?

— Да, он подошел ко мне и сказал забрать этот стол у тебя. К слову, он был зол — и это еще мягко сказано. Что происходит между вами двумя? То он каждый день требует уволить тебя, а сегодня хочет, чтобы я защищал тебя от ребят за десятым столом.

Хм-м, действительно?

Я готовлю напитки для заказов, но молчу. Хотя мне особо нечего сказать. Не могу же я рассказать Ангусу о том поцелуе, ведь даже я не знаю, что это было.

Когда с напитками покончено, я помогаю разносить еду, готовлю счета и убираю столы.

Близится десять вечера, в ресторане тихо, осталось только несколько человек. Шумные пьяные парни ушли полчаса назад, и мистер Рукоблуд не смотрел на меня оставшуюся часть их ужина.

Он даже оставил мне чаевые. Он дал Эндрю сто долларов и сказал передать мне со словами:

— Она заслужила это.

Я оставила их в общей банке в комнате отдыха, когда никто не видел. Мне не нужны деньги, поэтому пусть достанутся другим: кто моложе и, скорее всего, не так материально обеспечен, как я.

К концу вечера я чувствую, что устала и эмоционально разбита.

Пьер игнорировал меня весь вечер, а когда поднимал голову, чтобы посмотреть на меня, то хмурился и возвращался к своей работе. Его настроение подобно вулкану — то он открыто протестует против меня, вообразив себе какую-то чушь, то целует меня, поглощенный неистовой страстью. Он очень эмоционален, но еще он травмирован и потерян.

Его страсть скрывается под слоями внешней брони. Грубость — это то, что все видят, невыносимую неприязнь он использует как щит, которым отчаянно пытается прикрыться. По какой причине — я не знаю.

Но этот поцелуй. Он что-то значил для него. Я чувствовала это, пока он завладевал моими губами. Что-то прошло сквозь него, когда его мягкие губы слились с моими. Оно пыталось прорваться на поверхность.

Но Пьер продолжает подавлять неукротимую, свирепую потребность, заталкивая ее подальше и не позволяя ей прорваться на поверхность.

— Доброй ночи, — кричу я Ангусу и тем, кто еще захочет ответить. Эндрю и Джастина уже ушли, оставив только меня, Ангуса, Пьера и Эрика.

— Поезжай аккуратно, и спасибо, что приехала сегодня так быстро, — говорит Ангус из передней части ресторана.

Я прохожу мимо кухни и вижу, что Пьер завязывает мусорный мешок. Не знала, что он выполняет такую грязную работу, как вынос мусора. Я думала, он считает, что это ниже его достоинства.

Он поднимает голову, признавая само по себе мое присутствие. Я чувствую себя настолько маленькой. Это вне моего понимания. Меньше двух часов назад он страстно целовал меня, а теперь снова воздвиг свои защитные стены, вернул свою ненависть, и гнев прямо-таки сочится из него.

Добираюсь до задней двери, делаю глубокий вдох и упираюсь лбом в холодную стальную дверь, просто чтобы дать себе время успокоиться.

Думаю, что проблема у Пьера не со мной, а с самим собой, но он не хочет поговорить, чтобы объяснить, что произошло, и почему он поцеловал меня.

Ввожу код, открываю дверь и жду, пока она закроется за мной, затем иду к своей машине. Подхожу и открываю дверь с помощью брелока.

Мгновенно чувствую, как двумя сильными руками кто-то сжимает мои бедра и прижимает к дверце автомобиля.

— Пьер, ты не должен этого делать, — говорю я.

Он еще сильнее прижимается ко мне, его эрекция упирается в мою задницу.

— Кто такой Пьер?

Чувствую тяжелый запах виски и вспоминаю оскорбление от очень пьяного мистера Рукоблуда.

Кровь стынет в жилах, сердце застrevает в горле, и невольно начинают течь слезы.

Эмма, я должна быть сильной ради нее.

— Помогите! — кричу я так громко, как только могу.

Он убирает одну руку с моего бедра, хватает меня за волосы и рывком поворачивает мою голову в сторону. Моя спина неестественно выгибается, и я не могу пошевелиться.

— Помогите! — снова кричу я, призывая на помощь как можно громче.

— Заткнись, сука. Я жду хорошего обслуживания за те сто баксов, что оставил для тебя, — говорит он. Его голос уже не кажется таким уж пьяным.

— Помогите! — кричу я в третий раз.

Он хватает меня за волосы и бьет лицом о машину. Угол крыши автомобиля приходится на глаз и переносицу.

Несколько секунд я не чувствую ничего, кроме того, как теплая струйка стекает по лицу совсем рядом с глазом.

И прежде чем мой разум осознает, что произошло, мистер Рукоблуд отпускает меня.

Я поворачиваюсь и сползаю вдоль машины. Я вижу, как Пьер в ярости хватает парня за лацканы пиджака, выворачивает руку и бьет в лицо.

Этот урод спотыкается, делая несколько шагов назад; алкоголь все-таки дает о себе знать. Он спотыкается о собственные ноги и падает на спину.

— Холли! — Пьер подбегает, садится на корточки рядом со мной и нежно гладит меня по волосам. — Твой глаз, — говорит он. Всего за несколько ударов сердца его свирепая ярость сменилась на спокойствие и ласку.

Я поднимаю руку, чтобы прикоснуться к ушибленному месту, и морщусь от боли.

— Все очень плохо? — спрашиваю я Пьера, пока он гладит меня по голове, но продолжает наблюдать за парнем, который пытался... ну, неважно, что он намеревался сделать.

— *Oui*, плохо. Тебе нужно в больницу.

Мой взгляд падает на пьяного придурка на асфальте, но я возвращаю его обратно к Пьеру.

— Спасибо, Пьер. Он напугал меня.

Холод обволакивает, меня начинает трясти, и я замечаю, с какой силой дрожат мои руки.

— Я должен вызвать полицию и скорую помощь. С тобой ничего не случится, если я оставлю тебя на минуту? — его лицо снова изменилось. Теперь оно стало еще мягче. Он превратился из сомнительного святоши в заботливого мужчину.

— Да, со мной все будет в порядке, — говорю я, пока сажусь и прислоняюсь к своей машине.

Закрываю глаза и слышу, как Пьер говорит по телефону. Я чувствую, как теплая кровь продолжает струиться по моему лицу и стекает на пиджак.

Через несколько секунд открывается задняя дверь, и Ангус подбегает ко мне.

— Что, черт возьми, случилось? — кричит он. Я точно не уверена, к кому он обращается.

Мои глаза все еще закрыты, я просто расслабляюсь, прислонившись к машине, и молча слушаю пересказ истории Пьера.

У меня начинает кружиться голова, маленькие черные звездочки медленно плывут перед глазами, и я слегка покачиваюсь.

Пьер и Ангус все еще разговаривают, когда на расстоянии слышатся сирены.

Тьма все больше приближается ко мне, и я чувствую, как мое дыхание становится рваным.

— Холли, — слышу, как кто-то произносит мое имя. — Холли!

Я открываю глаза, и тону в серых глазах Пьера. Он нежно сжимает мои плечи, и я отдаюсь его прикосновениям, наслаждаясь его мягкостью и добротой.

— Пьер, — мне удается произнести хриплым голосом. Мои веки начинают тяжелеть, и я понимаю, что отключаюсь. Я ничего не чувствую.

— Холли, — слышу я в последний раз, прежде чем тьма окутывает меня.

Глава 10

Пьер

— Холли, пожалуйста, не засыпай. Я уже вызвал полицию и скорую помощь. Они будут через несколько минут.

— Пьер, что он сделал? — спрашивает Ангус, делая шаг в сторону пьяного приурка, валяющегося на дороге.

Смотрю на Холли и вижу, как ее глаза начинают закатываться. Хоть она и сидит на земле, прислонившись к машине, она покачивается и еле держится в вертикальном положении.

— Холли, — говорю я, подбегая и опускаясь на колени перед ней. Она отчаянно пытается оставаться в сознании, но скоро просто отключится. У нее вполне может быть сотрясение мозга из-за того, что пьяный мудак ударил ее головой об машину.

И этот ужасный, тошнотворный звук, когда ее лицо встретилось с холодным металлом автомобиля. Меня чуть не вырвало, когда я услышал его.

— Холли, — повторяю снова, отчаянно желая, чтобы она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Пьер, — бормочет она. Я провожу рукой по ее лицу и пытаюсь сделать так, чтобы она оставалась в сознании. Короткий одобрительный звук слетает с ее вишневого цвета губ, и она прислоняется ко мне. — Пьер, — повторяет она, и ее тело неуклюже падает.

— *Merde (фр. черт)!* — кричу я и ловлю ее прежде, чем головой она ударится о грязный, холодный асфальт.

— Черт! — кричит Ангус и тоже бросается к Холли, чтобы поймать ее, но я подхватываю ее раньше.

— Я слышу полицейскую сирену, — говорит он, выпрямляясь и глядя в сторону переулка. — Пойду и направлю их сюда.

— Холли? — я пытаюсь разбудить ее и нежно потираю ее плечи.

Она издает небольшой стон. Конечно, с ней не все в порядке, но, по крайней мере, я могу надеяться, что ей не угрожает опасность.

Сирены приближаются, и в течение нескольких минут две полицейские машины резко останавливаются в переулке.

— Что случилось? — спрашивает полицейский у Ангуса, в то время как я сижу, прислонившись спиной к машине Холли, и укачивая ее в своих руках. Я посадил ее к себе на колени, а ее голова лежит у меня на груди.

Чувствую ее теплое, нежное дыхание на своей шее. Слава Богу, что она дышит. Может быть, она потеряла сознание. Ярко-малиновая струйка крови почти перестала течь по ее лицу, но ее одежда испачкана кровью.

Слышу, как полиция допрашивает Ангуса, а «скорая» через минуту останавливается позади полицейской машины.

Работник «скорой» смотрит на меня с Холли на руках, затем на приурка на земле.

Он быстро подходит ко мне и садится на корточки рядом с нами.

— Что случилось? — спрашивает он меня.

— Эта тварь дотронулась до нее своими руками. Он ударил ее головой об машину, — рассказываю ему и чувствую, как моя челюсть сжимается, пока я смотрю на мужика в отключке.

— Я возьму носилки.

Молодой парамедик встает и идет к задней части машины, откуда вытаскивает каталку и катит ее ко мне.

Не похоже, что он слишком торопится, и это выводит меня из себя.

Еще один парамедик подходит, и они оба пытаются забрать Холли из моих рук.

— Я сам, — говорю я и прогоняю их прочь.

Я встаю, все еще прижимая Холли к себе, и кладу ее на жесткую каталку. Они пристегивают ее ремнями и катят к задней части скорой. Держа ее за руку и нежно поглаживая, я иду с ними.

— Вы ее супруг? — один из них спрашивает меня.

— *Non*, — отвечаю я.

— Вы не можете поехать с нами.

— *Merde!* Конечно, я могу.

Нахмурившись, я сжимаю челюсть.

— Хм... — он смотрит на меня, потом на своего коллегу. — Извините, но вы не можете.

— *Fils de salope* (фр. сукин сын)! Я не отпущу ее одну. Когда она проснется, ей будет нужен кто-то, кого она знает, — я почти кричу.

— Что за дела, мужик? — спрашивает парамедик, глядя поочередно то на меня, то на напарника.

— Ничего. Я еду, точка, — мой голос становится все более несдержаным, более угрожающим. И поэтому один из офицеров подходит к нам.

— Пусть они делают свою работу. Если хочешь — поезжай в больницу, чтобы увидеть ее. Но сейчас ты ей совсем не помогаешь, — говорит он, останавливаясь рядом со мной.

— *Non*, я тоже должен поехать с ними.

— Послушай, — начинает он, и его голос понижается, становясь более искренним. — Я понимаю, что тебе, наверное, она нравится, и ты хочешь позаботиться о ней...

— *Non*, она мне не нравится, — говорю я, прерывая его.

— Действительно? Ну, значит, она не твоя забота.

Мы стоим несколько секунд, но затем я отступаю и отпускаю ее руку.

Она мне не нравится. Она *dura*, просто сотрудник в ресторане. Женщина, которая достает меня и постоянно спорит со мной, ничего больше.

— Пьер, — зовет Ангус, вырывая меня из душевного потрясения. — Пусть они делают свою работу. Мне нужно позвонить ее семье.

Следующие несколько минут пролетают очень быстро, и пьяного мудака тоже увозят на другой машине скорой помощи. Его запястья наручниками прикованы к каталке. Полицейские остаются, чтобы поговорить со мной.

Ангус исчезает внутри здания, а я остаюсь в этом кошмаре и смотрю на свою окровавленную одежду. Ключ-карта все еще в моих руках, а коп задает мне вопросы, пытаясь выяснить, что же именно произошло.

Кажется, проходит вечность, и после многих бесполезных вопросов копы, наконец, уезжают.

Наконец-то я могу поехать в больницу и убедиться, что Холли в порядке.

Я поворачиваюсь и бегу к своей машине. Ключи уже у меня в руках.

Больница не слишком далеко от ресторана, около пятнадцати минут езды, и, когда я подъезжаю, парковка практически пуста. Останавливаюсь возле самого входа и бегу в отделение неотложной помощи, чтобы узнать о Холли.

— Мне очень жаль, сэр, но только членам семьи разрешено находиться в отделении. Вы можете подождать, и когда они приедут, я попрошу их подойти к вам.

Я закатываю глаза и устраиваюсь в неудобном кресле в тихом зале ожидания.

Пока сижу в многолюдном месте, пахнущем антисептиком, я не могу не думать о том времени, когда больницы были для меня такой же рутиной, как чистка зубов.

Звуки, запахи, чувства — все эти воспоминания снова всплывают в моей памяти.

— Я буду в порядке, — говорила Ева, улыбаясь мне и глядя на меня из-под своих густых ресниц. — Это необходимое зло, чтобы сделать меня лучше, чтобы сделать меня сильнее. Мы пройдем через это, — Ева сжимала мои пальцы и клала голову на мое плечо.

Я убаюкивал ее, целовал в лоб и шептал, как я горжусь ею за ее силу и за ее способность видеть все только положительное. Я упивался ее уверенностью, ее чистейшей

способностью оставаться сосредоточенной на том, чтобы стать лучше и сильнее. Не только для себя самой, но и для меня и нашего будущего.

Губы Евы всегда были теплыми и манящими, умоляющими поцеловать их и обласкать. Она предлагала мне эту идеальную розовую мягкость, и я всегда наслаждался их безупречной формой, прежде чем соединиться с ними. Она всегда хотела больше поцелуев, когда проходила лечение. Она хотела, чтобы я обнимал ее и говорил, что все будет хорошо.

Но ничего не было хорошо.

Ничего не было идеальным.

За исключением нескольких лет, что мы провели вместе.

— Ты здесь, чтобы увидеть мою мамочку? — слышу я вопрос маленькой девочки, и одновременно она стучит по моему плечу, вырывая меня из воспоминаний о Еве.

Посмотрев направо, я вижу источник вопроса — маленькую темноволосую девочку с сонными глазами, в руках она держит медвежонка.

— Я не знаю, кто ты, — говорю я, отстраняясь от ребенка.

— Ты здесь, чтобы увидеть мою мамочку? Я слышала, как медсестра сказала бабушке, что ты ждешь мою мамочку.

Я смотрю туда, куда показывает ребенок, и там пожилая седоволосая женщина разговаривает с медсестрой.

Перевожу взгляд с пожилой леди на маленькую девочку, которая стоит рядом со мной. Не могу сдержаться и поэтому изучаю черты ее лица. У нее такой же нос и разрез глаз, как и у Холли, и она довольно бесстрашная. Какой ребенок будет подходить ко взрослому и спрашивать у него что-нибудь?

— Ты тот дядя, о котором мамочка разговаривает с бабушкой.

Нахмутившись, я приподнимаю плечи в оборонительном жесте.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, выпрямляясь в неудобном кресле.

— Мама сказала, что ты не очень приятный, но, как по мне, ты выглядишь ничего так.

Не могу сдержаться, и из меня вырывается смешок.

— Может быть, твоя мама права.

— Не-а, я думаю, ты нормальный.

— Эмма, — пожилая леди зовет ее.

— Я должна идти. Бабушка зовет меня.

— Ладно, увидимся позже.

Эмма поворачивается и идет к бабушке. Пожилая леди осматривает меня сверху донизу, хмурится и, прищурившись, оценивает меня.

Медленно она подходит ко мне, крепко держа внучку за руку, ее лицо напряжено.

— Вы Пьер? — спрашивает она, когда останавливается в нескольких метрах от места, где я сижу.

Я встаю и протягиваю ей свою руку для рукопожатия.

— *Oui*, мадам.

Она смотрит на мою протянутую руку и еще крепче сжимает руку Эммы.

— Вы тот мужчина, который устраивает моей невестке проблемы на работе?

Невестке? Она замужем.

Я поцеловал замужнюю женщины?

Твою мать!

Этот поцелуй, невероятный поцелуй, в котором я потерялся. Нежный поцелуй, который мне хотелось продлить навечно. Всепоглощающий поцелуй, который я обычно дарил Еве.

— Я... — «извините» кажется не достаточным. — Я... — дрожь пробегает вниз по телу, тьма окутывает меня, и мое горло начинает сжиматься. — Мои искренние извинения, — говорю я и делаю шаг от нее.

— Пьер, — говорит она и кладет руку на мое плечо.

— *Non, non, non*. Я ухожу, раз уж вы здесь.

Делаю еще один шаг назад, поворачиваюсь и бегу. Сбегаю от ситуации, от красивых карих глаз дочери Холли и от осуждения женщины, чью невестку я поцеловал.

— Пьер... — я слышу, как она кричит мне вслед.

Но больше всего я боюсь осуждения не невинных глаз окружающих меня людей, а того, что внутри меня.

Я разочаровал всех.

Но больше всего мне ненавистно думать, что Ева думает обо мне и о подлом поступке, который я совершил.

Забравшись в машину, я понимаю: единственное, что смоет все эти чувства, — это алкоголь.

Глава 11

Холли

— Мамочка, можешь проснуться?

Моя голова кружится, окутанная тяжестью, и я пытаюсь сосредоточиться на самом сладком голосе, который когда-либо слышала. Пытаюсь бороться с пеленой, затуманивающей мой разум. Мне кажется, что я кричу так громко, как только могу, пытаюсь скинуть одеяло и дать знать моей маленькой девочке, что я в порядке. Но остаюсь лежать молча и неподвижно.

— Мамочка, ты в порядке? — спрашивает Эмма, и я чувствую, как нежными, теплыми ручками она дотрагиваются до моих.

— Эмма, думаю, надо дать мамочке отдохнуть. Мы останемся с ней, но ты должна вести себя тихо, чтобы она поправилась, — нежно шепчет Бронвин.

Нет! Я пытаюсь закричать, заорать, издать хоть какой-нибудь звук. Я хочу, чтобы Эмма продолжала говорить со мной, возвращать мой разум к реальности, помогла развеять туман, который окутал меня.

— Мамочка, мне очень понравился наш пикник. Когда ты проснешься, мы можем сходить на еще один?

— Ш-ш-ш, Эмма. Твоей мамочке нужно поспать.

— Я разговаривала с тем дядей с твоей работы. Он смешной. Мне он понравился. Мне нравится, как он говорит. Так разговаривают там, откуда он.

— Эмма, — тон Бронвин становится предупреждающим.

— Но я думаю, что он хороший. Он может пойти с нами на наш следующий пикник? Думаю, что ему понравится батут.

— Эмма, — Бронвин обращается к ней все строже.

— Все хорошо, бабушка. Мама любит, когда я разговариваю.

— Ей нужен отдых.

— Не нужен. Ей нужны мы, чтобы она смогла проснуться. Думаю, она ждала нашего прихода. Тебе тоже стоит с ней поговорить, бабушка, — невинно говорит Эмма. Она не специально не слушается Бронвин. Просто у Эммы такой характер.

— Давай ты поговоришь с ней несколько минут, а потом мы сходим за горячим шоколадом?

— Хорошо. Мамочка, думаю, ты должна сейчас проснуться, потому что я хочу, чтобы ты поехала с нами домой, — она сжимает мою руку чуть сильнее, но ее голос по-прежнему остается веселым и сладким.

Свет начинает исчезать, а голос Эммы становится приглушенным. Темнота плотно окутывает мое сознание и силой утягивает туда, куда я не хочу идти.

— Холли, — нежно шепчет он с сильным французским акцентом. Теплыми пальцами он сжимает мои, и я чувствую жар от этого нежного прикосновения.

— *Merde!* Я не хочу вот так с тобой разговаривать. Я ждал возле больницы в машине, пока твоя маленькая девочка и свекровь не ушли, — его французский акцент усиливается.

— Пьер, — я пытаюсь сказать, но звук не выходит достаточно громким.

— *Mon cheri* (фр. дорогая), прости меня. Я не должен был целовать тебя. Не должен был нападать на тебя и захватывать твои губы так, будто ты принадлежишь мне. Но ты напомнила мне о времени, которое я хотел бы вернуть. Это был момент, когда я забыл о своем разбитом сердце и хотел бороться за большее. Хотел обнимать красивую *femme* (фр. женщина) и чувствовать хоть что-то, кроме той пустоты, что заполняла меня так долго. *Oui*, ты пришла ко мне на кухню и рассказала о мужчине, *non*, твари, которая посмела поднять на тебя руку, и это напомнило мне о времени с Евой.

Я не понимаю, что происходит. Может быть, темнота затягивает меня, или, может быть, Пьер перестает говорить. Озноб добирается до меня, а тепло, ласкающее мою руку, исчезает.

— Мама, — снова слышу я.

Хотя в этот раз я могу открыть глаза. В комнате приглушен свет, сильный запах антисептика раздражает мой нос.

Поворачиваю голову направо и вижу капельницу с пакетом прозрачной жидкости, из которого тянутся трубки.

— Мамочка, — слышу снова.

Когда я медленно поворачиваю голову налево, то вижу свою малышку — она смотрит на меня с самой широкой улыбкой на свете.

— Эмма, — говорю я, мой голос хрипит, а в горле сухо. Я пытаюсь сглотнуть, но недостаток влаги затрудняет это.

— Ты проснулась, — восклицает она и бросается ко мне. Ее маленькое тельце прижимается к моему, и она крепко меня обнимает. — Я знала, что просто нужно с тобой разговаривать, чтобы ты проснулась. Я сказала это бабушке, но она просила меня быть тихой. А я не хотела молчать, мамочка. Я люблю тебя.

Не могу удержаться и обнимаю ее сильнее. Ее волосы пахнут цветочным кондиционером, а маленькое тельце с любовью прижимается к моему.

— Я тоже тебя люблю, малышка, — удается мне сказать. Это ощущается прекрасно. Держать в руках самого важного человека и знать, что я в порядке и могу обнимать ее и говорить, как сильно ее люблю.

В то время как мы с Эммой лежим вместе, дверь открывается, и Бронвин заходит в палату, держа в руках стаканчики.

— Холли, милая, как ты себя чувствуешь? — спрашивает она, как только оглядывает палату и замечает, что я очнулась.

Мне требуется несколько секунд, чтобы вспомнить все, и затем я понимаю, что моя голова на самом деле пульсирует от тупой боли. Поднимаю свою правую руку и замечаю катетер. Когда подношу руку ко лбу, морщусь от боли, но чувствую небольшую повязку.

— Сколько дней я пробыла здесь? — спрашиваю я и осторожно провожу рукой по ушибленному и перевязанному лбу.

Бронвин нажимает на кнопку, а затем садится на свободный стул с правой стороны от меня.

— Сейчас пять часов дня. Ты пришла в себя рано утром. Помнишь, что произошло?

— К сожалению, — я на мгновение делаю паузу, поглаживая волосы Эммы, которая еще ближе прижимается ко мне. — Где Пьер? — спрашиваю я, глядя на Бронвин.

— Он забавный. Мне он понравился, мамочка.

Я смотрю на Эмму, которая сидит на кровати и держит меня за руку.

— Откуда ты его знаешь?

— Он был в зале ожидания, когда мы с бабушкой приехали сюда. Я разговаривала с ним. Он может пойти на пикник вместе с нами?

— Я не знаю, малышка. Возможно, он не захочет пойти, и это может быть не очень хорошей идеей.

— Но я думаю, что он захочет, так почему бы нам просто не спросить у него? — говорит Эмма, ее большие шоколадного цвета глаза смотрят прямо на меня. Ее невинность прекрасна — такая согревающая и чистая. Как и она сама.

— Посмотрим, — отвечаю я и смотрю на Бронвин, призывая ее на помощь.

Как только Бронвин встает, дверь открывается и заходит медсестра в униформе.

— Меня зовут Ребекка, и сегодня я ваша медсестра. Как вы себя чувствуете, миссис Уокер? — спрашивает она, пока подходит к кровати и берет мою историю болезни.

— Я в порядке.

Бронвин подходит с другой стороны и берет Эмму за руку, пока та спрыгивает с кровати.

— Головокружение, головные боли, тошнота? Врач скоро подойдет, чтобы осмотреть вас.

— Просто головная боль и лоб болит.

— У вас была глубокая рана на лбу, но швы не потребовались.

Я киваю, а она приветливо улыбается мне. Ребекка — молодая и красивая, но еще — спокойная и заботливая.

— Вам что-нибудь нужно, пока я здесь? Может быть, помочь вам сходить в туалет?

— Нет, все в порядке. Но я бы не отказалась от воды.

— Как только врач осмотрит вас, я принесу воду и еду.

— Спасибо, — говорю я и смотрю на нее, а затем на Бронвина.

— Привет, Эмма. Как дела? — спрашивает Ребекка мою дочь.

Глаза Эммы загораются, а широкая улыбка сияет из-за вопроса медсестры. Очевидно, Эмма и с ней разговаривала.

— Хорошо, но мне скучно.

— Возможно, я могу взять тебя с собой и посмотреть, смогу ли найти тебе несколько карандашей и бумагу, — Ребекка смотрит на меня и ждет, дам ли я ей свое разрешение.

Я слегка киваю и улыбаюсь, и Эмма взволнованно что-то быстро говорит, пока Ребекка уводит ее из палаты.

Когда дверь за ними закрывается, я поворачиваюсь к Бронвин.

— Зачем Пьер был здесь?

— Как ты узнала это?

— Он заходил в палату, разговаривал со мной.

— Что он сделал? — спрашивает она, нахмурив брови и сжав губы в тонкую линию.

— Что случилось?

Бронвин подходит и садится на стул справа от меня.

— Когда Ангус позвонил домой, он сказал, что наш номер указан как экстренный контакт. Как бы то ни было, когда мы приехали сюда, Эмма увидела мужчину, сидящего в зале ожидания, всего в крови, и спросила его, пришел ли он увидеть тебя.

— Она это сделала? — улыбаюсь я, зная, насколько смелой она может быть, прямо как и я.

— О да. Она сказала ему, что он не такой, как ты говорила.

— Боже мой. Пожалуйста, скажи мне, что она не сделала этого, — я чувствую, что мои щеки розовеют, и опускаю глаза.

— Сделала. Когда я подошла поговорить с ним, он едва ли минутуостоял, прежде чем сбежал. Я никогда не видела, чтобы мужчина двигался так быстро, — смеется Бронвин.

— Он приходил сюда и разговаривал со мной. Я не помню всего, но он сказал, что ему жаль, что он поцеловал меня.

— Он поцеловал тебя? — присвистывает Бронвин и приподнимает от удивления брови.

— Да, сегодня... или, полагаю, прошлым вечером... или неважно, — я пытаюсь подсчитать время, которое провела в отключке.

Наступает долгая минута тишины.

Пытаюсь вспомнить, что говорил Пьер. Я не знаю, что Бронвин думает по этому поводу, хотя на ее губах красуется хитрая улыбка.

— Что? — спрашиваю я, пытаясь прочесть выражение ее лица.

— Ты не находишь это немного интересным, что такой мужчина, как Пьер, поцеловал тебя, затем избил мужчину, который пытался напасть на тебя, сбежал, когда я пыталась поговорить с ним, а потом прокрался сюда, чтобы побывать с тобой?

— Я не знаю, что и думать. Он был здесь, чтобы помочь мне, — я умолкаю, не желая говорить с ней о поцелуе или о том, как он назвал меня Евой и сказал, что любит меня... э-м... любит ее.

— Почему он поцеловал тебя? — она бросает вызов.

— Я не знаю.

— Что он сказал?

— Он назвал меня Евой. Думаю, это его жена, которая умерла. Но что-то произошло, когда он поцеловал меня...

Я прекращаю говорить и сосредоточиваюсь на наполовину разорванном плакате в дальней части палаты. Насколько странно то, что этот разговор происходит у меня с Бронвин? Она моя свекровь. Она не хочет слышать этого, и не думаю, что мне удобно разговаривать с ней об этом.

Но на самом деле у меня нет подруг, с которыми можно об этом поговорить. Мне тридцать пять, и я была со Стефаном с тех пор, как мне исполнилось двадцать. Хоть я и заставила его завоевывать себя, мы общались друг с другом при любой возможности.

Стефан поступил в медицинский университет. Я работала официанткой в нескольких местах, а затем продвинулась до должности метрдотеля в крутом ресторане в центре города, хоть у него и не было звезды Мишлен. Я была занята, и мы со старыми друзьями отдалились друг от друга.

Когда я обнаружила, что беременна Эммой, мы со Стефаном уже были женаты. Когда родилась Эмма, все наше свободное время было посвящено друг другу и Эмме.

В этом не было ничьей вины. Просто у каждого сложилась своя жизнь.

— Думаю, что у этого молодого мужчины могут быть чувства к тебе. И, подозреваю, он не знает, что с ними делать, или даже еще не знает, что сам чувствует.

— Бронвин, — начинаю говорить я, качая головой при нелепой мысли о неравнодушии Пьера ко мне. — У него нет чувств.

— Что произошло, когда он поцеловал тебя?

— Это было... — не знаю, что сказать. Я едва могу перевести дыхание. Кажется, будто это произошло несколько дней назад, но на самом деле это случилось вчера вечером. — Он поцеловал меня. Затащил меня в кабинет Ангуса и поцеловал.

— Что ты почувствовала? — спрашивает Бронвин, оставаясь совершенно спокойной.

— Я не знаю, — честно отвечаю я.

— Как я уже сказала, у этого молодого мужчины есть к тебе чувства.

— Это невозможно. Он притянул меня к себе, поцеловал, а потом от него исходил только гнев, — я делаю паузу и снова качаю головой при воспоминании о том, в какой ярости он был.

— Он француз.

— И что?

— Они очень страстные люди.

— И что? — снова спрашиваю я.

— Не ошиблась ли ты, приняв гнев за то, что это было на самом деле? Безрассудная страсть?

Я смотрю на Бронвин и продолжаю качать головой.

— Чт... что? Страсть?

— Пришло время двигаться дальше, Холли. Стефан хотел бы, чтобы ты была счастлива, и он хотел бы, чтобы в жизни его маленькой девочки был сильный мужчина. Стефан бы не возражал.

Я пристально смотрю на нее. Понимаю, о чем она говорит, но это слишком. Чувствую, как начинают появляться слезы, а в животе образуется тугой узел. Мой пульс учащается. Не из-за Пьера, а из-за гнетущих мыслей и неуверенности, которые появляются каждый день с тех пор, как умер Стефан.

— Думаю, настало твоё время двигаться дальше. Ты тоже должна быть счастливой.

— Я не могу, — шепчу я и закрываю лицо руками, чтобы скрыть слезы.

— Конечно, можешь, Холли. У нас есть только один миг на этой земле. Не трать свое время, оглядываясь на прошлое. Снова любить — это нормально. Нужно двигаться вперед.

— Я не готова к этому.

— Я думаю, что готова. Может быть, не с этим мужчиной, Пьером, но это не значит, что ты должна стать тридцатипятилетней старой девой, — Бронвин придвигается, садится на край узкой больничной койки и притягивает меня в крепкие объятия.

— Сейчас неподходящее время.

— У нас у всех есть выбор. И каждый ждет своего часа. Сделай правильный выбор, Холли, и сломай свою стену. Поговори с Пьером. Может быть, что-то есть между вами, а может быть, и нет. Но не прячься от него или от себя.

— Я должна думать об Эмме. Во всем, что я делаю, она мой главный приоритет.

Бронвин улыбается, и какой-то озорной блеск загорается в ее глазах. Ее плечи расслабляются, она откидывается назад и потирает руками вверх и вниз по моей спине. Это нежное материнское прикосновение, которое я очень хотела бы получить от своих родителей, хотя мой отец исчез, когда я родилась, а мать не смогла справиться с этим и передала опеку надо мной моей тете.

В этот момент все мои барьеры падают. Каждый. Я построила их невероятно высоко, а мои стены всегда были непроницаемы. Стефан разрушил их, и я жила прекрасной жизнью. Но как только он умер, кажется, я построила их еще выше и крепче, чем раньше.

Я удерживала себя в крепости, отказываясь разрешать хоть чему-нибудь достучаться до моего сердца. Я думала, что если проживу всю оставшуюся жизнь без таких сильных эмоций, как любовь, то буду в безопасности.

Безопасности от зла.

Безопасности от отказа.

Безопасности от возможной боли.

Но сейчас моя душа разрывается на части. Мое сердце перестало биться. Я поклялась, что никогда больше не полюблю, но Бронвин права: я не могу прожить всю оставшуюся жизнь, скрываясь.

Прячась от жизни.

Но самое главное, прячась от самой себя.

Глава 12

Пьер

— Пьер, — ее голос нежный, как шелк. — Пьер, — снова говорит она тихо и мягко.

— Ева, — говорю я и сажусь в постели. — Что ты здесь делаешь?

Она одета в тот же желтый сарафан, что был на ней в день, когда мы зашли в этот дом и решили купить его. Ее светлые волосы сексуально растрепаны и мягко спадают на плечи. Она стоит возле нашей кровати и просто смотрит на меня. Ева такая красивая, зеленый оттенок ее глаз гипнотизирует и манит.

Она излучает теплый свет — это видно по ее улыбке. Спокойствие Евы овладевает мной. Я еще даже не прикоснулся к ней, а ей уже удалось принести покой в мою душу.

— Я здесь, потому что пришло время, Пьер.

Я спускаю ноги с одной стороны кровати, и она делает шаг назад.

— Не отходи, позволь мне почувствовать тебя.

Ева делает несколько шагов ко мне, я расставляю ноги, и она идеально заполняет пустое пространство. Она была создана для меня. Создана, чтобы быть со мной. Кладу голову на ее животик и обнимаю руками за талию, чтобы поближе притянуть ее доброту и тепло к себе.

— Могу я уйти с тобой? — с нетерпением спрашиваю я, пока мои губы скользят по тонкому материалу, покрывающему ее животик.

— Я здесь не для того, чтобы забрать тебя.

— Ева, я едва дышу. Я тону и не могу выбраться. Ты нужна мне. Забери меня с собой.

Ее смех напоминает мне звон церковных колоколов, но не глубокий, от которого эхо разносится на километры, а сладкий тонкий звук колокольчиков, используемых внутри стен святого дома.

— Пьер, я здесь, чтобы отпустить тебя, — она проводит ладонью по моей щеке.

— Ты не можешь, я не позволю тебе, — мне едва удается дышать.

— Пришло время.

Я смотрю вверх и вижу, как ее ласковые зеленые глаза смотрят на меня, сияя любовью и обнажая сильные чувства.

— Мы должны были быть вместе, пока смерть не разлучит нас. Нам было суждено умереть в объятиях друг друга, ты не должна была оставлять меня одного.

— Ты не можешь уйти со мной туда, где я сейчас.

— Здесь меня ничего не держит.

— Ты знаешь, что это не так.

— Четыре года я спотыкаюсь и не могу удержаться прямо. Мне нужно быть с тобой. Разве ты не видишь, как сильно я тебя люблю?

— Ты любишь меня всем своим телом, всем своим разумом и всем сердцем. Так же, как и я люблю тебя. Но ты нашел ту, которую сможешь полюбить.

— *Non!* Невозможно, — кричу я слишком громко.

— Это правда, Пьер. Я видела. Я знаю, что она та, кого ты полюбишь.

— Но я люблю только тебя.

— У тебя такое большое сердце, чтобы полюбить еще кого-то. И теперь настало время увидеть ту, что находится прямо перед тобой. Я счастлива здесь, Пьер.

— Ты не можешь уйти.

— Помнишь нашу поездку в Грецию на медовый месяц? Мы провели три недели, путешествуя по островам, наслаждаясь едой и обожая друг друга душой и телом.

— Конечно, помню. И желаю вернуться в те времена и пережить их снова.

— Вот что я чувствую здесь. Легкость, спокойствие и умиротворение. Я там, где и должна быть. Там, где Вселенная планировала, чтобы я была. Но тебе больно, ты потерян, и ты сам не свой. Ты продолжаешь оглядываться, держившись за прошлое, вместо того чтобы

увидеть прекрасное перед собой. Ты должен проживать каждый миг, создавая новые потрясающие воспоминания.

— Я не могу, — просто говорю я и кладу голову на ее животик. Ева запутывается пальцами в моих волосах, игриво лаская меня. Я сжимаю ее крепче, не желая отпускать. Никогда.

— Ты хоть знаешь, что уже любишь ее? Задумывался ли, что ты чувствуешь, когда видишь ее или когда она разговаривает с тобой?

— Я не могу, — бормочу я, слезы текут по моим щекам. — Я никогда не смогу полюбить кого-то так, как тебя.

Сладкий смех Евы эхом отражается от стен.

— Надеюсь, что нет, Пьер. Ей всего семь лет.

Я мгновенно отстраняюсь от своей жены и пристально всматриваюсь в ее зеленые глаза, и она все еще улыбается.

— Я не понимаю.

— Ты защитишь Эмму ценой своей жизни. Ты уже любишь эту милую маленькую девочку. Она такая же страстная, как и ты, и ты понял это, когда встретил ее.

— Я думал, ты имела в виду... — я замолкаю, опешив от того, как, должно быть, это ощущается для Евы.

— И я бы хотела, чтобы ты так же полюбил ее мать.

Мы проводим долгие мгновения, глядя друг на друга. Секунды останавливаются, и мы получаем этот бесценный подарок — наши последние мгновения вместе. Наше последнее прощание, прежде чем Ева раз и навсегда оставит меня, заберет моменты, которых у нас не будет. Последние интимные прикосновения.

Мое сердце бьется чаще, пока я пытаюсь сохранить воспоминания о Еве: сияние ее кожи, ее красивые полные губы, копну золотистых волос, глубину яблочно-зеленых глаз, мягкость ее пышных бедер, ощущение ее упругой груди.

— Я никогда не перестану любить тебя, — шепчу я, цепляясь за последние мгновения со своей женой.

— Я всегда буду наблюдать за тобой, Пьер. Живи и люби эту маленькую девочку. Она нуждается в тебе, а ты в ней, — голос Евы уже исчезает. Я усиливаю хватку.

— Побудь со мной еще чуть-чуть.

— Твое сердце больше не нуждается во мне. Оно достаточно зажило, чтобы впустить кого-то еще.

— Ева... — шепчу я.

Но она уже ушла.

— Ева! — я резко сажусь в постели, весь в поту. Устало моргаю и осматриваю комнату вокруг. Мое сердце колотится, а руки дрожат, когда я провожу ладонью по волосам.

Смотрю на будильник, который стоит рядом с кроватью — он показывает неприлично раннее время для меня. Откидываюсь назад, прислоняюсь к спинке кровати и продолжаю моргать, пытаясь разбудить себя. Но я также и хочу вернуться ко сну, чтобы продолжить видеть сон о Еве.

Густой ночной воздух и красное свечение от часов наполняют комнату.

Пока вглядываюсь в пустоту, я вижу, как ярко-красные цифры продолжают мигать, а родные звуки ночи раздаются в тишине.

Когда мои отяжелевшие конечности снова становятся невесомыми, я опять засыпаю.

Закрываю глаза и вижу потрясающий сон.

Маленькая красивая девочка с радостью позволяет мне качать ее на качелях, а вокруг нас окружает пышная, густая, зеленая трава. Своим милым голоском она напевает детскую песенку, а ласковое солнце касается нас своими лучами.

Глава 13

Холли

— Ты уверена, что готова? Можешь взять еще неделю отпуска, если нужно, — спрашивает Ангус, пока мы сидим в его кабинете.

— Прошло десять дней, Ангус. Мне нужно вернуться. Чем дольше я буду отсутствовать, тем труднее для меня будет вернуться. Но если ты не против, я не хотела бы перенапрягаться пару смен, осторожности ради.

Ангус сцепляет руки вместе и закидывает их за голову, при этом откидываясь в своем кресле.

— Я позабочусь о подиуме (*Примеч.: имеется в виду место, где находится метрдотель*), а тебя поставлю за бар. Пару вечеров тебе не нужно будет разносить блюда, а там мы посмотрим, как пойдет.

— Спасибо, — я улыбаюсь Ангусу и встаю, чтобы пойти на собрание персонала перед открытием ресторана.

— Это не мое дело, но Пьер очень беспокоился о тебе. Он спрашивал у меня, знаю ли я, как ты. Он рассердился, спросив меня, почему я не рассказал твоему мужу о том, что произошло, и я просто ответил ему, что ты не замужем. Прости, если я переступил черту, но он, как бы сказать помягче, был зол.

Я, не останавливаясь, иду и слушаю то, что говорит Ангус о Пьеце. Когда дохожу до двери и открываю ее, я поворачиваюсь к нему:

— Ты прав, Ангус. Это не твое дело, — я снова улыбаюсь, когда отворачиваюсь и иду в комнату для персонала.

Кэтрин, Джастина, Мэдди и Эндрю уже сидят за столом для персонала. Мэдди первой видит меня и кричит:

— Холли!

Остальные трое вскакивают со своих мест, и Эндрю предлагает мне свое место.

— Ты в порядке? Разве ты должна уже была вернуться на работу? — спрашивает он, одновременно хватает меня за локоть и ведет к стулу, словно я стеклянная и могу разбиться.

— Привет всем, я в порядке. Просто рада вернуться.

Все четверо нянчатся со мной, задавая вопросы, действительно ли я в порядке, чтобы вернуться. Ангус заходит, откашливается, и они замолкают.

— Холли вернулась, поэтому давайте дадим ей немного пространства. Несколько дней она будет не сильно загружена. Не суетитесь. Если ей потребуется помочь, она попросит вас о ней, — говорит он своим «тоном босса».

Все отступают, и собрание начинается. Через несколько минут заходит Пьер с двумя тарелками в руках. Он спотыкается, когда видит меня, его глаза впиваются в мои, а уголок губ приподнимается.

— Холли, — говорит он и останавливается, прежде дойти до стола.

— Пьер, — приветствуют его.

И он молчит целую неудобную минуту. Его взгляд путешествует по мне, начиная с глаз, опускаясь к груди, затем к моему животу.

В этот момент все исчезает. Звуки не слышны, движения не ощущимы. Есть только Пьер и я. И его напряженный взгляд рассказывает жаркую сказку: дразнящую, ненасытную историю о мужчине, чье желание заставляет изнемогать от жары. Неистовая дрожь пробегает вниз по спине, во рту пересыхает, и я задерживаю дыхание.

— Холли, — снова повторяет он, и сильный французский акцент скользит по моей покрытой мурашками коже.

Черт! Я хочу почувствовать, как этот скрипучий голос проскользнет между моих губ, чтобы зажечь и контролировать это страстное желание моего отчаянного тела. Я хочу, чтобы

он дал мне то, что было в кабинете: прикосновение ненасытного мужчины, ощущение его голодной ласки, запах его решительной страсти.

Кто-то откашливается, и я мгновенно возвращаюсь обратно в комнату для персонала.

Оглядываюсь и вижу, что Джастина обмахивается, а остальные избегают смотреть мне в глаза.

Пьер продолжает смотреть на меня голодным взглядом. Я стараюсь больше не смотреть на него, потому что, черт, его взгляд такой решительный и обжигающий. И сейчас, с затуманенной головой, я хочу его.

Опять я слышу, как кто-то откашливается, но на этот раз сильнее, почти зло.

В этот раз я поворачиваю голову в сторону шума, и вижу злобный взгляд Ангуса.

— Извините, — бормочу я и смотрю в другую сторону, на невидимое пятно на столе, чтобы отиться от внимания Пьера и всех остальных в комнате.

— Пьер, — говорит Ангус, побуждая его говорить. Но он молчит. И мое чертова сердце бьется быстрее. — Пьер, — повторяет он снова.

Чувствую, что мои щеки краснеют, а капли пота собираются и скатываются по спине. Случайно смотрю вверх из-под ресниц на Пьера. Его поза решительная, и воздух потрескивает между нами.

— Фирменное блюдо дня — запеченные на медленном огне бараньи ножки с соусом из красного вина с молодой морковью и картофель *в панировке*, — сообщает он, но не отводит от меня взгляда. Пьер выпячивает грудь и выпрямляется в полный, пугающий рост. — Холли, я хочу, чтобы вы попробовали, — говорит он, одновременно предлагая мне столовые приборы.

— Я сегодня не на обслуживании. Пускай другие попробуют.

Боже мой, то, как он надвигается на меня, говорит всем остальным отступить. Как будто он молча объявляет всем, что я его. Из-за напряженной обстановки в комнате со мной что-то происходит, отчего кровь быстро пульсирует в моих венах, а сумасшедшие бабочки трепещут в животе.

— Попробуй, — снова говорит он, его голос низкий и хриплый.

Боже! Почему тут так жарко?

— Ладно, — удается сказать мне, хотя, уверена, получилось у меня это с приыханием.

Пьер накалывает немного еды на вилку и подносит ее ко мне. Я протягиваю руку, чтобы взять ее, но он качает головой, сжимая губы.

Он подносит еду к моему рту и ждет, пока я разомкну губы, чтобы осторожно опустить идеальный кусочек в мой рот.

Чувствую каплю соуса на нижней губе, и слизываю ее языком.

Взгляд Пьера опускается на мои губы, и я наблюдаю, как он делает вздох.

— *Délicieux* (*фр. вкусно*), *oui*, — говорит он.

Думаю, он только что сказал «вкусно», но это прозвучало так, будто он не спрашивал меня, а утверждал.

— Это очень вкусно, Пьер, — отвечаю я, но стараюсь избегать его напряженного взгляда.

Смотрю на персонал и вижу, что Кэтрин с Джастиной отвернулись, хотя наблюдали за мной, когда я пробовала.

Какого черта только что произошло?

Гастрономическое порно в лучшем его виде с чертовски сексуальным французским шеф-поваром.

Хм... это странно.

Остаток собрания проходит очень медленно. Пьер говорит, но продолжает смотреть на меня. Все остальные в комнате поворачивают головы, будто смотрят теннисный матч. Они смотрят на него, когда он говорит, а затем быстро поворачивают голову влево, чтобы увидеть, каков будет мой ответ. Хоть и замечаю это периферийным зрением, я стараюсь держать себя в руках и оставаться профессионалом.

Когда Пьер и Эрик уходят, взгляд Ангуса довольно легко интерпретировать как смертельный и раздраженно-злой.

Он выходит вскоре после Пьера, и я остаюсь с оставшимся персоналом один на один в комнате.

— Боже, думаю, мне нужно пойти домой и сменить трусики, — выпаливает Кэтрин, разрушая напряжение в комнате. — Что происходит между вами двумя? — спрашивает она.

— Черт возьми, это было самое сексуальное, что я когда-либо видела. Это был мой личный порно-канал. Кто знал, что Пьер может быть таким сексуальным? А как он кормил тебя? Клянусь, Холли, мне пришлось сжимать бедра, когда он отвел твои руки и кормил тебя. Я даже услышала, как Эндрю простонал, — говорит Мэдди.

— Не правда, — отвечает Эндрю, хотя кончики его ушей краснеют.

— Мы все сделали то же самое, кроме Ангуса. Он выглядел взбешенным. Но, черт, девочка, я пойду домой и позабочусь о себе с этим образом в голове. Что происходит между вами двумя? — спрашивает Мэдди, одновременно обмахивая себя и притворяясь, что задыхается и горит.

— Ничего, — честно отвечаю я. Или почти честно.

— Я буду представлять это так часто, как только можно. Ты видела, как он кормил тебя? Боже мой, могу только представить, как он будет смаковать твоё тело в постели, — говорит Кэтрин.

Я не могу сдержаться и усмехаюсь.

— Жаль вас разочаровывать, но ничего не происходит между мной и Пьером. — Я встаю и провожу руками по бедрам, чтобы разгладить юбку. — Если вы все пойдете на свои места, то мы откроемся, и это будет тяжелый вечер.

Они стонали, пока вставали. Я ничего им не сказала и заставила пойти работать.

Пока я иду за ними из комнаты персонала, прохожу мимо кухни и замечаю Пьера, готовящего что-то в большой кастрюле. Возле него стоит коробка с магазинным покупным куриным бульоном. Я останавливаюсь, когда он поднимает ее и наливает в кастрюлю.

Повернувшись, захожу на кухню и смотрю, как Пьер продолжает готовить. Он поднимает голову, видит меня и улыбается, а потом подмигивает.

— Пьер, могу я задать тебе вопрос?

— *Oui*, — говорит он, глядя в кастрюлю.

— Это магазинный бульон?

— *Oui*, — отвечает он.

Я ничего не говорю, но чувствую, как мои губы изгибаются, а брови приподнимаются от неверия.

Пьер смотрит вверх, потом вниз, потом сразу же обратно на меня.

— А что? — спрашивает он, переставая мешать.

— А то, что ты шеф, когда-то получивший звезду Мишлен, а теперь ты используешь полуфабрикаты.

— *Oui!* — он кричит, и обратно становится Мистером Высокомерная Задница.

— То есть, ты говоришь мне, что не знаешь, как приготовить бульон?

— *Non!* У меня просто нет времени приготовить его.

— Хм-м, — говорю я, затем пожимаю плечами и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Холли, куда ты идешь?

— Делать работу, для которой меня наняли. И было бы неплохо, если бы ты тоже этим занялся. — Надеюсь, он улавливает двойной смысл.

— Ты бросаешь мне вызов? — кричит он мне вслед.

— Похоже, я единственная, кто может это сделать, — говорю я, направляясь в бар.

— Ты невыносима, — сердито фыркает он.

— *Oui*, шеф, — я подмигиваю и улыбаюсь ему.

Глава 14

Холли

Сегодня вечером аврал. Однако у нас все же выкраивается пару минут затишья и несколько перерывов. Кэтрин изредка пытается вытянуть из меня информацию, но я каждый раз говорю ей одно и то же — это не ее дело — и на десятый раз она сдается и ничего больше не пытается у меня узнать.

— Холли, можно тебя на минутку? — спрашивает Ангус, заходя за барную стойку.

— Конечно, я только попрошу Эндрю подменить меня. Дай мне минутку.

Ангус уходит, а я ищу Эндрю.

— Хей, можешь подменить меня в баре пару минут? Ангус хочет поговорить со мной.

— Без проблем, — отвечает он с добродушной улыбкой.

Подойдя к кабинету Ангуса, я стучу и жду, когда он впустит меня.

— Заходи, — кричит он через закрытую дверь.

Я захожу, и Ангус сидит в своем кресле, просматривая кипу бумаг на столе.

— Что такое, Ангус? Все в порядке?

— Как прошла твоя первая смена?

— Отлично. Без вопросов.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — он отводит взгляд и, похоже, хочет сказать что-то еще.

— Что-то случилось, о чем я должна знать? — я задаю вопрос и прохожу в кабинет, закрыв за собой дверь.

— Хм... не совсем.

Он проводит рукой по волосам — нервный жест, который я с легкостью распознаю.

— Тогда в чем проблема?

— Хм... на самом деле, я не знаю, как прямо подойти к этой теме.

— Это связано с работой? — у меня такое ощущение, что после того, что он увидел в комнате для персонала, он собирается расспросить меня о Пьере.

— Да... ну, нет, не совсем.

— Это связано с тем, что случилось в *тот* вечер? — я понижая голос и выделяю слово «тот», то есть вечер, когда на меня напали.

— Ну, вроде как.

Он такой нерешительный.

— Ты должен сказать мне, что тебя беспокоит, или как мне тебя понимать?

— Это касается тебя и Пьера.

Ну что же, это будет интересно.

— И что ты хочешь знать? — я задаю вопрос и выпрямляюсь.

— Между вами двумя что-то происходит?

— Даже если это и так, то тебя это не касается. То, что я делаю вне работы — мое личное дело. До тех пор, пока я веду себя профессионально и не порочу репутацию этого ресторана каким-либо образом, — отвечаю я спокойным, ровным голосом, хотя и злюсь на Ангуса за то, что он посмел поднять этот вопрос.

— Я не это имел в виду, Холли. Он так смотрел на тебя. Все в комнате заметили, как он себя вел. Будто ты принадлежишь ему, и он приказывал нам отступить.

— Просто чтобы уточнить... тебе не нравится, как Пьер себя вел?

— Да, именно так.

— Тогда тебе лучше обсудить это с ним и оставить меня в покое. Я не контролирую его поступки или мысли. Если я делаю что-то, что отрицательно оказывается на моей работе, то мы можем еще раз обсудить это, — я прерываю свою тираду и смотрю на Ангуса. Он не выглядит убежденным, но меня не волнует, что он думает. — Это все, Ангус?

— Да, — говорит он со вздохом. — Можешь возвращаться к работе.

Я выхожу, прохожу мимо кухни и мельком замечаю, как Пьер поднимает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Спасибо, Эндрю, — говорю я, когда захожу за барную стойку и начинаю наливать два напитка, которые он еще не приготовил.

Закончив и отдав их официантам, я протираю стойку и делаю быструю инвентаризацию того, что нужно, прежде чем замечаю, как Пьер приближается ко мне из кухни.

— Только не ты, — бормочу себе под нос.

— *Excusez-moi* (*фр. извини*)?

— Ничего, Пьер. Просто разговариваю сама с собой. Чем я могу тебе помочь?

Он опирается локтем на стойку и наклоняется, пальцами слегка касаясь своей щеки.

— Ты получила цветы, которые я послал тебе в больничную палату? — робко спрашивает он.

Теперь он вдруг стесняется. На самом деле, довольно мило, что он так запинается.

— Да, спасибо. Я собиралась подойти и поговорить с тобой сегодня вечером после закрытия, и поблагодарить не только за цветы, но и за то, что ты сделал с... — я делаю паузу, потому что не знаю, как упомянуть пьяного парня.

— Все хорошо. — Он смотрит в сторону, но, кажется, хочет сказать что-то еще.

— Нет, это не хорошо, и я должна поблагодарить тебя, Пьер. Я точно не знаю, что могло бы случиться, если бы тебя там не было. Не хочу думать о том, как плохо все могло закончиться.

Ловлю себя на том, что вновь переживаю те страшные секунды: запах перегара, его руки в моих волосах и удар головой об автомобиль.

— Я рад, что был там, — говорит Пьер, вырывая меня из моих тяжелых воспоминаний.

— Могу я пригласить тебя на ужин в качестве благодарности?

Черт, откуда это взялось? Я не собиралась предлагать ничего подобного. Ляпнула, не подумав.

— *Oui*, с удовольствием, — отвечает он, все еще стоя перед баром. Его каштановые волосы аккуратно собраны в небольшой хвостик, а грозовые серые глаза впиваются в мои.

Приходит заказ на напиток, а Пьер все еще стоит рядом, не желая уходить и продолжая наблюдать за мной.

— Все в порядке, Пьер? — я задаю вопрос, одновременно наполняя бокал.

— Я... я... ну, я просто хочу убедиться, что ты в порядке. — Он всегда разговаривает так формально и правильно, выговаривая каждое слово.

Я улыбаюсь и поворачиваюсь, чтобы поставить бутылку виски обратно на полку.

— Я в порядке, — говорю я, изо всех сил стараясь не позволять теплу, исходящему от него, зарождать глупых бабочек в моем животе.

— Я рад, что тебе понравились цветы, — говорит он, запинаясь.

— Пьер, если тебе есть что сказать, говори. Если нет, то мы пообщаемся позже и решим, когда я могу пригласить тебя на ужин. Но сейчас мы оба заняты, и Ангус скоро выйдет и отчитает нас.

— Ангус не скажет ни слова, он *imbécile* (*фр. идиот*), — говорит Пьер и пренебрежительно машет рукой.

— Кем бы он ни был, он все еще мой босс. И у меня есть работа, как и у тебя. Поэтому, предлагаю тебе вернуться на кухню и продолжить готовить то, что ты готовил.

Даю себе мысленное «пять», потому что понимаю, что Пьер потерял дар речи. И когда я думаю, что он собирается уйти, он вдруг обходит бар и вторгается прямо в мое личное пространство.

Инстинктивно я прижимаюсь спиной к стойке, и он делает шаг ко мне. Пальцами я до боли сжимаю столешницу, и мое сердце подскакивает к горлу.

Грудь Пьера касается моей, и у меня возникают проблемы с поступлением воздуха в легкие, когда я поворачиваю голову, чтобы избежать его соблазнительных губ. У него

великолепный запах, от которого мне хочется немедленно попробовать, укусить или даже лизнуть его.

Чувствую жар, волнами исходящий от него. Его доминирующее присутствие очень заводит меня.

— Я не люблю, когда мне указывают что делать, Холли, — говорит он, его голос низкий и грубый. Сексуальный и соблазнительный. Пьер проводит носом по моей шее и делает глубокий вдох. Я закрываю глаза и чувствую, что моя спина выгибается, а грудь прижимается к нему. — Но я определенно люблю наблюдать за тобой.

Черт возьми! Этого не может быть.

— Пьер, — шепчу я едва слышно.

— Холли, — отвечает он, теплой ладонью скользнув по моему бедру.

Мои ноги превращаются в желе, и я нетвердо стою на ногах.

— Оставим это на потом, — смириенно шепчет он. Я чувствую нежный и влажный след в раковине моего уха, и пока отчаянно жаждущего, его тепло исчезает.

Когда открываю глаза, он уходит.

И теперь я чертовски сильно возбуждена.

Мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя. Я проверяю, никто ли ничего не видел, и, конечно, это так. Но, черт, я чувствую, как мои щеки розовеют, а тело гудит от жара, который Пьер поселил во мне.

Смотрю вниз, но украдкой подглядываю. Господи, это было просто... просто... *vau!*

Искра уже зажглась, глубоко внутри возникло страстное желание того, что, как я думала, не буду снова жаждать. Даже если то, что у меня с Пьером, касается только сексуального притяжения, то для меня это комфортно... по-моему.

Когда двери ресторана закрываются на ночь, уборка практически закончена. Я закрываю кассу и отношу ее в кабинет Ангуса на хранение в сейф.

— Я ухожу. Увидимся завтра, — говорю Ангусу, который все еще занимается бумагами за письменным столом.

— До завтра, — говорит он, не поднимая головы.

Я иду на кухню.

— Доброй всем ночи, увидимся завтра, — кричу всем, кто слышит.

— Подожди, — кричит Пьер из кухни. — Я провожу тебя до машины, — говорит он, затем оборачивается, чтобы дать Эрику пару указаний, пока он провожает меня.

— Все хорошо, Пьер. Если ты занят, мы можем поговорить позже.

— *Non!* Ты не пойдешь одна к своему автомобилю.

Его французский акцент усиливается, когда он вспыльчив. Боже, мне интересно, что ему нравится в постели.

Перестань сейчас же, Холли!

— Я буду в порядке. Ангус разрешил мне парковаться прямо у ресторана.

— *Oui*, так лучше. Но я все-таки провожу тебя. И точка.

— Пьер, — я начинаю говорить в знак протesta, но он поднимает руку, чтобы остановить меня, и это не останавливает меня ни на секунду. — Пьер, — повторяю я еще раз, но он качает головой.

— *Non*, я не послушаю. Я провожу тебя, и это все, *oui*, — говорит он категорично.

Я не могу сдержаться и смеюсь.

— Ладно, хотя моя машина прямо снаружи.

— Хорошо, это значит, что я смогу вернуться и приготовить на завтра бульон.

Я перестаю идти к задней двери, и смотрю на Пьера.

— Ты будешь делать бульон сам?

— *Oui*, — говорит он, как само собой разумеющееся. — Почему это тебя удивляет?

Улыбаясь, я продолжаю идти.

— Я бы хотела пригласить тебя в следующий вторник на ужин, чтобы поблагодарить за то, что ты сделал для меня.

— *Oui*, следующий вторник подходит, но это я тебя приглашаю. — Он ведет себя благородно и властно.

— Я думала, мы договорились, что это мой способ отблагодарить тебя.

Мы снаружи и в нескольких шагах от моей машины. Пьер оборачивается и смотрит на меня, его взгляд опасный и интенсивный. Он путешествует по моему телу, и глубоко во мне тлеет огонь.

Я пытаюсь сглотнуть комок, появившийся в горле.

Взгляд его серых глаз становится голодным, и я наблюдаю, как его губы слегка размыкаются, а левая бровьексуально приподнимается.

Боже, от этого взгляда перехватывает дыхание.

Пьер делает еще один шаг ко мне, и мой взгляд скользит по его телу.

Все звуки исчезают, воздух густеет, и притяжение между нами накаляется.

— Холли, — говорит он, его голос пропитан желанием. Мое тело отчаянно жаждет его.

— Я хочу поцеловать тебя. — Он подходит ко мне.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня, — отвечаю я, удивляясь своей прямолинейности.

— Хоть и не могу держаться в стороне от тебя, я не хочу, чтобы наш первый поцелуй произошел здесь, в грязном переулке.

— Наш первый поцелуй? — Боже, он будет моей погибелью.

Он прижимается своим телом к моему, руками касается моей поясницы, а затем притягивает меня к своей подтянутой фигуре. Я чувствую его возбуждение, запах мятых в его дыхании, и практически пробую сладость его кожи.

— Да, потому что то, что произошло в кабинете, недопустимо. Не так я должен был поцеловать тебя. И я планирую целовать тебя все время. — Я пытаюсь сглотнуть этот комок.

— И везде. — Черт возьми. Его горячее дыхание касается чувствительной кожи на моей шее.

— Все... — он вздыхает, облизывает, — ...твоё... — проводит рукой по моей попке и притягивает меня так близко, что между нами не остается места, — ...тело.

— Пьер, — произношу его имя как стон, закрываю глаза и опираюсь всем телом на него. Провожу губами по щетине на его подбородке. Шершавость его кожи посыпает ударные волны прямо в мне живот. Этот момент интимный и чувственный, и ничто не может меня отвлечь. — Поцелуй меня.

Влажными, теплыми губами он скользит по нежной коже моей шеи, и еще один оглушительный удар удовольствия устремляется вниз.

— Я не буду целовать тебя здесь, но оставлю тебя с этим... — он делает паузу, и затем я чувствую это. Языком он кружит вокруг мочки моего уха, а затем горячим, влажным ртом сосет ее.

Господи, если он продолжит в таком духе, то я запросто могу кончить.

— В следующий вторник, Холли, — говорит Пьер и отодвигается. — В следующий вторник ты придешь ко мне домой, и я буду готовить для тебя.

— Да? — задаю я вопрос с придаханием.

— Да. — Он оставляет поцелуй на моей щеке, задерживается дольше, чем требуется, но не настолько долго, как мне бы того хотелось.

Пьер проводит своими руками по моим вверх-вниз, посылая мурашки по коже.

— Ладно, — говорю я, моя голова все еще затуманена похотью.

Я, наконец, открываю глаза и обнаруживаю напряженный взгляд его серых глаз. Он поднимает руку и проводит ею по моим волосам. Резинка, сдерживающая мой хвостик, с легкостью соскальзывает.

— Мне твои волосы нравятся распущенными. — Его голос пьянил, глаза завораживают, действия приковывают внимание. Без сомнений, невозможно не поддаться напору Пьера.

С большим трудом мне удается отлепнуть от него и отыскать ключи в сумочке.

Мы больше ничего не произносим, я просто сажусь в машину и уезжаю.

Я боюсь, что если посмотрю в зеркало заднего вида, то просто остановлюсь, вернусь к нему и потребую взять меня прямо там.

Дорогой Господь, если ты меня слышишь, дай мне силы не влюбиться в него.

Глава 15

Холли

— Бронвин, — начинаю я, пока сервирую стол для ужина.

— Да, — говорит она, ставит салат на обеденный стол и поворачивается, чтобы достать лазанью, которую я приготовила.

— Эм-м, — мой голос слегка хрипит, нервы зашкаливают, а руки потеют.

— Что такое? Ты в порядке? — заботливо спрашивает она и садится за стол рядом со мной.

— Да, просто... — *Говори же, Холли.* — Не могла бы ты присмотреть за Эммой во вторник вечером?

— Работа, дорогая? — я улавливаю веселость в ее голосе. Думаю, она знает и наслаждается тем, что мучит меня.

— Не совсем.

— О, это связанное с работой событие? — дожимает она, заставляя меня рассказать ей.

— Э-э-э, ну, не в этом дело. — *Давай, будь взрослой.* — Хм, ну, вроде как, Пьер пригласил меня на свидание, что-то в этом роде.

Я чувствую, как мое лицо меняет цвет от розового до алого. Почему это так неловко?

— Правда?

— Не совсем.

— Хорошо, он сделал это или не сделал? Тут не слишком много вариантов.

Я делаю огромный вдох, пытаясь успокоить расшатанные нервы. Что Бронвин обо мне подумает? Не слишком ли рано даже рассматривать вариант свиданий? Прошло всего полтора года. Что, если это слишком рано? Что, если Бронвин подумает, что я никогда не любила Стефана?

— Я пригласила его, чтобы отблагодарить за помощь, когда на меня напали, и прежде чем поняла это, он перевернул все и сказал мне, что это он готовит мне ужин, — я делаю паузу, встаю и отодвигаю стул, отчего тот с грохотом падает. Поднимаю руки, чтобы закрыть лицо. — Не слишком ли рано? То, что я делаю — неправильно?

Я слышу скрип стула Бронвин по кафелю и чувствую ее руку на своей спине.

— Если это ощущается неправильно, то, видимо, это так. Но если правильно, тогда действуй. Ничто не заставит меня плохо подумать о тебе, и, как я уже говорила, ты должна начать снова жить. Ты потрясающая мама, и Эмма прекрасно себя чувствует. Удели время себе. Просто посмотри, куда это приведет.

Медленно подняв голову, я вижу счастье на ее лице. Ее морщинки от смеха заметны, но только потому, что она улыбается. Она заботливая и красивая, и была моей спасительницей. Я наклоняюсь и обнимаю ее так долго, как только могу.

— Можно и мне обнимашки? — спрашивает Эмма, когда выходит к нам в пижаме.

— Я не знаю, — говорю я, подмигивая ей. Слеза скатывается, и я вытираю ее, прежде чем моей наблюдательной семилетке выпадет шанс заметить ее.

— Почему ты плачешь?

Слишком поздно.

— Потому что я счастлива.

— Я тоже счастлива. А почему ты радуешься? — она прижимается под моей рукой своим маленьким тельцем ко мне.

— Потому что у меня самая лучшая семья в мире.

— У меня тоже! — она кричит от радости.

Мы проводим некоторое время, обнимаясь, пока своим ангельским маленьким лициком она оставляет сентиментальные поцелуи на мне.

— Ужинать, — говорит Бронвин, и мы садимся и наслаждаемся нашей едой.

Пьер

— Я решил прислушаться к тебе, Ева. Надеюсь, ты не возражаешь, но я пригласил Холли сюда на ужин.

Я распахиваю шторы в гостиной и позволяю свету проникнуть внутрь. Открываю стеклянные двери, и свежий воздух устремляется в комнату, а я стою и решаю, что же мне нужно сделать.

— Конечно, я не уверен, куда все это заведет меня с Холли, ведь она может оказаться не такой, как я думал. Но если ты считаешь, что это хорошая идея — я в жизни ее дочери — тогда мне нужно начать что-то с Холли.

Я подхожу к кухонному шкафчику, в котором хранятся все чистящие средства, и достаю тряпку с моющей жидкостью.

— Я знаю, что ты наблюдала, когда я почти поцеловал ее. И думаю, ты бы тоже одобрила это. Но она так выводит меня из себя.

Я иду в гостиную и начинаю переставлять фотографии на полках, пока вытираю под ними пыль.

— Она не такая, как ты, Ева. Она на самом деле другая. Ты слышала, как она сказала мне о том, что я не готовлю сам бульон? Слышала, *oui*? Быось об заклад, ты смеялась, глядя на меня.

Я вытираю все поверхности в гостиной, удаляя осевшую пыль и возвращая этому месту тот вид, который когда-то был. В том времени, когда смех и яркий солнечный свет наполнял наш дом. Когда добираюсь до бара, я вижу пустые и полные бутылки, разбросанные упаковки таблеток.

Я перестал принимать таблетки, когда понял, что они влияют на мое душевное состояние. Глядя на отвратные разрешенные наркотики, я должен решить, что делать со всем этим.

Должен ли я сохранить их на случай, если они опять могут мне понадобиться? Или мне стоит выбросить их в мусорное ведро? Знаю, Ева захотела бы, чтобы я избавился от них, но не думаю, что я достаточно силен... пока.

Взяв с кухни мусорный мешок, я иду обратно в гостиную и выстраиваю в ряд все бутылки — тридцать шесть, если быть точным. Большинство из них пусты, и только несколько бутылок с остатками золотистой жидкости, плещущейся на дне.

— Я полагаюсь на веру, Ева. Я доверяю тебе. Ты сказала мне во время своего визита, что нормально отнесешься ко всему. Но я не уверен, что полностью готов отпустить все.

Глядя на бутылки, я жду, в надежде, что Ева скажет мне что-то.

— Думаю, она мне нравится. Думаю, она может быть той, кто мне нужен, но нужен ли я ей?

Вооружившись бутылками, я делаю несколько заходов к мусорным бакам. Пять ходок спустя я остаюсь с чистым баром и только полупустой бутылкой скотча.

— Я лучше помою эту кухню, потому что не смогу готовить в этом беспорядке. Знаю-знаю, ты, должно быть, думала, что я пренебрегал всем. *Oui, ton amouir*, я бы тоже так подумал. Но я постараюсь, потому что, как ты и сказала, пришло время для меня двигаться дальше.

Я открываю холодильник и начинаю вычищать его. Не знаю, как позволил ему так запуститься. Мне должно быть стыдно. И так оно и есть.

Уборка на кухне приносит удовольствие. Ощущается правильно. Есть что-то очищающее в избавлении от всего, за что я держался.

— Как ты думаешь, что я должен приготовить для Холли? Я бы хотел, чтобы ей это понравилось. Помню, что ей понравился пирог с лимонным беcze, поэтому, возможно, приготовлю его. Но какое порекомендую приготовить основное блюдо?

Знаю, я могу показаться сумасшедшим, если кто-нибудь заглянет ко мне. Тот, кто разговаривает сам с собой, похож на человека, лишившегося рассудка.

Я начинаю хихикать. Я действительно представляю из себя сейчас черт знает что.

— *Mon amour*, интересно, находишь ли ты тоже это смешным?

Пока убираюсь на кухне, мои мысли медленно уносятся к сексу. Точнее, к сексу с Холли.

— У меня может быть секс с Холли, — шепчу я, надеясь, что Ева не будет слишком сильно злиться на меня.

Протирая внутри холодильника, не могу сдержаться и позволяю своим мыслям вернуться в ресторан, к тому, что я чувствую каждый раз, когда вижу Холли в ее юбке-карандаш, облегающей бедра. Или как ее попка покачивается немного. Она определенно красивая, у нее шоколадного цвета глаза и красные губы. У нее божественная грудь — круглая, невероятно полная и чувственная. Ее фигура, черт возьми, ее фигура. Думаю, она великолепна и на сто процентов женщина. Я бы описал ее фигуру как песочные часы — классически красивые песочные часы.

— *Mon amour*, я знаю, что ты смеешься надо мной, но надеюсь, ты уйдешь, если мы с Холли решим попробовать наш собственный десерт, — я усмехаюсь и качаю головой. — Я хочу посмотреть, куда все это заведет, потому что если ты права, это может быть больше, чем просто секс. — Я протираю кухонную столешницу. — До тех пор, пока ты понимаешь, что всегда будешь в моем сердце.

Я продолжаю драить и чистить, мои мысли полностью поглощены очень заманчивой картинкой того, как Холли будет выглядеть обнаженной, и кое-что происходит. Предполагаю, я должен был ожидать его — легкий, сладкий аромат цветочных духов Евы.

На мгновение я останавливаюсь и оглядываю комнату. Я побеспокоил ее чем-то? Или она просто говорит мне, что все в порядке?

— Ты смеешься надо мной, не так ли? Я понимаю, *ton chéri*. Ты говоришь мне, что хорошо к этому относишься. — Я возвращаюсь к чистке раковины. — Надеюсь, что ты счастлива.

Глава 16

Холли

— Ты очень красивая, мамочка. Могу я тоже пойти? — спрашивает Эмма, пока я крашу ресницы в ванной.

— Спасибо, малышка. Я буду дома поздно сегодня вечером, поэтому ты должна слушаться бабушку.

Она опирается на раковину, накручивает прядь волос на палец и продолжает наблюдать за мной.

— Могу я тоже пойти? Мне нравится Пьер.

Мы обсудили их разговор в больнице, но она продолжала повторять мне, что хочет, чтобы он пришел на следующий наш пикник. Хоть меня там и не было, Бронвин сказала, что Эмма и Пьер поговорили буквально несколько минут. Но у Эммы, похоже, появилась с ним связь.

— Не сегодня, — отвечаю я и наношу немного светло-розового блеска на губы.

— Я думала кое о чем, мамочка, — застенчиво говорит она, что, безусловно, мило. — Так как ты не будешь ужинать со мной и бабушкой сегодня, могу я завтра купить обед в школе?

Я смотрю на ее шаловливое лицо.

— И почему я должна согласиться на это, учитывая, что ты покупаешь школьный обед только по пятницам?

— Я не знаю, — она пожимает плечами, но ее ротик изгибается в невинной улыбке.

— Ты возьмешь свой обед завтра, как обычно.

— Но, ма-а-ам, — она жалобно хнычет.

— Никаких «но», ты знаешь правила. Делать домашнюю работу, заправлять свою постель каждое утро и убирать со стола, и тогда ты можешь покупать обед по пятницам.

Ее плечики поникают, она опускает голову, и я вижу, как она дуется.

— Хорошо, мамочка, — обиженно говорит она, поворачивается и уходит.

Я заканчиваю собираться, надеваю джинсы и приталенную рубашку с коротким рукавом, и иду прощаться с Бронвин и Эммой.

— Я ухожу, — говорю Бронвин, найдя ее на кухне, нарезающей салат.

— Береги себя и наслаждайся, — отвечает она с озорным блеском в глазах.

Господи, надеюсь, она не думает, что я буду заниматься сексом с Пьером. Потому что этого не произойдет. Не сегодня, во всяком случае.

— Я не знаю, во сколько буду дома.

— Не волнуйся об этом. Расслабься и наслаждайся вечером, — еще раз говорит она, сдерживая улыбку.

— Ничего не случится, — отвечаю я на ее незаданный вопрос.

— И это не мое дело, даже если что-то случится. Тебе тридцать пять. Ты замечательная мама и красивая женщина внутри и снаружи. Ты достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения.

Бронвин действительно понимающая, и, возможно, даже более подготовленная, чем я, к тому, что уготовано нам в будущем.

— Это просто ужин.

— Конечно, — говорит она, не произнося ничего больше.

Целую ее в щеку и иду искать свою крошку, которая, скорее всего, все еще дуется, потому что я не позволила ей купить обед в школьной столовой.

Нахожу ее в комнате, играющей со своими куклами.

— Хей, я уезжаю, — говорю я, прислоняясь к косяку двери и смотрю на нее.

— Пока, мамочка. Повеселись, — нетерпеливо говорит она. Очевидно, все обиды забыты.

— Я зайду к тебе, когда вернусь домой.

— Я буду спать, поэтому, наверное, не услышу тебя, — небрежно говорит она. Эмма вскакивает, обнимает меня и целует. — Пока, — еще раз говорит она, возвращается к своим куклам и продолжает с ними играть.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, мамочка.

Беру бутылку вина со стола и иду к машине.

Сказать, что я нервничаю, это ничего не сказать.

Я не была на свидании уже много лет.

Я легко нахожу дом Пьера благодаря навигационной системе в машине.

Он живет в старом пригороде, где вдоль дороги растут огромные деревья, а домам, кажется, сотни лет.

Подъезжая к его дому, я замечаю аккуратный газон и привлекающее своей старомодностью здание.

Сидя в машине, я чувствую, как у меня сдаются нервы. Руки потеют, в животе все скручивает, а сердце бьется так быстро, будто вот-вот выпрыгнет.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, и часть меня, вроде как, приходит в норму.

Вылезая из машины, я иду к входной двери и стучу.

Черт! Проклятое вино, я оставила его в машине.

Бегу обратно к машине, открываю пассажирскую дверь и наклоняюсь, чтобы взять бутылку.

— *Oui*, я рад тебя видеть. Очень рад, — слышу я позади.

О, черт. Чувствую, как горю от смущения. Конечно же, Пьер открыл дверь, не увидел меня и логично, что он вышел, чтобы найти меня. И обнаружил меня с приподнятой вверх задницей, пытающейся достать бутылку вина, которая застряла под проклятым сиденьем.

— Хотела сбежать? — спрашивает он, посмеиваясь.

— Не совсем. Я забыла вино в машине, — отвечаю я, все еще склонившись над пассажирским сиденьем. Мое лицо так горит, что нужно вызвать пожарных, чтобы потушить пламя.

— Я могу стоять здесь весь день.

О, Боже.

Наконец, я вытаскиваю бутылку из-под сиденья, выпрямляюсь, но не рискую пока оборачиваться.

— Какая жалость, *mon chéri*.

Просто прекрати, Холли.

Поворачиваюсь и вижу очень довольного и безумно сексуального Пьера. Он стоит позади и жадно смотрит на меня.

— *Non, ton chéri*, ты не должна смущаться. Мне нравится то, что я вижу.

Не могу сдержаться и блуждаю по нему взглядом. Он одет в выцветшие голубые джинсы с дыркой чуть выше правого колена и темно-серую футболку под цвет глаз. Его волнистые волосы длиной чуть выше плеч распущены. Он стоит на улице босиком и смотрит на меня так, как, должно быть, я смотрю на него прямо сейчас.

Мое сердце сжимается.

Во рту пересыхает.

А дурацкий пульс учащается до миллиона ударов в секунду.

Господи, он выглядит так хорошо и раскрепощенно. И чертовски сексуально.

— *Oui*, тебе тоже нравится то, что ты видишь.

Да, черт возьми, мне очень нравится то, что я вижу.

— Ты прав, — насмешливо говорю я, пытаясь преуменьшить то, что чувствую. Но я абсолютно уверена, что пылающий красный цвет, постоянно проявляющийся на моем лице, выдает мои чувства с головой.

Пьер усмехается и протягивает мне руку.

— Пойдем, мы можем поесть снаружи, если хочешь, но я предпочитаю не красоваться перед любопытными соседями.

Я застенчиво оглядываюсь, чтобы посмотреть, смогу ли увидеть кого-нибудь, выглядывающего из своего окна. Например, маленькую старушку лет восьмидесяти, сидящую у своего окна. Но никого не вижу.

— Ты смешная, — говорит Пьер и его губы изгибаются в кривой ухмылке — Пойдем, — он ведет меня в свой дом. — Пожалуйста, чувствуй себя как дома.

— Ох, вот, возьми, — я протягиваю ему бутылку вина, с которой у меня были проблемы в машине.

Пьер берет ее и смотрит на этикетку.

— Ах, «Пенфолдс», очень мило, — говорит он, направляясь на кухню, и я следую за ним.

Дом светлый и просторный, стены украшены множеством фотографий. Подозреваю, что на них его покойная жена, Ева. Она прекрасна. Его кухня — именно такая, какой я ожидала ее увидеть. Вся техника из нержавеющей стали. Холодильник со стеклянной дверцей, и от этого возникает ощущение компактной промышленной кухни.

В центре кухонный островок с четырьмя высокими табуретами.

На варочной поверхности стоят две тяжелые на вид черные кастрюли, в духовке включен свет, и что-то, похожее на хлеб, печется внутри. Запах восхитительный. Весь дом наполнен теплым ароматом, исходящим из духовки.

— У тебя очень красивый дом, — говорю я, выдвигаю табурет и сажусь. Слева от меня огромные французские двери, которые ведут на крытую террасу.

— *Merci*, — говорит он, берет большую деревянную ложку и что-то мешает в одной из кастрюль.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— *Oui*, ты можешь взять два бокала, они вон в том шкафу, — он указывает на один из них. Дверца шкафчика с матовым стеклом, что позволяет мне увидеть, что внутри. Спрятавшись с табурета и подойдя к шкафу, я слышу, как он говорит отрывисто: — Ты очень красивая, — его голос становится ниже. Вместе с французским акцентом, с его взглядом и всей окружающей обстановкой, его голос скользит по моей коже, вызывая мурашки.

— Спасибо, — говорю я, и мой голос звучит немного хрипло.

Прочищаю горло и иду наливать вино.

— *Non*, — Пьер останавливает меня. — Мы не должны позволять ему дышать. Просто подожди. Терпение — добродетель, — говорит он спокойным голосом

Хлоп. Ой, что это было? Кажется, мой яичник взорвался.

Глава 17

Холли

— Все очень вкусно, большое спасибо, — говорю я и кладу кусочек рavioli в рот.

— Они домашние, — Пьер замолкает и вытирает рот салфеткой, а затем делает глоток из своего бокала. — Я давно не готовил для кого-нибудь дома.

Могу сказать, для него было сложно признаться в этом.

Он избегает смотреть на меня, и пот, бисеринками скопившийся на лбу — явный признак его дискомфорта.

Слева от обеденного стола стоит книжный шкаф, который занимает всю стену от пола до потолка. В нем, должно быть, около тысячи книг, если не больше.

— Мне нравится твоя библиотека, — говорю я, пытаясь смягчить неловкое молчание.

— Это книги моей жены, она любила читать. Она могла сидеть у окна и читать днями напролет. Я, бывало, приходил домой с работы и находил ее там, где оставил утром. Частенько она все еще была в пижаме, а по дому вообще ничего не было сделано, — он усмехается и качает головой. — Особенно ближе к концу.

Вот черт, от одной неудобной темы к другой. Но мое присутствие в его доме однозначно привело бы к этому.

— Как она умерла?

Пьер опускает вилку и кладет ее сбоку от тарелки. Я избегаю взгляда его печальных серых глаз.

— У нее был рак яичников. Мы не знали, пока не стало слишком поздно.

— Я сожалею, Пьер. Я знаю, как трудно терять человека, которого любишь.

Ну, приплыли. Обстановка определенно становится мрачной.

— Она хотела ребенка, а я постоянно отказывал ей и говорил, что хочу больше продвинуться в карьере. Если бы я послушал и захотел того же, чего и она, то возможно...

— Ты не должен винить себя.

— Очевидно, я могу и буду делать это. — Мое сердце обливается кровью, потому что я знаю, какую боль он испытывает. — Если бы я согласился насчет ребенка, то, возможно, рак бы успешно поддался лечению.

— Ты не должен сомневаться в решениях, которые уже принял. Ты не можешь изменить прошлое.

Тишина заполняет комнату. Мы продолжаем есть, хотя уныние, безусловно, омрачило атмосферу.

— Мой муж умер полтора года назад.

— *Merde!* Что произошло? — с жаром спрашивает он.

— Он ехал по шоссе, и у него спустило колесо. Он сменил его и уже садился в свою машину, когда грузовик врезался в него. Водитель грузовика не гнал, но у него зазвонил телефон, и он посмотрел вниз, чтобы ответить на звонок, — мой голос дрожит, а кожа становится ледяной от мысли о том дне. — У нас даже не было шанса попрощаться, — я чувствую слезы, наворачивающиеся на глаза.

— Теперь настала моя очередь говорить «я сожалею». Я знаю, к какой сердечной боли может привести потеря супруга.

Вытираю слезу. Я недостаточно сильна, чтобы сдержать их все — одна пробилась сквозь мой контроль.

— Мне сказали, что он умер мгновенно. Он даже не понял, что произошло. Не почувствовал никакой боли.

Минуты идут. Такое чувство, будто время застыло, и мы молчим. Я смотрю в свою тарелку. Не знаю, что делает Пьер или на что смотрит, но я могу понять его чувства из-за потери жены, они такие же, как и у меня после гибели мужа.

— Не самое лучшее первое свидание, — Пьер прерывает наше молчание. Не могу удержаться и поглядываю на него, а он сидит напротив меня с едва заметной улыбкой.

— Возможно, это была не самая лучшая идея, — шепчу я.

— *Non*, пожалуйста. Теперь мы знаем одну из причин, почему мы стали теми, кто мы есть. Давай закончим нашу трапезу и поговорим о чем-нибудь хорошем, — он подносит бокал вина ко рту и делает глоток.

Вдруг я понимаю, что уставилась на его губы, на то, как они прижимаются к бокалу, пока он пьет.

— Расскажи мне о своей дочери.

Как только он задает этот вопрос, я чувствую, что темная туча миновала, и на сердце становится легче.

— Ей семь, и она ходит в первый класс. Она умная и невероятно общительная.

— Я заметил это, когда она подошла ко мне в больнице.

Кое-что крутится в моей голове, и я хочу выяснить это.

— Пьер?

— *Oui*.

— Почему ты поцеловал меня в кабинете Ангуса?

Он нерешительно ерзает на своем месте и наполняет рот едой. Подозреваю, что так он поступает, потому что хочет обдумать свой ответ. Я передразниваю его и съедаю еще несколько равиoli.

— Впервые я встретил Еву, когда она вошла в ресторан, в котором я работал в Париже. Гость попросил поговорить с шефом, и я увидел ее, когда шел к его столику. Я проходил мимо нее, и первое, что заметил — ее зеленые глаза. Они были такими красивыми, такими таинственными. Думаю, я влюбился в нее тогда. Пока разговаривал с клиентом, я все продолжал тайком поглядывать на нее. Она делала то же самое, а затем улыбнулась мне.

Я ставлю левый локоть на стол и опираюсь подбородком на ладонь, слушая, что рассказывает Пьер. Он так искрится, словно яркая свеча, освещая весь мир.

— Меня позвали обратно на кухню, прежде чем я смог поговорить с ней. И когда вернулся обратно, она уже ушла. Я побежал на улицу, чтобы посмотреть, смогу ли найти ее. И увидел. А мужчина следовал за ней. В ту секунду я ничего плохого не предчувствовал, но затем я увидел, как он подошел к ней и схватил ее за *derrière* (*фр. ягодицы*). Это меня очень рассердило. Она повернулась, чтобы накричать на него, и вот тогда я заметил, как он схватил ее за руку и попытался оттащить подальше от друзей.

— Черт! Что было дальше?

— Я побежал к ним, схватил его и избил. Не люблю, когда мужчины прикасаются к женщинам без их согласия. Особенно к женщинам, о которых я забочусь.

Эм... это неловко. Пьер улавливает мои чувства.

— *Oui*. Я забочусь о тебе, Холли. Только не знаю почему.

Я смеюсь. Сомнительный комплимент, не правда ли?

— *Pardon*, это прозвучало не так, как я хотел сказать.

Из-за сильного французского акцента все становится еще смешнее, потому что он пытается быть искренним. Но это не срабатывает.

— Ты поцеловал меня, потому что я напомнила тебе о том, что случилось с Евой?

— *Oui*.

Он смотрит в свою тарелку и нанизывает еду. Пора менять тему разговора.

— Как давно ты живешь в Австралии? Я заметила, что твой акцент усиливается особенно, когда ты... как бы это сказать? Вспыльчив?

— Это не так! — он почти кричит.

— Это мое мнение.

— Ты упрямая, невыносимая, — он легкомысленно машет левой рукой в мою сторону.

— Я? Но я сижу здесь с тобой, наслаждаюсь этим прекрасным ужином, хотя ты и настаиваешь на том, что я «упрямая и невыносимая».

Он хмурится, рычащий звук исходит из его груди. Уголки его губ приподнимаются, и я замечаю, что он отчаянно пытается сдержать смех.

— И ты называешь меня «упрямой»? — я пожимаю плечами, закатываю глаза и наклоняю голову набок.

— Ты сводишь меня с ума.

— Пф-ф, да брось! Я считаю, ты сам сводишь себя с ума.

— Я больше не собираюсь разговаривать с тобой об этом.

Он встает и несет свою тарелку на кухню, фактически заканчивая этот разговор.

— Что, прости? Ты не можешь просто встать и уйти, — я встаю и следую за ним.

— Я могу, и делаю это, — кричит Пьер из кухни, прежде чем я появляюсь там.

— Ты ведешь себя глупо.

— Не правда.

— Черт, это так! — я кричу на него, когда захожу на кухню. — Поговори со мной. Если ты будешь реагировать так каждый раз, когда тема для тебя будет неприятной, это ни к чему нас не приведет.

— Non.

Он достает два больших стакана для парфе из холодильника и ставит их на кухонный островок.

— Пьер, ты ведешь себя как ребенок.

Все это быстро превращается в то, к чему я совсем не готова.

— Я не буду обсуждать это с тобой.

Он возвращается к холодильнику и достает две миски. В одной взбитые сливки, а в другой — ягоды, которые были порезаны и пустили сок.

Я молчу, пока он осторожно и искусно кладет их в стаканы, которые, оказывается, уже наполовину наполнены шоколадным муссом.

— Пьер, — начинаю я. Он поднимает голову и пытается заставить меня замолчать одним своим пылким взглядом. — Просто с ума сойти. Я даже не знаю, какого черта мы ссоримся.

— Мы ссоримся, потому что ты невыносима, — его акцент усиливается на последнем слове. Хоть это и прозвучало как оскорбление, ничего не могу поделать, но я возбуждаюсь. Потому что, опять же, во всем виноват его акцент.

— Я не невыносимая, — теперь же я просто подстрекаю его, потому что мне нравится то, каким страстным он становится, когда злится.

— Ты такая, — говорит он, едва сдерживаясь.

— Ты высокомерный француз. Это твое «ты такая», только доказывает мне, насколько ты эгоистичен.

Пьер перестает накладывать ягоды. Он кладет ложку в серебристую миску, а руки сжимает в кулаки. Они дрожат, его грудь быстро вздымается, и он с шумом пытается втянуть воздух.

— Именно так, Пьер, я думаю, что ты самовлюбленный. — О боже, какого черта я творю? — Эгоцентрист. — Он снова резко поднимает голову, и я вижу, что его глаза почернели от гнева. — Зацикленный на себе, — мой голос тверд, но тих.

Он обходит островок и становится лицом ко мне.

— Ты так глубоко погряз в себе, что даже не имеешь представления о реальности.

Заткнись, Холли.

— Ты невыносима, — повторяет Пьер, опуская взгляд на мой рот.

Мое сердце громко бьется, кровь быстро бежит по венам, и, не думая о том, насколько интимна эта ситуация, я прижимаюсь грудью к Пьеру.

Руками он хватает меня за плечи, а длинными пальцами прикасается к моей коже. Я опускаю взгляд на его пальцы. Чувствую его дыхание на своем лице, сладковатый запах его одеколона попадает в мой нос.

— Ты невозможен, — шепчу я.

Пьер усиливает хватку и слегка притягивает меня вперед.

Своим твердым телом он подавляет меня.

— Ты такая мягкая, — бормочет он, губами касаясь моей щеки.

Он прижимает свое твердое тело к моему, устранивая малейшее расстояние между нами.

— Пьер, — удается сказать мне до того, как я смотрю в его отчаянные серые глаза.

— Чего ты хочешь от меня? — он проводит носом вдоль моей шеи, а правой рукой скользит по моей пояснице.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

Мои глаза автоматически закрываются, и я чувствую, как теплыми губами он прикасается к mestечку между моим плечом и шеей. Пьер растопыривает пальцы на моей талии и немного просовывает ладонь под пояс моих джинсов.

— Я хочу прикоснуться к тебе, — говорит он, а другой рукой хватает меня за задницу.

— Прикоснись ко мне, — мой голос сочится желанием, а тело горит для Пьера.

— Посмотри на меня, — командует он.

Я поднимаю голову, открываю глаза и вижу неутолимый голод, горящий глубоко внутри Пьера.

— Это наш первый поцелуй, — он наклоняет голову и захватывает мои губы. Медленно и нерешительно языком он исследует очертание моей нижней губы. Будто боготворя, Пьер притягивает меня ближе, и мы оба начинаем пятиться.

Моя спина касается прохладной стены, и он нежно прижимается ко мне. Опустив руки вниз к его заднице, я притягиваю его ближе и поднимаю ногу, чтобы обхватить ею его бедро.

— Холли, — бормочет он, одновременно поглаживая ладонью мою грудь через ткань рубашки. Сжимает мои соски, пытается покрутить их, но между нами слишком много слоев одежды.

Поцелуй становится обжигающим. Мы с Пьером пожираем друг друга, я не могу мыслить трезво.

— Больше, — прошу я, хватаюсь за его рубашку и стягиваю ее через его голову.

В этот момент нет никакого страха. Все кажется таким естественным.

— *Ti es ta* (фр. ты моя), — стонет он мне в рот.

Я поднимаю руку и запускаю пальцы в его волосы на затылке, наматываю пряди на ладонь. Тяну их назад и наблюдаю, как он закрывает глаза, а его шея красиво выгибается.

Кадык Пьера дергается, когда он пытается слотнуть. Я покрываю поцелуями щетину на подбородке, а затем перехожу к великолепному выступу на его горле.

— *Ti es ta*, — снова бормочет он, пальцами запутываясь в моих волосах, притягивая к своей шее.

— Пьер, — стону я и целую его, скользя языком по грубой поверхности.

Глубокий гортанный стон вырывается из его груди, я чувствую силу этой вибрации у своей груди.

Мы окружены прекрасным страстным огнем, пламя которого не поддается контролю. Наши тела изголодались друг по другу. Наша страсть обострена диким плотским желанием.

Я чувствую его возбуждение, когда он толкается своими бедрами, прижимает меня к стене, обездвиживает меня. Черт побери, он овладевает мной.

— Да, — выдыхаю я, и наши губы снова сливаются в поцелуе.

Пьер одерживает верх. Я теряю контроль.

— Не дергайся, черт возьми, — снова приказывает он, опускаясь на колени передо мной.

Он расстегивает мои джинсы, отодвигает трусики в сторону и запускает свои длинные, талантливые пальцы в меня.

О, черт!

Нет, нет, нет. Я не готова к этому. Я не готова быть с другим мужчиной. Пока нет.

— Остановись, — говорю я, а он в это времякусает меня за живот. Но он сразу же делает как ему велено.

— *Je suis désolé* (фр. прости меня). Я не планировал, чтобы мы заходили так далеко, — Пьер поднимается с пола и делает шаг назад, проводит руками по лицу, а затем по волосам.

— Это... — Эм, что, черт возьми, я могу сказать? Я расправлю рубашку и застегиваю джинсы, отходя от сумасшествия на кухне. — Я... я не... — Я смотрю куда угодно, только не на Пьера.

— Я должен принести свои извинения еще раз. Мне очень стыдно за свои действия.

— Мне уйти? — спрашиваю я, не совсем понимая, что происходит.

— Пожалуйста, останься. Мне нравится твоя компания, но, возможно, будет лучше, если мы не будем больше так давить друг на друга.

Ауч. Серьезно? Отштита.

— Конечно, — говорю я, совсем смущенная. Мой голос обнажает мои чувства, и уверена, он понимает, что я чувствую себя отвергнутой.

— *Mon chéri*, все это не потому, что я не хочу тебя. А потому, что я жажду тебя так же сильно, как эти сладкие ягоды, которые я вымачивал весь день. Я не смогу остановиться, когда мои губы прикоснутся к твоей сладкой коже.

— Я думала, что ты не хочешь этого.

Он смеется от души, запрокинув голову назад.

— *Non*, я предвкушаю тот момент, когда смогу насытиться тобой. Поверь мне, я с нетерпением жду того времени, когда окажусь внутри тебя, — он облизывает пальцы и стонет от моего вкуса.

Хлоп. О, да, это был мой второй яичник.

Глава 18

Холли

— Привет, — говорю я, прислоняясь к кухонной столешнице в ресторане. Скоро открытие, и Пьер подготавливает и удобно расставляет все необходимое для сегодняшнего вечера.

— Я очень занят, Холли. Разве что ты хочешь поцеловать меня, тогда у меня уйма свободного времени.

Он не поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, но я замечаю его дерзкую улыбку.

— Нет, я не собираюсь целовать тебя. Но ты не ответил на вопрос, который я задала у тебя во вторник.

— И что это был за вопрос?

— Как давно ты живешь в Австралии?

— Я переехал сюда, когда мне было двадцать два. А стал гражданином в двадцать три.

— Ты сказал мне, когда приехал сюда, но я хотела бы знать, сколько тебе лет.

— А на сколько лет я выгляжу? — он поворачивает голову, поигрывает бровями, а потом обратно смотрит на то, что готовит.

— О, я бы сказала, что тебе около пятидесяти, ну максимум пятьдесят пять, — дразню я. Думаю, ему под сорок.

— Невыносимая, — бормочет он сквозь смех. — В следующем мае я буду отмечать свой сорок второй день рождения.

— Хах, и ты живешь здесь с двадцати двух. Получается двадцать лет.

— *Oui*, а что? Ты планируешь меня депортировать? Потому что уже слишком поздно это делать.

— Только если ты меня разозлишь, — говорю я ему, поворачиваюсь и покидаю его кухню.

— Ты не поцеловала меня, Холли, — игриво окликает он меня. Мне нравится, когда он такой — беззаботный и веселый.

— Я и не говорила, что собираюсь это делать, — отвечаю я, выхожу и иду к бару, чтобы проверить запасы и быть готовой к сегодняшнему вечеру.

Когда я проверяю алкоголь на верхних полках, Ангус заходит за стойку. Он стоит, расставив ноги на ширине плеч и со скрещенными руками на груди. Чувствую, что он поглядывает на меня с ухмылкой, и это меня пугает.

— Я могу чем-нибудь помочь, Ангус? — спрашиваю я, ощущая его обжигающий взгляд.

Отвратительно.

— Да, я бы хотел поговорить с тобой в моем кабинете, пожалуйста.

— Конечно, дай мне пару минут закончить здесь, и я найду тебя.

— Я буду ждать.

Что это с ним? У парня серьезные проблемы. Не то чтобы он плохо выглядел. Он нормальный. Примерно моего роста — а это около метра семидесяти пяти, широкоплечий, с коротко подстриженными волосами, довольно красивым точеным подбородком и темно-карими глазами. И обычно я бы сказала, что он хороший парень, с которым можно выйти прогуляться.

Но его взгляд не жаркий и соблазнительный. Когда он говорит, мой мозг не отключается, а сердце не выпрыгивает из груди. Мурашки не пробегают по моему телу; его слова не волнуют меня.

— Холли, — я слышу изящный, романтичный французский акцент, и замечаю, что Пьеру удается провернуть все эти штучки с моей головой и телом.

— Да, Пьер.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, и замечаю, что он и Ангус стоят в немом противостоянии. Двое мужчин будто на дуэли и готовы сражаться. Хотя только один из них завладел моим вниманием и интересом.

— Ты нужна мне на кухне.

— У меня встреча с Ангусом, так что тебе придется подождать, — говорю я, одновременно заканчивая свою инвентаризацию алкоголя.

Пьер ворчит, глядя на Ангуса, затем поворачивается, чтобы уйти, но прежде громко говорит:

— *Imbécile*.

— Он заноза в заднице, но чертовски отличный шеф, — говорит Ангус, пожимая плечами. — Ты готова?

— Показывай дорогу, босс, — я стараюсь оставаться веселой.

Я переживаю из-за своих отношений с Пьером в ресторане во время рабочего дня, особенно из-за мнения Ангуса и коллег. Мне нужно поговорить с ним об этом.

Ангус идет в свой кабинет и ждет, пока я зайду, а затем закрывает за мной дверь.

Он садится за стол, а я в кресло напротив него.

— У меня не было возможности нормально поговорить с тобой после инцидента. Как ты справляешься? — спрашивает он, переплетая свои пальцы.

— Я в порядке, возвращаюсь к нормальной жизни. Полиция позвонила мне и сообщила дату суда. Они хотят, чтобы мы с Пьером явились для дачи показаний.

— Хорошо, хорошо, хорошо.

Тон его голоса говорит мне, что он хочет сказать что-то еще, но, возможно, не знает, как это сделать.

— Это все, Ангус?

— Нет, не совсем.

Я устраиваюсь поудобнее в кресле и скрещиваю ноги.

— Ты меня увольняешь? — я хмурюсь и готова послать его к чертям.

— О боже, нет! Ты единственная, кто может управлять Пьером.

— Тогда в чем вопрос?

Ха! Управлять Пьером. Никто его не контролирует. Он эксцентричный и решительный, и очень сексуальный и чувственный.

— У меня скоро будет конференция, в Новой Зеландии, и я хотел бы, чтобы ты поехала со мной.

Он не спрашивает меня, как работника. Тон его голоса говорит мне, что он хочет большего.

— Мне очень жаль, это невозможно. Но когда ты уедешь, я могу присмотреть здесь за всем, — я хочу закончить этот разговор, прежде чем он подумает, что у него есть шанс со мной.

— Если деньги проблема, я заплачу за тебя.

— Деньги не проблема. Я не могу пренебрегать своими обязанностями здесь, и, кроме того, у тебя не будет никого, кто смог бы управлять рестораном.

Пойми намек, Ангус. Я веду себя дипломатично.

— Я хотел бы, чтобы ты присоединилась ко мне.

— В качестве кого?

— Как, эм... — он отводит взгляд в сторону. Чтобы он ни сказал, это будет ложью. — Моего менеджера.

— Извини, но нет.

Знает ли он, что в Новом Южном Уэльсе есть законы и федеральные нормы, которые защищают меня? Почему он докучает своими попытками?

— Я просто подумал, что мы могли бы обсудить твоё будущее в «Тейбл Уан».

— Ну, я открыта для дискуссии об этом. И для этого мне не нужно ехать в Новую Зеландию. Если ты относишься к этому нормально, то могу ли я попросить одного из официантов к нам присоединиться, или ты хотел обсудить что-то еще щепетильное?

— Нет, в этом нет необходимости. Думаю, у нас с тобой вполне хорошие коммуникативные навыки.

Его плечи немного расслабляются, и мне кажется, он понимает, что я не заинтересована в том, что он предлагал.

— Замечательно, я рада, что мы во всем разобрались. Что-нибудь еще?

— Да, есть еще кое-что.

Ну вот, опять.

— И что это?

— Ваши нерабочие отношения с Пьером.

— Это тебя не касается. Я читала трудовой договор, который подписала, и я не нигде не видела, что дружба с одним из сотрудников является нарушением. Что-нибудь еще, с чем я могу тебе помочь? — я ничего больше не говорю ему о моих отношениях вне «Тейбл Уан».

Я понимаю, что сейчас ступаю на опасную территорию. Он может уничтожить меня, сказав, что мое поведение неподобающее, но я не позволю ему давить на меня.

Только один мужчина имеет влияние надо мной, и при этом без особых усилий.

— На этом все на сегодня, Холли.

Ангус смотрит вниз на какие-то бумаги на столе, и поднимает руку, чтобы потереть висок. Фактически, он говорит мне уйти. Он выглядит напряженным, но это не моя забота. Он, вероятно, рассчитывал, что я охотно соглашусь поехать с ним в Новую Зеландию. Но я не хочу играть с ним. Я не такой человек.

Когда я встаю, чтобы уйти, то начинаю обдумывать свое время здесь. Что такое с мужчинами? Я не была заинтересована ни в ком с тех пор, как Стефан погиб. А сейчас у меня есть двое мужчин, заинтересованных во мне, не считая пьяного парня. Неужели мой «магнит для мужчин» вдруг стал привлекать всех психов?

— Холли, — кричит Пьер из кухни, когда я прохожу мимо.

— О, да, ты что-то хотел от меня. Погоди. — Я поворачиваюсь и иду на кухню. В руках у Пьера нож для мяса, и он разрубает тушку пополам. — Что случилось? — спрашиваю я, в то время как нож издает чрезвычайно громкий звук, а он продолжает рубить уже мертвое животное.

— О чём вы говорили? — спрашивает он, его голос дрожит от гнева.

— Он хотел кое-что спросить. Все хорошо.

— О чём он говорил с тобой, Холли? — акцент такой сильный, что я с трудом его понимаю.

— Пьер. — Я прислоняюсь спиной к стене около него.

— Я недоволен. Он человек-осьминог, и мне не нравится, когда он прикасается к тому, что принадлежит мне.

— Оу, подожди минутку. Я никому не принадлежу. — Пьер перестает рубить мясо, кладет нож вниз и поворачивается ко мне. — Не начинай даже эту альфа-хрень в стиле «ты моя».

Он делает шаг ко мне, его передник покрыт сырьими кусочками мяса, а взгляд пропитан гневом и свирепостью.

— Я не делюсь. Если ты хоть на секунду подумала, что такой мужчина, как я, будет смотреть на то, как его женщина находится с другим мужчиной, то ты неправильно меня поняла.

— Его женщина? Пьер, ты один раз пригласил меня в свой дом на ужин. Мы не пара, и мы даже не обсуждали, что будет дальше.

— Я француз.

— Какое это имеет отношение к чему-либо?

— Я француз, очень страстный и ревнивый. Пока мы работаем над тем, чтобы быть вместе, я ожидаю, что ты будешь верна мне.

Что за?.. Одно это предложение просто взбесило меня.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнил? В целом, ты только что назвал меня чертовой шлюхой. Я не давала тебе никаких причин думать так обо мне. Ты не видел за мной бесконечной вереницы мужчин, и ты не слышал, чтобы я говорила о ком-либо еще. Какая наглость, Пьер Леру! Черт возьми, какая наглость! Ты поцеловал меня и думаешь, что уже обладаешь мной. Но я так не думаю, приятель, — моя кровь кипит, и перед собой я вижу огромный красный флаг.

— Я не это имел в виду...

— Мне плевать, что ты имел в виду. Ты открыл свой гнусный рот, и ты практически обозвал меня шлюхой. Как ты смеешь, наглая свинья, — я кричу на него и поворачиваюсь, чтобы покинуть кухню.

Знаю, бегство — не лучший выход, но мои защитные стены воздвигнуты на максимум, и боюсь, что бы ни сказал Пьер, все будет воспринято мною в штыки.

— Холли! — зовет он и бежит за мной.

— Просто оставь меня в покое до конца смены, а затем мы сможем поговорить. Если мы сделаем это сейчас, боюсь, я скажу то, о чем буду сожалеть. Я слишком взвинчена, поэтому, пожалуйста, оставь меня в покое.

— Холли.

Я поднимаю руку и качаю головой.

— Дай мне время до конца смены. Я не могу разговаривать с тобой, когда злюсь.

— Пожалуйста, общение очень важно для меня, — он выглядит печальным, побежденным.

— Понимаю, и после смены мы сможем поговорить, — я понижую голос.

Сделав шаг к нему, я приближаюсь и целую его в щеку, позволяя своим губам задержаться чуть дольше, чем требуется.

— Я приготовлю нам поднос с закусками, они помогут нам поговорить, *oui?* — с надеждой спрашивает он.

— Звучит прекрасно. — Я ухожу, но останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. Он стоит в полный рост, его взгляд прикован ко мне, следит за каждым моим движением. — Спасибо за понимание, — добавляю я, надеясь, что это успокоит его.

— Невыносимая, — бормочет он, поворачивается и уходит на кухню.

Улыбаясь, я иду к списку бронирования, чтобы выяснить, насколько заняты мы будем сегодня.

Глава 19

Пьер

Ангус. Хм-м, думаю, придется с ним поговорить. Мне не нравится, что он пытается прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

Холли может думать, что никому не принадлежит, но это не так. Я просто позволю ее глупому женскому мозгу так думать. Я же знаю, что она моя, и это главное.

Мое дурное настроение сказывается на баранине, что я нарезаю. Кем, черт возьми, Ангус себя возомнил?

— Шеф. — Я слышу, что кто-то зовет меня, но у меня дурное настроение, и я не готов болтать. — Шеф. — Продолжаю игнорировать этого дурака, который смеет мне мешать. — Шеф! — Улавливаю нетерпение в голосе и поворачиваюсь посмотреть, кто же меня звал.

Эрик стоит рядом со мной, рука поднята вверх, а кровь пропитывает полотенце, обернутое вокруг кисти руки.

— Что ты сделал? — спрашиваю я, одновременно опуская свой нож и направляясь к нему.

— Мой мизинец. Все не совсем плохо, но и не в самом лучшем состоянии. Мне нужно в больницу.

Он смотрит на меня, ему стыдно и неловко. Так и должно быть, он ведь су-шеф. Он должен знать, что пальцы нужно держать подальше от ножей. Особенно от наших.

— Ты вызвал «скорую»?

— Нет, шеф.

Он бледнеет и выглядит больным. Возможно, это из-за нервов.

— Ангус! — зову я из кухни, а пальцем показываю на дверь, без слов говоря Эрику уносить свою задницу подальше от моей кухни. — Крис, — зову одного из других поваров.

— Да, шеф, — говорит он, когда подходит ко мне.

— Возьми на себя обязанности Эрика, — поручаю я ему. — Эрик, что там у тебя?

— Да, шеф, — отвечает Крис и уходит.

— На еду попала кровь, придется все выбросить. — От стыда он опускает взгляд в пол.

— Ты же профессиональный повар, — кричу я на него.

— Я сожалею, шеф.

— *Oui*, тебе должно быть стыдно. Ты знаешь, как обращаться с ножами. Какого черта с тобой происходит?

— Пьер, — нежный голос мгновенно успокаивает меня, и мой гнев на Эрика иссякает.

— Холли, — я обращаюсь с ней, поворачиваюсь и вижу, что она стоит на кухне. — Что случилось?

— Снаружи ничего не случилось, но здесь явно что-то не так. — Она кивает головой в сторону Эрика. — И ты кричишь слишком громко, что меня и насторожило.

— Он *imbecile*, который порезал палец. Еще и еду испортил, поэтому придется начать с начала. *Imbecile*.

Я качаю головой и поворачиваюсь к Эрику, чтобы выпустить злость, распирающую меня изнутри из-за того, что Эрик — идиот, и потому, что я злюсь из-за Ангуса и Холли.

— Ты порезался специально, Эрик? — спрашивает Холли, прерывая мои мысли.

— Ни в коем случае, — отвечает Эрик.

— Ты высунул палец и слегка порезал его?

Эрик усмехается.

— Нет, мэм.

— Ты сделал это, чтобы получить отгул?

— Нет.

Она кладет руку мне на плечо, и заряд молнии проходит сквозь меня. Как, черт возьми, одно лишь ее прикосновение заставляет мое тело так реагировать на нее?

— Ничего, Пьер. Он сделал это не специально, — она понижает голос и легонько гладит меня по спине. Прикосновение успокаивает ярость внутри.

— Ты *imbecile*, — говорю я Эрику, но тон моего голоса стал мягче.

— Да, шеф, — тихо говорит он.

— Пьер, — шепчет Холли, ее голос кроткий, она пытается осторожно успокоить меня.

Я делаю глубокий вдох и собираюсь помассировать виски, но останавливаюсь, когда замечаю кровь.

— Поезжай в больницу и позвони мне, когда врачи тебя осмотрят.

— Пьер, что происходит? — спрашивает Ангус, заходя на кухню. Он осматривает нас троих, анализирует и оценивает ситуацию. — Холли, ты в порядке? — спрашивает он, делая шаг к ней.

Низкое рычание готово сорваться с моих губ, я чувствую, как моя челюсть сжимается, а сердце почти перестает биться при мысли о нем рядом с Холли.

— Она в порядке, — говорю я и делаю защитный шаг, оказываясь перед ней.

— Пьер, я могу сама говорить. — Холли убирает руку с моей спины, я смотрю на нее через плечо, и она умоляюще мне улыбается.

Я снова делаю глубокий вдох, медленно считаю про себя до десяти и успокаиваюсь.

— Я в порядке. Эрик поранился, и я пришла посмотреть все ли в порядке, — отвечает она, когда выходит из-за меня.

Мои глаза округляются, когда я замечаю ее попку, и то, как она сегодня привлекательна в своем костюме. Она носит туфли на каблуках, не слишком высоких, иначе бы до конца смены у нее отваливались ноги, но то, как они удлиняют их — невероятно сексуально.

Черт побери, чувствую, как мой член дергается под формой. Пока я смотрю на изгиб ее попки — идеальные полушария, невинно дразнящие меня, — мой член приходит в гиперактивность. Если не перестану смотреть на эту красивую соблазнительную *derrière*, боюсь, я просто возьму ее прямо здесь.

Все вокруг меня разговаривают, а я страдаю. Это просто эротическая пытка. Мой член в отчаянии, он желает оказаться глубоко внутри нее. Взять ее каждым возможным способом. Каждую часть ее мягкого, женственного тела. Он хочет растянуть ее ротик, когда она опустится на колени передо мной и будет сосать мой член. Я хочу видеть, как слезы будут стекать с ее фарфоровой кожи, а она будет мурлыкать и шептать вокруг моей твердости; глотать меня с энтузиазмом, а пальцами будет играть с моими яйцами.

Черт побери, я до безумия хочу ее.

Мне нужно, чтобы она оседлала мое лицо и позволила попробовать ее восхитительную, аппетитную киску. Представляю, что именно я буду тем, с кем она исполнит свои сексуальные желания.

Слышу свое имя, и это отвлекает меня от возбуждающих образов голой и идеальной Холли, обвязывающей меня, удовлетворяющей свои желания, и это подпитывает мой собственный непристойный голод.

— *Oui*, — отвечаю я, даже не зная, на что согласился.

Нежная кожа Холли становится красной, ее глаза округляются, а рот широко открывается. Она смотрит на меня, затем медленно опускает взгляд на мой стояк.

— Пьер, — тихо шепчет она в ужасе.

Именно тогда я замечаю, что рукой поправляю себя, пытаясь найти удобное положение для моего члена, что означает, что они все видели это публичное представление.

— *Excusez-moi*, — грубо говорю я, в спешке выбирайсь оттуда.

Как это унижительно быть пойманым во время сексуальных фантазий о том, что мое тело хочет сделать с Холли.

Вымыв руки в ванной комнате и сорвав грязный фартук, я ввожу код от задней двери. Открываю ее со всей своей сдерживаемой яростью, и дверь с грохотом отскакивает от стены.

— *Merde!* — кричу я в пустоту и ищу что-нибудь, по чему можно ударить. Но ничего подходящего нет, кроме бетонной стены здания и припаркованного автомобиля Холли. — *Merde!* — снова кричу я.

Гнев струится по моим венам. Я сжимаю руки в кулаки и чувствую, как мои плечи трясутся от желания разбить что-нибудь к чертовой матери.

Какого черта со мной происходит?

С тех пор как Ева пришла ко мне во сне, все, что я хочу, это заклеймить Холли. Взять ее, соединиться с ней телами, целовать, поклоняться и принадлежать ей.

Холли совсем не такая, как Ева. Ева была мягкой и теплой. Она улыбалась, и солнце светило вокруг нее. Она никогда не провоцировала меня, всегда позволяла мне быть собой.

А Холли... она такая другая. Каштановые волосы и глаза цвета горького шоколада. Ее фигурное тело притягивает меня, завлекает мое внимание и удерживает в своем плену. Она сообразительная и упорная, может противостоять моим словам. Упрямая и сильная, независимая и самодостаточная, она борется за то, что считает правильным, никогда не отступая.

Она противоположность Евы.

Но нет смысла их сравнивать.

Несправедливо сравнивать этих двух женщин друг с другом.

Они невероятно разные, но и в то же время одинаковые.

Страсть уже вспыхнула и стремится к большему. Появилась одержимость жить.

Ева подарила мне этот дар однажды много лет назад, и я думал, что похоронил его вместе с ней.

Но Холли вытянула его оттуда, где он был спрятан. Она разожгла огонь, подбросила топливо в угли, и у меня появилось желание не позволять этому огню затухнуть.

Мои руки скреплены и закинуты за головой, я шагаю по переулку и пытаюсь очистить беспорядок в голове.

— Пьер, — я слышу нежный голос Холли.

— *Oui*, — отвечаю я и поворачиваюсь к задней части здания.

Она стоит снаружи, ее большие карие глаза искушают меня. Она абсолютно потрясающая. Волна желания настигает меня. Я хочу ее.

Я хочу больше, чем просто секс. Я хочу попробовать это — отношения с ней.

— Пьер, почему ты так на меня смотришь?

Меня безумно тянет к ней, и я делаю шаг вперед. Ее глаза распахиваются шире, и я замечаю, как ее грудь быстро вздымается.

— Пьер, — повторяет она, ее голос хриплый, хоть и тихий.

— Ничего не говори, — я обхватываю ее лицо ладонями и соединяю наши губы.

Ее губы теплые, и я провожу языком по ее пухлой нижней губе.

Отпустив ее лицо, я осторожно провожу руками по ее плечам. Она дрожит, но наслаждается вниманием, которое я дарю ей. В награду она дарит мне бесценный тихий стон, когда я прижимаю ее тело к своему.

— Пьер, — шепчет она, отстраняясь от моих губ. И я уже скучаю по ее теплу. — Что происходит между нами? — спрашивает она и прислоняется лбом к моей щеке.

— *Mon cheri*, я задаю себе тот же вопрос.

— И к какому ответу ты пришел? — она не поднимает голову, но руки плотно сжимает вокруг моей спины, притягивая меня к себе. Мне нравится это интимное чувство между нами.

— Я вспыльчив, *oui*, — я делаю паузу, чтобы собраться с мыслями. — Я понял, что крайне тяжело не поддаться тому, что есть между нами. Думаю, нам нужно попробовать, погрузиться в это так глубоко, чтобы мы не могли видеть свет друг без друга. Ты заставила меня захотеть жить, а не существовать, лишь дыша.

Я целую ее в лоб и прижимаю еще ближе к себе, стараясь не оставить ни единого свободного миллиметра между нами.

— Это безумие, — говорит она, глядя на меня.

— *Oui*, это все очень быстро и может закончиться чудовищно. Но думаю, мы обязаны попробовать ради нас самих.

Холли наклоняет голову, позволяя мне вновь захватить ее губы. Позволяет пальцами провести по нежной, обнаженной коже ее шеи, и я снова получаю в награду самые восхитительные и возбуждающие звуки. Языком я исследую ее рот, сплетаюсь с ее языком, и мы наслаждаемся нашим медленным и опьяняющим поцелуем.

Холли отстраняется первой, хотя я мог бы часами наслаждаться очертанием и глубиной ее сочного ротика. Но я уверен, она остановилась, потому что хочет что-то сказать.

— Ты можешь ранить меня, — говорит она тихим голосом.

— Никогда.

— Я должна ставить Эмму на первое место. Если ты обидишь нас, мы не сможем выжить после твоей потери.

Глаза Холли наполнены слезами, и в этот момент она кажется очаровательно уязвимой.

— Ты *magnifique* (*фр. прекрасна*), и я никогда не обижу вас.

Она прижимает голову к моей груди, ее хватка усиливается, и я своими объятиями пытаюсь убедить ее.

Длительное молчание повисает между нами.

Мы слышим гудок круизного лайнера, означающий, что он покидает порт. Разговоры счастливых людей заглушают тишину. Мы же просто обнимаемся, и это ощущается очень комфортно.

— Хочешь пойти на пикник со мной и Эммой? — говорит, наконец, Холли.

— *Oui*, я подготовлю корзину для маленькой девочки, которую должен впечатлить.

Глава 20

Холли

— Куда мы едем? — спрашивает Эмма, когда мы направляемся к дому Пьера.

Нам обоим удалось сделать воскресенье выходным. Ангус был не слишком доволен, когда я попросила его об этом. Он посмотрел на меня сверху вниз и спросил, связано ли это как-то с тем, что Пьер тоже потребовал выходной в воскресенье. Он сказал, что Пьер ворвался в его офис и сказал ему, что не будет работать, потому что у него назначена важная встреча. Ангус сказал, что тот не дал ему возможности сказать «нет». Он просто сказал: «Меня не будет в воскресенье, а Эрик уже вернулся из больницы с целым пальцем, поэтому он сможет выйти на смену в воскресенье».

Ангус сказал, что он попытался «включить босса», но Пьер пренебрежительно покачал головой и сказал: «Я не брал отгул в течение двух лет. Очень жаль, что тебе это не нравится». И вышел из его кабинета, оставив Ангуса в недоумении.

— Мы едем в дом Пьера, а потом в Гайд-парк. Пьер настоял на том, что приготовит для нас пикник.

— А в этом парке будут качели? — спрашивает Эмма, глядя в свое окно с заднего сиденья.

— Да, там будут качели.

— А бассейн?

— Нет, бассейна не будет, — я усмехаюсь.

— А пляж?

— Нет, пляжа тоже.

— А мы можем пойти на пляж?

— А ты взяла свой купальник?

— Нет.

— А что насчет полотенца?

— Нет.

— Тогда как, ты думаешь, мы можем поехать на пляж?

— Мы можем съездить домой и взять все.

— Нет, не можем, потому что мы почти приехали к Пьеру.

Она фыркает со своего сиденья, и когда я смотрю в зеркало заднего вида, она демонстративно скрещивает руки на груди, а на лицо натягивает свое лучшее «гневное» выражение.

— Я хочу поехать на пляж.

— Если я разверну машину, то мы поедем домой и останемся дома, — говорю я, тон моего голоса становится предупреждающим. — Ты предпочитаешь это поездке в парк?

Она что-то невнятно бормочет.

— Прости. Что ты сказала? — спрашиваю я ее.

— Я сказала «Нет, мамочка», — она снова фыркает.

— Хорошо, мы почти у Пьера, а потом поедем в парк.

— Да, мамочка, — говорит она, хотя в ее голосе не слышится радости.

Мы подъезжаем к Пьеру, и Эмма отстегивает ремень безопасности и выскакивает из машины за то время, что мне понадобилось на то, чтобы вытащить ключ из зажигания.

— Пойдем, мамочка. Пьер уже нас ждет.

Ее настроение, несомненно, улучшилось. Она с нетерпением ждет, пока я выйду из машины.

Эмма берет меня за руку и уверенно идет рядом со мной к входной двери.

— Я хочу нажать на дверной звонок, — говорит она, протягивает руку и нажимает на серую кнопку.

Дверь распахивается, и я ошеломлена Пьером в темных джинсах, синей футболке и кедах. Футболка открывает его руки и, что еще более важно, скульптурные мышцы. Она идеально облегает его грудь и свободно спадает у бедер.

— Холли, — говорит он, открывает дверь и делает шаг в сторону, позволяя нам войти.

— Пьер.

Он наклоняется, чтобы подарить мне целомудренный поцелуй в щеку.

— Привет, Пьер, — счастливо говорит Эмма, делая несколько шагов внутрь и отпуская мою руку.

Пьер становится на колени, чтобы оказаться на одном уровне с глазами Эммы.

— Думаю, я должен правильно представиться, *ma petite*. Меня зовут Пьер, и я с нетерпением жду, когда смогу покатать тебя на качелях так высоко, как только ты мне позволишь.

Эмма хихикает, и широкая улыбка расплзается на моем лице.

— Почему ты назвал меня Питом? — спрашивает Эмма.

— Нет, я не назвал тебя Питом. Я сказал «*ma petite*». Это означает «моя малышка».

— Ты действительно смешно говоришь. Но мне это нравится, потому что так говорят люди, откуда ты приехал.

— *Oui*, это правда. Мы разговариваем по-другому. Знаешь, что?

— Нет, что? — она делает шаг к Пьеру, и мое сердце просто готово разорваться от гордости, что Эмме уже так комфортно рядом с ним.

— У нас, французов, в Париже нет веджимайта. Хотя он мне никогда не нравился. (Примеч.: *Веджимайт* — фирменное название очень популярного в Австралии пастообразного пищевого продукта темно-коричневого цвета, представляющего собой экстракты овощей и дрожжей).

Эмма смеется и кладет руку на талию.

— Мне нравится сэндвич с веджимайтом и сыром. Ты должен попробовать его.

Я провожу рукой по лицу от того, как Эмма разговаривает с Пьером.

— *Non*, я не буду больше пробовать. Я уже знаю, что он мне не нравится.

— Что же ты тогда за повар? — спрашивает она. Начинает приступать ее дерзкая сторона.

Пьер встает с колен, стряхивает невидимую пыль и смеется.

— После того, как скажешь мне, понравилось ли тебе то, что я приготовил, мы сможем обсудить, какой я повар.

— Договорились! — Эмма протягивает руку, ожидая рукопожатия.

Пьер вытирает ладони о джинсы, потом берет ее руку и трясет один раз.

— Я приготовил вкусный обед, дамы. Надеюсь, вам понравится. Входите, мне нужно только взять корзину, — говорит он и протягивает руку в сторону кухни. Эмма идет впереди, а Пьера держит свою теплую руку на моей пояснице, пока ведет нас по своему дому.

— Ты выглядишь вкуснее, чем еда, которую я приготовил, — шепчет он мне на ухо. Его свежее мятное дыхание ласкает мою кожу, губы мягко скользят по мочке моего уха, а язык пробует меня на вкус. Быстрая взрывная дрожь пробегает по моей спине. Мое тело реагирует на жаркое, молчаливое обещание этого страстного мужчины.

— Спасибо, Пьер, — я стону от желания. Но сейчас не время.

— Bay, это огромная корзина для пикника. Сколько же здесь еды? — Эмма визжит от волнения.

— Мне пришлось подготовиться, *ma petite*. Здесь много всего, что вам нужно попробовать. Ты ведь любишь эскарго, *oui*?

Эмма смотрит на Пьера и морщит нос:

— Что это? — спрашивает она, не удосужившись даже попробовать повторить название.

— Ты не знаешь, что такое эскарго?

Эмма качает головой.

— Ты ешь соленое пюре из трески, *oui*? — он хмурит брови и кивает.

Эмма выглядит не слишком впечатленной. Она кривит губы, и я жду, когда она вскрикнет «фу», хотя на самом деле не понимает, о чем говорит Пьер.

— *Non?* — спрашивает он, а она, кажется, испытывает отвращение.

— Я не ем ничего из того, что ты сказал.

— Хм-м, ну и хорошо. Потому что ничего из этого и нет для тебя. Я приготовил свежие багеты, ветчину и салаты. А еще немного конфет и мой секретный рецепт — домашний шоколад. Но *oui*, еще у нас есть фруктовый салат и сок, который я выжал сам.

— Ты ведь мог просто купить сок в магазине. Мама так и делает.

— *Non, ma petite*, я не могу купить сок в магазине. Этот сок вкуснее. Скоро увидишь, — он берет корзинку для пикника с кухонного стола и идет к двери. — Пойдемте, дамы. У нас впереди целый день: мы будем веселиться как обезьянки и есть как свиньи.

Эмма снова хихикает и становится прямо рядом с Пьером.

— Могу я помочь нести корзину?

— Она для меня слишком тяжелая, поэтому я рад, что ты спросила.

— Это значит «да»?

Не могу сдержаться и смеюсь из-за ее простодушия и открытости.

— *Oui*.

— Тебе нужно сходить в туалет? — спрашивает она, останавливаясь. — Потому что мамочка говорит, что нужно сходить в туалет, прежде чем мы сядем в машину.

— *Non*, мне не надо в туалет. Я сказал «*oui*», что означает «да» по-французски.

— Почему ты просто не скажешь «да»? — она вопросительно смотрит на него.

Он щурится, а губы сжимает в тонкую линию.

— Не знаю, я просто говорю «*oui*» всю свою жизнь.

— Возможно, ты слишком стар, чтобы прекратить, — Эмма невинно пожимает плечами.

Пьер смотрит на меня, и я стараюсь изо всех сил сдержать приступ смеха, отчаянно рвущийся наружу.

— Думаю, мы станем хорошими друзьями, Эмма.

Она смотрит на него и улыбается.

— *Oui*, я тоже так думаю.

— Выше, Пьер, выше! — нетерпеливо кричит Эмма.

— *Ma petite*, боюсь, если я толкну тебя выше, то ты перекрутишься на качелях и упадешь, — говорит Пьер, продолжая раскачивать Эмму.

Они катаются на качелях последние полчаса, а я тем временем лежу на покрывале для пикника и роюсь в корзине.

— Что ты делаешь? — кричит мне Пьер, когда я заглядываю в корзину.

— Собираюсь достать наш обед.

— Еще не время для обеда. Мы же катаемся. Скоро моя очередь, и Эмма будет раскачивать меня.

— Ни за что! — визжит Эмма, заставляя меня улыбнуться.

— Эй, это честно, Эмма. Пьер же качал тебя, так что теперь твоя очередь качать его.

Плечи Эммы резко опускаются, и явное возмущение на ее лице говорит нам, что она не очень довольна этим.

— *Ma petite*, твоя мама и я просто шутим над тобой, — говорит Пьер, продолжая раскачивать ее. — Но мои руки устали. Я захватил с собой футбольный мяч, поэтому, возможно, мы смогли бы поиграть с ним?

— Еще десять толчков. И потом мы сможем поиграть с мячом.

— Прежде чем играть с мячом, я хочу намазать тебя солнцезащитным кремом, Эмма, — кричу я, щедро намазывая его на все свои открытые участки кожи.

Через несколько минут вспотевший Пьер и счастливая Эмма подбегают к покрывалу. Эмма плюхается попой рядом со мной, а Пьер становится на колени напротив меня. Я выдавливаю немного солнцезащитного крема на руку Эммы и говорю:

— Вотри это в свои ручки. Я намажу твоё лицо. Тебе не нужно? — говорю я Пьери, предлагая крем.

Его глаза загораются, улыбка — хитрая и широкая.

— *Oui*, — говорит он, хотя я знаю, что он хочет сказать что-то еще. Он смотрит в сторону Эммы, пока берет у меня крем, затем смотрит обратно на меня и подмигивает.

— Мы можем пойти играть сейчас, Пьер? — спрашивает Эмма, встает и ждет.

— Вот, возьми мяч и начинай, я *через минутку*.

Он аккуратно бросает мяч Эмме, она ловит его, бежит, бросает и пытается ударить по нему ногой.

— Холли, — Пьер придвигается ко мне и рукой скользит по обнаженной коже моей руки, вызывая мурашки, несмотря на теплую погоду. — Я просто хочу небольшой поцелуй, — говорит он, наклоняется ко мне и прикасается мягкими губами к моей щеке.

Мое сердце останавливается, Пьер уже крепко удерживает его. Когда оно начинает биться вновь, то скачет в таком быстром темпе, что я даже и не уверена, до сих пор ли оно находится в моей груди.

— *Mon chéri*, я с нетерпением жду, когда смогу как следует поцеловать тебя. — Он замолкает и проводит своим языком по губам, желая попробовать меня. Затем, понизив тон, сексуальным и хриплым голосом говорит: — Поцеловать каждую твою изящную часть. Я хочу сделать тебя мокрой, а потом языком слизать всю твою влажность.

С трудом сглатывая, я закрываю глаза и хватаюсь за его футболку.

— Боже мой, — шепчу я. Во рту пересохло, а тело невыносимо жаждет его.

— Я планирую поглощать тебя и поклоняться твоему телу.

Я сжимаю бедра, бабочки в моем животе устроили гонку, а руки трясутся от возбуждения.

К тому времени, когда я хочу сорвать с него всю одежду и заставить сделать все эти восхитительные вещи, он уходит. Его тепло исчезает, и я слышу, как он зовет Эмму, когда подбегает к ней и начинает бить по мячу.

Меня оставили на покрывале разгоряченной — и не из-за палящего во всю мошь солнца.

Не-а, это из-за того, что я действительно хочу сделать все эти развратные вещи с Пьером.

Господи, помоги мне.

Глава 21

Пьер

Эмма такая энергичная маленькая девочка. С ней постоянно нужно быть начеку. Она может кругами бегать вокруг меня и все же не устать.

— Давай, Пьер, — она визжит от восторга, пока мы пинаем футбольный мяч.

— Думаю, настала пора подкрепиться и немного отдохнуть.

— Я не хочу отдыхать. Я хочу играть, — возбужденно кричит она.

— Пойдем покушаем, потом еда уляжется в наших животиках, а затем мы сможем пойти на турники и качели.

— Ты пойдешь со мной? — ее великолепные большие карие глаза загораются от радостного ожидания наших игр.

— Конечно, да. Мне нравится висеть как обезьяна, хоть у меня и нет хвоста, чтобы висеть вниз головой.

Она берет футбольный мяч и идет к Холли, которая уже выложила обед.

— Вот и вы, — говорит она, передавая Эмме маленькую бутылочку антибактериального дезинфицирующего средства для рук. Эмма выдавливает немного себе, а затем автоматически поворачивается ко мне и передает бутылочку.

Это действие такое невинное, полное доверия. Она уже приняла меня и чувствует себя уютно рядом со мной. Чувствую, что трещина в моем сердце начинает затягиваться. Она с легкостью приносит мне радость и счастье, в котором я и не понимал, что нуждался.

— Ты в порядке? — спрашивает Холли, глядя на меня.

— В порядке, — отвечаю я с улыбкой, застигнутый забавным чувством удовлетворения. Я принадлежу этому месту. Я связан с Холли, и знаю, что должен защитить Эмму.

Я сижу на одеяле, и, протянув руку, поглаживаю бедро Холли. Эмма замечает это движение. Она улыбается мне, а потом поворачивается и улыбается своей матери.

— Ты и мамочка теперь встречаешься? — спрашивает она меня.

— А как ты отнесешься к тому, если мы с твоей мамочкой будем встречаться?

Я беру половину багета, разрезаю его и кладу внутрь ветчину и салат. Но при этом задерживаю дыхание, пока жду, что же скажет Эмма.

— Вы собираетесь пожениться? — спрашивает она.

— Мы никогда не знаем, что нас ждет в будущем, — отвечаю я ей. Холли притихла, и думаю, из-за того, как она переводит взгляд то на меня, то на Эмму, она оценивает меня и то, как я нахожу общий язык с ее дочкой. Но я не буду врать. Не буду притворяться кем-то другим. Я такой, какой есть.

— У вас с мамочкой будет ребенок?

Сдавленный стон Холли говорит мне, что мы затронули эту щекотливую тему.

— Опять же, *ma petite*, я не знаю, что произойдет. Все, что я знаю, это что мне нравишься ты, твоя мамочка, и я хочу быть частью вашей жизни. Но только если вы этого хотите.

Передаю Эмме половину багета, приготовленного для нее.

— *Bon appétit*, — говорю ей.

Она берет и смотрит на него в течение нескольких секунд.

— Мамочка готовит мне обед, — говорит она и начинает есть.

— Тебе не нравится то, что я приготовил?

— Это осень вкусно, — бормочет она с полным ртом еды.

— Не разговаривай с набитым ртом, — мягко ругает ее Холли.

Эмма продолжает жевать, пока ничего не остается в ее ротике.

— Пьер задал мне вопрос.

Я наклоняюсь и беру вторую половину багета, разрезаю и принимаюсь начинять его. Эмма наедается, и Холли наливает нам всем сок. Она наклоняется, чтобы взять багет, и я хватаю ее за запястье и качаю головой.

— *Non*, я буду кормить тебя.

— Я могу и сама себе приготовить.

— Ты можешь, но я здесь и хочу позаботиться о тебе.

Щеки Холли заливают румянец, а Эмма произносит «ой» из-за того, что я сказал.

— Спасибо, — говорит Холли хриплым голосом.

— Пожалуйста, — отвечаю я, кивая головой.

— Ты мне нравишься, Пьер, — говорит Эмма, а затем еще разкусает свой сэндвич.

— *Merci, ma petite*. Ты мне тоже нравишься.

Я заканчиваю делать сэндвич для Холли, кладу его на тарелку и передаю ей. Схватив другой багет, я готовлю и себе. Но замечаю, что Холли не ест.

— Что-то не так? — я указываю подбородком на ее нетронутую тарелку.

— Я подожду, пока ты приготовишь свой, чтобы мы смогли поесть вместе. — Она берет стакан и отпивает сок. — Это очень вкусно.

— Не нужно ждать. Пожалуйста, наслаждайся.

Она делает укус и закрывает глаза, издавая одобрительное мурлыканье. Этот звук превращается в самый эротичный и привлекательный звук, который я слышал за долгое время. Мгновенно мои мысли переносятся, как я надеюсь, к дикому, грязному сексу с Холли.

Мне нужно стереть развратные изображения ротика Холли на мне, потому что это не хорошо для моего члена. Особенно с Эммой, сидящей рядом со мной.

— Как обед? — спрашиваю я, отчаянно пытаясь взять под контроль разум... и тело.

— Вкусно, — отвечают они. Эмма проглатывает последний кусочек еды, выпивает сок и испускает громкую отрыжку.

— Извините, — говорит она, прикладывая ладошку ко рту, широко раскрыв глаза.

Мы с Холли смеемся.

— Лишь бы ты наслаждалась, — говорю я, а затем делаю укус.

— Мне очень понравилось, можно еще один? — она протягивает мне свою тарелку.

Хорошо, сейчас мне немного неловко. Я не знаю, должен ли. Поворачиваюсь к Холли и многозначительно смотрю на хлеб, спрашивая ее, можно ли сделать еще один сэндвич для Эммы.

— Все нормально, — говорит она, а потом делает последний укус от своего сэндвича.

— Пьер, ты не сказал мне. У вас с мамочкой будет ребенок?

Молча продолжаю готовить сэндвич, а затем передаю его Эмме.

— Не знаю, *ma petite*. Я хотел бы ответить на этот вопрос, но прямо сейчас я не знаю.

— Мамочка все знает, — говорит она, начиная с удовольствием есть. — Мамочка? У тебя с Пьером будет малыш?

Я перевожу взгляд на Холли, которая сосредоточилась на невидимом пятне на покрывале. Она скребет по несуществующим ворсинкам и не смотрит вверх, чтобы не видеть мой взгляд или взгляд ее дочери.

— Как уже сказал Пьер, мы никогда не знаем, что нас ждет в будущем.

Наши взгляды встречаются, и интересный спектр эмоций мелькает в ее глазах. Во-первых, это, несомненно, неуверенность. Она, наверное, думает обо мне, и хочу ли я ребенка после того, чем поделился с ней о Еве. Холли опускает глаза и выглядит смущенной. Это может быть тема, которую она захочет обсудить со мной и, возможно, чем раньше, тем лучше.

— Я закончила. Пойдем играть, — кричит Эмма, затем встает и вытирает рот рукой, смахивая крошки.

— Иди на качели, я скоро буду, — говорю я ей.

— Хорошо, Пьер, не задерживайся. — Она бежит к качелям, забирается на них и начинает раскачиваться.

— Ты в порядке? — я очень тихо спрашиваю Холли.

Она кивает головой, но не смотрит на меня.

— *Mon chéri*, — говорю я, нежно касаясь пальцем ее подбородка и приподнимая лицо, чтобы посмотреть на меня. — Ты никогда не должна скрывать, что думаешь или чувствуешь ко мне.

— Это просто... — она замолкает и вздыхает.

— Что такое? — я чувствую печаль, окружающую Холли. Что-то гнетет ее и не дает покоя. — Поговори со мной, я не буду злиться. — *Надеюсь*.

— К-когда Стефан умер... — Слеза катится по ее белоснежной щеке. Я обхватываю ее лицо ладонями и аккуратно вытираю слезу. Она закрывает глаза и наклоняет голову, затем делает глубокий вдох и медленно выдыхает. — Я была на восьмой неделе беременности, когда он умер. Стресс из-за аварии слишком давил на меня и мое тело, и я потеряла ребенка.

— *Mon chéri*, — шепчу я, наклоняясь и целую ее губы. Совершенный поцелуй.

— Для меня было слишком больно сперва потерять его, а потом ребенка. Я не слишком хорошоправлялась. — Еще одна слеза скатывается по ее щеке. Я вытираю ее и целую Холли в щеку. — Я не могу снова пройти через такую потерю. Я должна оставаться сильной из-за Эммы, но я рассыпаюсь, когда одна, Пьер. — Ее охватывают рыдания, плечи трясутся.

Не задумываясь, я обнимаю ее. Оборачиваю руки вокруг нее и покровительственно удерживаю. Я не позволю ей снова так переживать. Я не потеряю Холли из-за своего эгоизма.

В таком положении мы с Холли проводим некоторое время. Я усаживаю ее к себе на колени, чтобы она была как можно ближе ко мне, и наслаждаюсь тем, как выпуклость ее груди прижимается к моей. Я обожаю ощущать, как ее сердцебиение успокаивается и сливаются с моим. Люблю слушать, как теплый воздух покидает ее вишнево-красные губы, когда она дышит.

— Пьер, — говорит она после долгого молчания.

— *Oui*, — отвечаю я, ласково выводя рисунки кончиками пальцев на ее спине.

— Думаю, ты мне нравишься.

Я усмехаюсь и прикасаюсь губами к ее волосам.

— Надеюсь.

— Нет, я имею в виду, что, кажется, ты мне очень нравишься.

Мой смех прекращается. Вместо этого мое сердце наполняется радостью, и я прижимаю ее еще ближе к себе. Ее хватка усиливается, и мы спокойно сидим, пока одна маленькая девочка не зовет свою маму и меня, чтобы мы пошли и покачали ее на качелях.

И, конечно же, мы счастливо подчиняемся.

Глава 22

Холли

Пьер поднимает спящую Эмму и несет к себе домой.

— Вот ключи. Пожалуйста, открой дверь, — он неуклюже протягивает мне руку, где на мизинце болтаются ключи.

Я беру их и иду открывать входную дверь.

— Маленький серебряный от первой двери, а большой золотой от второй, — приглушенным тоном сообщает он.

Эмма утомилась и очень быстро уснула в машине по дороге обратно.

Когда двери открыты, Пьер несет Эмму в гостиную и кладет на большой диван. Она переворачивается и прижимается к подушке, пока он берет одеяло, чтобы накрыть ее.

Пьер переплетает наши пальцы и ведет меня на кухню, откуда я могу наблюдать за спящей Эммой.

— *Café?* — спрашивает он, но не дожидается моего ответа. Включает кофе-машину и прислоняется к кухонной столешнице, ожидая, когда кофе будет готов.

— Конечно, — говорю я, вытаскиваю высокий кухонный стул и сажусь на него.

— Думаю, нам нужно поговорить о том, что сегодня произошло, — тихо начинает он.

— Прости, Пьер. Я не хотела все это вываливать на тебя. Просто это тяжело. Эмма задавала вопросы... и то, как ты посмотрел на меня. И как вы сегодня ладили, это просто...

— Как я посмотрел на тебя?

— Это трудно объяснить, — я пожимаю плечами и отвожу взгляд от его напряженного стального взгляда.

— *Non*, ты должна поговорить со мной.

— Иногда я не могу. Из-за тебя. Есть в тебе что-то такое, отчего я запинаюсь и не могу сказать, что нужно.

— И почему?

Я просто пожимаю плечами и все еще отказываюсь смотреть на него.

— *Mon chéri*, ты должна поговорить со мной. Я не смогу помочь, если ты не откроешься мне.

— Ты и в самом деле очень напорист, Пьер. И то, как ты смотришь на меня... Иногда мне кажется, что твой взгляд говорит, будто со мной что-то не так.

— В тебе нет ничего «что-то не так», как ты говоришь. Для меня ты — *несравненная*, чудесная, красивая, сексуальная женщина. Мне необходимо смотреть на тебя, чтобы убедиться, что ты реальная, а не просто сон. — Он отводит свой взгляд на долю секунды и усмехается. Как будто то, что он только что сказал — секретная шутка, о которой я не в курсе. — Ты настоящая и идеальная. Но я хочу большего, от тебя и меня. Я хочу большего для нас обоих. — Он опять смотрит на меня. Его глаза стали темно-серыми — он голодный хищник, жаждущий съесть меня.

Мое тело реагирует на его очевидную потребность. Сердце бьется в два раза быстрее. Я чувствую, как оно бьется в груди. Мое тело пылает, а кровь бурлит в венах. Глубоко в моем животе засело взрывное предвкушение. В горле пересохло. Я хочу его. Хочу почувствовать, как он будет двигаться внутри меня, возьмет меня и доставит удовольствие.

— *Mon chéri*, — говорит он низким, резким голосом, медленно огибая кухонный островок.

Я разворачиваюсь на барном стуле, развожу ноги и ожидаю, когда он шагнет в мое личное пространство.

— Мы израненные души, — шепчет он, ступая между моими ногами и убирай мои волосы с плеч за спину. — Мы должны освободиться от этой боли. — Он целует меня один раз в щеку. — Давай найдем наше счастье. — Пьер передвигается, чтобы поцеловать меня в другую щеку. — Вместе. — И захватывает мои губы своими.

Я обнимаю его и притягиваю ближе, оборачивая ноги вокруг его бедер. Моя голова запрокинута, ладонями он обхватывает мои щеки и пальцами нежно гладит кожу под моими глазами. Языком Пьер легонько скользит по контуру моих губ — он просит разрешения.

— Все правильно, отпусти, позволь мне. Я не причиню тебе вреда, — бормочет он напротив моих губ.

Ощущая новые подступающие слезы, я борюсь с ними. Стараюсь не допустить прорыва плотины, стараюсь не сломаться и не разрыдаться.

— Я никогда не обижу Эмму, — говорит он и снова прижимает свои теплые губы к моим.

Во мне так много разных эмоций. Если я откроюсь, то стану уязвимой для боли. Могу стать сломленной и одинокой. *А что, если?* Что, если однажды он уйдет на работу и никогда не вернется снова? Что, если у нас будет ребенок, и я останусь с двумя детьми, о которых нужно будет заботиться и которые никогда больше не увидят своих отцов? Мое сердце защищено. Я выстроила эти стены так высоко, что даже не вижу вершины.

— Поговори со мной, откройся мне, — шепчет он снова. Ладонями Пьер скользит по моему лицу, по шее, касается плеч. Медленно опускает руки к нижней части моей спины, где поднимает мою футболку и собственнически прижимает ладони к разгоряченной коже моей поясницы. — Впусти меня, — повторяет он, оставляя легкие поцелуи на моей шее. — Пожалуйста, Холли, дай нам шанс.

Его мольба разрывает меня на части.

— Как ты можешь быть таким уверенным? — слова сдавленно вылетают из моего рта.

— Потому что я знаю, что хочу тебя. И еще я знаю, что буду любить Эмму как свою собственную дочь.

Он отстраняется и наблюдает за мной. Ждет моей реакции. Но я не знаю, что и думать об этом.

— Мы были вместе едва ли минуту. Как ты уже можешь говорить такое?

— Потому что я знаю свое сердце.

Пьер снова смотрит в мои глаза, но я не могу смотреть на него.

— Это слишком быстро.

— Я согласен.

Наши взгляды встречаются, и теперь моя очередь задаваться вопросом, что, черт возьми, происходит.

— Почему ты непреклонен в достижении этого?

— Потому что, — он делает паузу и губами касается моих. То, как он целует меня так целомудренно и осторожно, я чувствую, что он нуждается во мне. — Я мечтал о тебе, даже когда еще не встретил тебя. Пришло наше время исцелить друг друга. Мы не должны спешить. У нас есть время узнать друг друга, научиться быть парой и семьей.

— В этом и проблема, у нас есть только мгновение.

И это поражает меня с такой силой, что мое тело начинает трясти. Слезы текут по моему лицу, по моим щекам. И я, наконец, понимаю: мои стены начинают рушиться, крошиться у моих ног.

Пока слезы текут, а тело разрушается, Пьер становится моей опорой. Он превращается в мужчину, в котором я нуждаюсь. Он позволяет мне провалиться в мой страх, готовый поймать меня и вернуть обратно к жизни.

— Я не дам тебе упасть, — говорит он, обнимая меня крепче. — Ты все, что мне нужно, и я хочу быть всем для тебя. Я никогда не оттолкну тебя. Доверься мне.

Чувствую, что мои слезы пропитывают футболку Пьера, но он не отодвигается от меня. Вместо этого сокращает любое пространство между нами и обнимает меня крепче.

Проходит время. Вокруг тихо, но это ощущается так правильно. Мы как единое целое. Мы принадлежим друг другу.

Когда мое дыхание успокаивается, а слезы прекращаются, я слышу шорох из гостиной. Пьер вытирает влагу с моего лица.

— Я хочу, чтобы ты приехала сюда на ужин во вторник вечером. Сможешь? — спрашивает Пьер приглушенным голосом.

— Должно получиться. Сперва мне нужно договориться с Бронвин, но я дам тебе знать.

— Пожалуйста. — Он целует меня. — Постарайся. — И еще раз целует.

— Мамочка, ты в порядке? — спрашивает Эмма, стоя у входа в кухню.

Пьер отступает и возвращается к кофемашине. Когда я развозжу руки, Эмма идет в мои объятия, и я целую ее в макушку.

— Я в порядке, малышка.

— Я устала, — ворчит она.

— Знаю. Скоро мы вернемся домой, и ты сможешь принять ванну, поужинать и запрыгнуть в постель.

— Я собираюсь готовить лазанью на ужин. Мой собственный рецепт. И мне бы действительно понадобилась кое-какая помощь, — говорит Пьер не кому-то конкретно, хотя я уверена, он хочет, чтобы Эмма радостно спросила, сможем ли мы остаться.

Как по команде Эмма возвращается к жизни. Все признаки усталости быстро улетучиваются при мысли о помощи Пьеру.

— Мы можем? Я хочу помочь Пьеру. Мы можем остаться, мама? Можем? — она визжит с широкой улыбкой на лице.

— Но не слишком надолго, потому что вы, мисс, устали.

— Не сейчас.

— Давай, *ma petite*, мы будем делать томатный соус, основу любой хорошей лазаньи. Ты знаешь, что нам нужно сделать в первую очередь?

Эмма качает головой.

— Сначала мы должны вымыть наши руки, — дерзко говорит он.

Я сижу и наблюдаю за своей дочерью и Пьером. Они легко и синхронно вместе работают на кухне. Он показывает ей, что делать, и она следует его указаниям.

Наступает момент, когда время останавливается. Секунда, где Эмма мешает томатный соус, а Пьер поглаживает ее по волосам, потом наклоняется и целует в макушку, а затем поворачивается, чтобы достать все остальные ингредиенты из холодильника.

Я не знаю, замечает ли он то, что делает. Я даже не уверена в том, что он знает, что я наблюдаю за ними. Но в этот момент Эмма и Пьер улыбаются друг другу. Золотое сияние счастья парит вокруг них. Мгновение неги и чистой, невинной любви, которое, как правило, бывает между родителем и ребенком.

Мое сердцебиение ускоряется, потому что Пьер принял Эмму как свою собственную. В этот один прекрасный день он нашел свою семью.

Глава 23

Холли

— Ты в порядке? — спрашивает Бронвин, а затем садится и начинает попивать свой кофе.

— Да, думаю, я просто нервничаю.

— Не хочу показаться высокомерной старой каргой, но ты же знаешь, что не должна ничего делать, если этого не хочешь.

Я беру свою чашку и делаю глоток обжигающего карамельного латте.

— Знаю, и еще я знаю, что ты это говоришь, потому что заботишься обо мне и Эмме.

— Я люблю вас обеих. Вы моя кровь. — Она делает еще один глоток кофе. — И если ты беспокоишься об Эмме, то с ней все будет в порядке. После вашей поездки в парк она только и говорит: «А Пьер это, а Пьер то». Думаю, он произвел на нее неизгладимое впечатление. Она даже начала говорить *«oui»* вместо «да». — Она качает головой и улыбается.

— Когда мы уходили от него, первое, о чем она спросила меня после того, как мы сели в машину, это когда мы вернемся к нему снова, потому что он пообещал научить ее готовить пиццу с самого начала.

Бронвин усмехается, но вскоре атмосфера меняется, и, думаю, она хочет что-то сказать мне. Она допивает кофе, встает и идет к раковине, ополаскивает свою чашку и оставляет ее там.

— Это нормально хотеть большего, Холли.

Я избегаю ее взгляда и помешиваю остатки кофе в кружке. Я просто киваю, не желая полагаться на свой голос, боясь, что он будет дрожать.

— Я люблю Стефана, и знаю, что он бы хотел, чтобы ты была счастлива. То, что у вас с Пьером, — не исчезнет. Это сильная связь, которую я вижу в тебе и Эмме.

Я проглатываю ком в горле, но все равно ничего не говорю. Просто киваю.

Воздух на кухне вновь меняется, когда Бронвин подходит и обнимает меня.

— Я горжусь тобой. Ты хороший человек и хорошая мама. — Она целует меня в макушку и начинает уходить из кухни. — Ой, пока не забыла, у меня свидание в следующий вторник, поэтому я не смогу присмотреть за Эммой, если ты захочешь провести время наедине с Пьером.

— У тебя свидание? — нетерпеливо спрашиваю я, одновременно встаю и следую за ней.

Бронвин останавливается и поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня через плечо, затем приподнимает брови и говорит:

— *Oui*, свидание, — она смеется и идет в свою комнату.

Отлично, теперь даже Бронвин говорит *«oui»*.

Я забираю Эмму из школы, и мы проводим целый час в библиотеке, пока она читает мне детские книги местного автора. Ей так понравилось, что она захотела взять следующую книгу из серии.

Когда мы возвращаемся домой, я говорю ей, что собираюсь к Пьеру на ужин, и она бежит в свою комнату, чтобы переодеться в платье.

— Я хочу убедиться, что буду выглядеть очень красивой, мамочка.

Она была невероятно разочарована, узнав, что не идет, но я пообещала, что назначу ей свидание с Пьером, чтобы они смогли приготовить пиццу вместе.

Сейчас я еду к его дому, и, кажется, все бабочки в мире решили потрепыхаться в моем животе.

Я жду, что сегодня вечером после ужина у нас с Пьером будет секс. Прошло уже больше месяца, но ничего, кроме нескольких жарких поцелуев и объятий, не было.

Если судить по тому, что я чувствовала у него под одеждой, меня ждет нечто невероятное, и я чертовски взволнована предстоящим открытием.

Я подготовилась, купив пачку презервативов, и надеюсь, что мои ожидания будут оправданы. Прошло полтора года с момента моей последней близости, и хотя мне нравится мой парень на батарейках, я не могу обниматься с ним или целовать его, или чувствовать его руку, пока она нежно скользит сверху вниз по моей спине.

Припарковавшись у дома Пьера, я проверяю макияж в зеркале заднего вида, чтобы убедиться, что тушь не смазалась и не сделала меня похожей на панду, и что блеск все еще на моих губах, а не на зубах.

Прежде чем я успеваю даже осознать это, Пьер уже стоит у моей машины и держит дверь открытой.

— *Mon cheri*, ты выглядишь просто восхитительно, — говорит он, наклоняясь и отстегивая мой ремень, а затем протягивает руку, чтобы помочь мне выйти из машины.

Его волосы мокрые, скорее всего из-за недавнего душа, и он одет в черные джинсы и зеленую футболку. Зеленый цвет подчеркивает его серые глаза.

— Ты тоже очень хорошо выглядишь, Пьер. — говорю я, принимая его руку.

Я тянусь, чтобы поцеловать его, но он поворачивается, подставляя мне свою щеку.

— Без поцелуев? — спрашиваю я, посылая ему свой самый сексуальный взгляд.

— *Oui*, они будут, но не прямо сейчас.

Черт. Как долго он собирается заставлять меня ждать?

— Хорошо. Я могу играть в эту игру, — нахально говорю я.

— Посмотрим. Где твоя сумка? — он смотрит на заднее сиденье, но там ничего нет. — Ты ее не брала?

— *Oui*, она есть, но думаю, я оставлю ее там, где она сейчас и лежит, — я нагло дразню его.

— Невыносимая женщина, — бормочет Пьер, подойдя к багажнику машины и ожидая, пока я открою его. Хотя он улыбается, потому что знает, что все это шутки ради.

Он берет мою сумку в одну руку, затем переплетает наши пальцы и молча ведет меня внутрь.

Как только мы оказываемся внутри, он закрывает за нами дверь, опускается на колени передо мной и кладет мои руки на свои плечи.

— Обопрись на меня, — говорит он, проведя ладонью по моей икре, а затем осторожно приподнимает ногу, чтобы снять туфлю.

Пьер аккуратно ставит мою ногу на пол и нежно проводит ладонью по второй ноге, начиная с верхней части бедра. Он останавливается у колена, мягко массирует, а затем продолжает свое путешествие по моей ноге, чтобы снять вторую туфлю.

Он ставит мою обувь возле своей у входной двери, потом поворачивается и целует каждое бедро. Черт возьми, ни один мужчина ни разу не делал со мной такого. Никогда.

Пьер встает, рукой обнимает меня за плечи и наклоняется, чтобы ласково и сладко поцеловать в лоб.

— Проходи, сегодня я буду поклоняться тебе.

Боже мой, невозможно не упасть в обморок от его слов, его глубокого чувственного голоса и акцента.

Он ведет меня мимо кухни и открывает дверь. Комната темная, единственное освещение исходит от двух небольших мерцающих свечей. В ванной комнате тепло, и манящий запах ягод наполняет воздух. Я делаю глубокий вдох, закрываю глаза и наслаждаюсь ароматом. Он напоминает мне домашний ягодный джем — густой и ароматный запах ягод исходит от аппетитного, сладкого пузырящегося сока.

Пьер заводит меня в ванную, и когда я открываю глаза и делаю шаг внутрь, первое, что замечаю, это огромная старомодная ванна на ножках, как из черно-белых фильмов.

Подголовник в ней высокий, поэтому можно опереться на него и расслабиться. И она достаточно глубокая, чтобы погрузить все тело. Кран открыт, и теплая вода уже примерно наполовину заполнила ванную. Из-за того, что Пьер добавил что-то, вода стала молочно-белой.

— Проходи, это для тебя, — говорит он, отпускает мою руку и тянется к краю моей рубашки. — Можно я? — спрашивает он, ожидая моего разрешения снять с меня одежду.

Удерживая его голодный взгляд, я киваю один раз и чувствую, как мои плечи расслабляются. Пьер снимает с меня рубашку, аккуратно складывает ее и кладет на стул, который стоит в углу огромной ванной комнаты. Снова возвращается свой пристальный взгляд ко мне, сперва задерживается на моем темно-фиолетовом бюстгальтере, а затем переводит взгляд на мой живот и верхний край моих джинсов.

Теплыми руками он сжимает мои бедра и прижимается ко мне. Скользит носом по моим волосам и глубоко вдыхает, не говоря ни слова.

Затем Пьер ласково водит рукой по моим ребрам, лениво выводя фигуры по моей разгоряченной коже. Я думала, что он двинется к лифчику, чтобы снять его, но он не делает этого. Он проводит своими талантливыми пальцами по краю моих джинсов и шепчет:

— Можно я? — и опять ожидает моего ответа.

И я снова киваю один раз. Я потеряла дар речи. Он соблазняет и богоугодит меня, все наше совместное время уделяет только мне.

Он расстегивает первую пуговицу, и я глубоко вздыхаю. Слегка тянет молнию вниз, и я чувствую, как мое сердце бешено бьется в груди. Он наклоняется и спускает мои джинсы к лодыжкам, и я хватаюсь за его волосы, сжимаю их в руках, притягивая его к себе.

Пьер приподнимает каждую мою ногу по очереди и снимает джинсы. Поднявшись, он складывает их и кладет поверх моей рубашки.

Когда он снова поворачивается ко мне, голод в его глазах становится обжигающим. Пламя неподвластно контролю, и, могу сказать, он сдерживается из последних сил.

— Я раздену тебя и позабочусь о тебе, — говорит он. Его французский акцент усилился, а в голосе слышится порочность.

— Хорошо, — шепчу я, мое тело реагирует на его слова, но разум затуманен.

Пьер становится позади меня, только кончиками пальцев соприкасается с моей кожей, когда расстегивает мой лифчик и позволяет тому упасть. Я хочу спрятаться и прикрыться, но он заставляет меня чувствовать себя желанной и драгоценной. Знаю, это глупый рефлекс. Я не должна стыдиться своего тела. Я могу быть мягкой в некоторых местах и немного округлой сбоку, но я на сто процентов женщина. И на сто десять процентов настоящая. Вот такая я. Если для него это проблема, то мне лучше знать об этом сейчас.

— *Magnifique*, — стонет он. Я не слышала, как он встал передо мной, и даже не заметила, когда он упал на колени передо мной. Я дрожу от возбуждения и волнения.

Большими пальцами Пьер поддевает мои трусики по бокам и улыбается, глядя на меня. Он спускает мои трусики вниз по ногам, но ни на секунду не отводит взгляда. Я наблюдаю, как его грудь быстро поднимается, рот приоткрыт, и он отчаянно пытается наполнить легкие воздухом. Его неоспоримое вожделение ко мне очевидно. Одни только его глаза могут съесть меня, а огненно-горячие пальцы оставляют мурашки по всему моему телу.

Воздух пропитан диким, ненасытным желанием. Обжигающий взгляд Пьера, наконец, покидает мои глаза, и он прослеживает путь вниз по моему телу, словно лазер, прожигающий мою кожу.

— Я люблю ухоженных женщин, — говорит он, наклоняется и скользит носом по моему лобку.

Моя грудь сжимается от предвкушения, и тот факт, что он даже еще не прикоснулся ко мне, заводит еще больше.

— Поцелуй меня, — шепчу я, хватаясь за его волосы и притягивая его голову, чтобы облизать его губы.

— *Non*, я не могу это сделать, — его голос звучит натянуто, будто он страдает от боли.

— Пьер, пожалуйста, не заставляй меня ждать, — я бесстыдно прошу. Он нужен мне. Я хочу его.

— Принимай ванну, Холли, — командует он, затем встает и протягивает руку, чтобы помочь мне забраться в нее.

Мой мозг просто плавится от того, как интимно и чувственно Пьер ухаживает за мной. Я беру его за руку и залезаю в ванну, сажусь настолько изящно, насколько это возможно, и прислоняюсь к спинке, чтобы просто расслабиться.

Пьер опускает руки в воду и начинает водить куском мыла по моему телу. Начинает с моих ног, и вода с тихим всплеском ударяется о ванну. Гортанный стон срывается с его губ, пока он фокусируется на каждой части моего тела, которую моет. Когда он приближается к моей киске, его челюсть напрягается, а дыхание становится рваным.

Я раздвигаю ноги и позволяю ему помыть меня. Он легонько проводит мылом по моей киске, затем пальцем слегка касается меня, быстро скользит им внутрь меня и затем убирает руку.

— О-о-ох, — я делаю вдох, ощущая его присутствие внутри себя не более нескольких секунд. Мои глаза закрываются, и я подталкиваю свои бедра к его руке, надеясь, что он сделает это снова.

— Тебе понравилось это, не так ли? — спрашивает он, пока пальцем снова проникает в меня.

— Безумно, — я издаю стон, придвигаясь к его руке.

— Ты нравишься мне мокрой.

О, Боже.

— Больше, пожалуйста, Пьер.

— Может, мне сделать так? — он добавляет второй палец, и я чувствую его большой палец на моем клиторе.

— О боже, да, продолжай.

Он вынимает из меня свои пальцы, и я хныкаю от ощущения пустоты. Горло сжимается, и я пытаюсь отдохнуть.

С мылом в руках, он продолжает свое путешествие дальше, к моей груди, где он намыливает ее, уделяя особое внимание соскам: зажимает и крутит их между пальцами, массирует грудь.

— Это слишком, ты нужен мне внутри, — Боже, я говорю, как возбужденный подросток. И мне плевать.

— Еще не время, *ton chéri*. Я слишком многое запланировал на сегодня. Я хочу, чтобы ты сжималась вокруг меня, когда будешь кончать. Шептала мое имя, пока я буду разрушать тебя на миллион частей, а потом поцелуем я соединю все эти части воедино.

Я пытаюсь сглотнуть, но в горле пересохло.

Хнычу от страстного желания и с нетерпением жажду большего: его во мне, на мне. Просто большего.

— Мне нужно закончить с ужином. Не торопись. Когда закончишь, полотенце вот здесь, — говорит он и указывает на сушилку для полотенец. — Это все, что я хочу, чтобы ты надела. — Он встает и дарит мне поцелуй в губы, не углубляя его, а простой нежный и невинный. — И чтобы убедиться, что ты послушала меня, я заберу твою одежду. — Он сгребает ее, нахально улыбается и уходит.

Пока я лежу в ванне, то не могу удержаться и не начать представлять, как все продолжится дальше. Он был невероятно внимателен и нежен. Могу только представить, что еще он запланировал для меня, и задаваться вопросом, как его язык или член будет ощущаться внутри меня. Пальцами я начинаю ласкать кожу на животе и, закрыв глаза, наслаждаюсь мыслями о том, что ожидает меня впереди. Как он возьмет меня, нагнет и войдет в меня.

— Не прикасайся к себе, — говорит он, пугая и шокируя меня. Я не слышала, как открылась дверь или как он вошел в ванную.

Чувствую, что моя кожа горит от стыда, когда я пытаюсь отвернуться.

— П-прости, — заикаюсь я.

— *Non*, тебе не должно быть стыдно. Я действительно наслаждался этим зреющим. И я с нетерпением жду того момента, когда ты будешь ласкать себя. Надеюсь, что это произойдет однажды, но прямо сейчас это *моя* работа — доставлять тебе удовольствие.

— Ладно.

Что еще я могу сказать?

— Я скоро позову тебя на ужин. Уже почти все готово. Пожалуйста, наслаждайся ванной, но не трахай себя пальцами, — говорит он, закрывает дверь и уходит.

И я так близка к взрыву, что не знаю, как переживу этот день.

Глава 24

Пьер

Merde!

Я смотрю на свои руки и вижу, что костяшки моих пальцев побелели из-за того, как сильно я вцепился в кухонный островок.

Повернув голову, я смотрю через плечо на дверь ванной. Требуются все мои силы, чтобы не ворваться туда, не схватить ее за волосы и не начать насаживать на свой твердый как камень член. Перед ее приходом я подрошил в душе, потому что не хотел ходить с постоянным стояком, но все впустую. В тот момент, как я увидел идеальный треугольник безупречно подстриженных волосков на ее киске, то почти обезумел.

Ее тело превосходно, а изгибы великолепны. Не могу дождаться того момента, когда проведу губами по мягкости ее бедер, раздвину ее ножки и погружу свой голодный язык в ее влажную, жаркую киску. Хочу, чтобы ее пальцы снова запутались в моих волосах, и она забылась, объезжая мое лицо, чтобы я смог отведать вкус ее возбуждения.

Возьми себя в руки, Пьер. Успокойся.

Мне нужно отвлечься, чтобы не слететь с катушек.

Выпрямившись, я цепляюсь за тоненькую ниточку контроля, которая у меня осталась. Но образы ее, ласкающей себя, и ее тихие стоны едва ли помогают моему контролю. И, честно говоря, я не хочу стирать эти образы из своей головы. Хочу запомнить их и сохранить на то время, когда ее не будет со мной.

Достаю из холодильника сальсу из помидоров, манго и огурца и куриные наггетсы, которые подготовил заранее. Разрезаю курицу на маленькие кусочки, проверяю десерт и улыбаюсь. Это будет самый лучший десерт, который я когда-либо ел.

Иду обратно в ванную, но прежде чем открыть дверь, медленно считаю до десяти, чтобы убедиться, что держу себя в руках, и мое тело не будет пренебрегать моими планами на вечер.

Из-за того, что не постучал, я одарен самым шикарным зрелищем за последнее время.

Холли расслабилась в ванной: одна нога свисает за бортик, глаза закрыты, руки лежат по бокам ванны, и она улыбается. Она еще не услышала, что я вошел, поэтому в эти ценные минуты я наслаждаюсь ей.

Ее ноги отлично подтянуты, грудь соблазнительной формы и довольно большая. Но я мужчина и ни в коем случае не жалуюсь на размер женской груди или попки. Мне нравится, что у нее гибкие ноги, потому что я с нетерпением жду того момента, когда нагну ее над кухонным островком с ногой, закинутой на барный стул, и буду входить в нее сзади. И я буду наслаждаться стонами, которые, надеюсь, она будет издавать от удовольствия.

— Пьер, — говорит она, и я слышу всплеск воды от того, что она закидывает ногу обратно в ванную.

— *Excusez-moi*, я любовался великолепной женщиной, которая расположилась в моей ванне. Однако, ужин готов, поэтому, пожалуйста, присоединяйся ко мне, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы выйти.

— Пьер, — она зовет меня. Я останавливаюсь, но, черт возьми, у меня практически не осталось сил. Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, ибо знаю, что потеряю ту малую толику сдержанности над своим желанием.

— *Oui.*

— Что же мне надеть?

— Полотенце, — усмехаюсь я, потому что она понятия не имеет, что я подготовил для нее.

— Серьезно, что мне надеть? — она бросает мне вызов. Всегда пытается одержать верх.

— Я серьезно.

Я выхожу прежде, чем трахну ее в ванной.

Возвращаясь на кухню, я выклады whole еду на большое белое блюдо. Иду в гостиную, беру небольшую подушку и несу ее в столовую, потом возвращаюсь на кухню, чтобы захватить тарелку с едой.

— Пьер, я просто не могу ходить во влажном полотенце всю ночь.

Повернувшись, я вижу Холли в красном пушистом полотенце. Его цвет в сочетании с ее разгоряченной кожей выглядит безупречно. Она излучает счастье.

— *Oui*, ты права. Пожалуйста, проходи в столовую.

Она следует за мной, и я слышу, что она что-то бормочет, пока идет.

— Хочешь, чтобы я помогла тебе накрыть на стол?

— *Oui*. Подожди одну минутку.

Я ставлю тарелки, достаю из кармана шелковую повязку и подхожу к ней.

— Что ты делаешь? — с опаской спрашивает она. Ее глаза полны сомнений, а дыхание сбивается.

— Собираюсь есть еду, которую готовил весь день, — заявляю я. Холли смотрит на меня своими шоколадно-карими глазами и тревожно улыбается. — Доверься мне, — добавляю я шепотом.

Я провожу гладкой тканью по ее плечу и позволяю ей заскользить вокруг ее шеи. Когда ее тело расслабляется, она закрывает глаза и делает глубокий вдох.

— Это всего лишь ткань. — Я покусываю ее ушко, окончательно успокаивая.

Я легонько касаюсь края полотенца и слышу, как Холли с трудом сглатывает, и тихий стон удовольствия слетает с ее чувственных губ.

— Все нормально? — спрашиваю я, поднимая повязку и завязывая ее.

— Да, — хрипло отвечает она.

— Ты должна доверять мне. Я лишь хочу накормить твоё тело, облегчить душу и заставить твою киску сжиматься от восторга.

— О боже...

Медленно я обхватываю ее лицо ладонями и оставляю поцелуй на ее губах.

— М-м-м, — стонет она. Этот сексуальный звук посылает импульс моему члену. Он твердый, и я хочу ее.

Используя только кончики пальцев, я слегка провожу ими по ее плечам и ключице.

— Доверься мне, — я не спрашиваю, я командую.

— Да, — отвечает она и облизывает нижнюю губу.

Я беру край полотенца и стягиваю его с ее тела.

— О, Господи, — она снова вскрикивает и сжимает ноги, пытаясь спрятаться от меня.

Взяв ее за руку, я делаю вместе с ней несколько шагов к обеденному столу.

— Присаживайся, — говорю я, осторожно подталкивая ее попку к краю стола.

— Разве это стул?

— Перестань разговаривать, Холли. Просто слушай мой голос и делай, что я говорю.

— Пьер.

— Ш-ш-ш, *mon chéri*, я позабочусь о тебе. — Она снова с трудом сглатывает. — Я подниму твои ноги. Немного подайся своей попкой назад, чтобы не упасть со стола. Я не позволю тебе упасть, просто слушай меня.

Я поднимаю ее ноги и чувствую, как напряжено ее тело. Она руками хватается за мои плечи и ногтями вливается в меня.

Если бы она только знала, какой эффект эта боль от ее ногтей оказывает на мой член.

— Ложись на спину. Я буду главным, — говорю я, как только ее ноги оказываются на столе. Беру небольшую подушку и кладу ее Холли под голову.

— Что происходит? — спрашивает она и нервно дышит.

— Я думал, что это очевидно.

Делаю шаг назад и смотрю на ее тело, сквозь которое, кажется, проходят все возможные эмоции. Холли отчаянно пытается сделать вдох, одна нога согнута в колене, а

рукой она мертвой хваткой вцепилась в край стола. Подойдя ближе, я наклоняюсь и провожу языком от ее колена до бедра, где останавливаюсь и прикусываю ее кожу.

— О-о-ох.

Она протягивает руки, чтобы попытаться дотронуться до меня, но я удерживаю ее руки по бокам от нее и избегаю ее прикосновений, пока продолжаю облизывать ее пупок. Сперва погружаю язык внутрь его, а затем описываю им круг. Снова она пытается ухватиться за мои волосы, но я отклоняюсь и продолжаю прокладывать себе путь к ее соскам.

Ударяю языком по левому, поднимаю голову и дую на него. Это самое сексуальное — наблюдать, как ее сосок твердеет всего лишь от воздуха.

— Пьер, — задыхаясь, стонет она.

— Тс-с-с, я позабочусь о тебе.

Двигаюсь к ее правому соску, беру его в рот и игриво прикусываю. Сжимаю его между зубами, и она выгибает спину, толкая свою фантастическую грудь в мой рот.

— О-о-ох, — она задыхается.

— Я голоден. Надеюсь, что и ты тоже.

— Да, я голодна, — выпаливает она. Я усмехаюсь, потому что знаю: сейчас она говорит не о еде.

Я вытягиваю стул и сажусь, восхищаясь своим блюдом.

— Лежи тихо. — Беру немного сальсы и кладу его между ее грудями. — Открой, — командую я, касаясь ее подбородка.

Холли открывает рот, ее язык выглядывает, пока она ждет, чтобы съесть предложенную мною еду. Зачерпывая немного соуса, я кладу его на ее язык.

— Закрой. — Она подчиняется и начинает жевать, постанывая, издавая чертовские сексуальные звуки.

Когда заканчивает жевать, она открывает рот, желая еще.

— Вкусно? — спрашиваю я.

— Очень вкусно, — отвечает она, а потом хитро улыбается.

Чертовка! Она играет со мной. И мне это нравится.

Наклонившись, я облизываю ареолы ее сосков, и Холли задыхается. Продвигаясь дальше, я съедаю сальсу с ее груди, параллельно облизываю и покусываю ее кожу.

— О, *non*, так не пойдет. Сок манго на твоих ребрах. Что же мне делать? — я дразню ее, прекрасно зная, что буду пробовать каждый миллиметр ее кожи.

— М-м-м, — очередной стон срывается с ее губ. Мой член от желания уже побаливает в джинсах.

— Тихо, *ton amour*, — приказываю я, слизывая сладкий сок, который стекает по ее телу.

Холли закрывает рот и сжимает губы в тонкую линию, пока борется с желанием извиваться своим сексуальным телом на моем столе.

Схватив кусочек куриного наггетса, я провожу им по ее губам, и она открывает рот, терпеливо дожидаясь, когда же я покормлю ее.

— Хочешь попробовать? — Я кладу кончик кусочка курицы в рот. Она закрывает рот, но я успеваю убрать его до того, как она попробует вкус. — Хочешь, Холли? — мой голос становится ниже. Я хочу, чтобы она умоляла, упрашивала меня накормить ее.

— Да, хочу.

Я еще раз провожу по ее жаждущему рту кусочком наггетса.

— Открой, — говорю я, и она подчиняется.

Кладу свой большой палец в ее рот, и она прикусывает его зубами, затем кружит по нему языком, сосет и массирует своим ротиком. Я проталкиваю его дальше, и она хнычет, отчаянно желая большего.

— Пожалуйста, я хочу тебя, — умоляет она, выгибая спину, и цепляется за мою руку, словно хочет поглотить меня.

— Еще рано.

Но, Святой Боже, мне так трудно сдерживаться, чтобы не трахнуть эту сексуальную женщину, распластанную передо мной. Я так сильно хочу потеряться в ее влажных складках и трахать ее, пока она будет выкрикивать мое имя.

Убираю руку и кладу два кусочка курицы на ее живот. Они едва удерживаются на ее теле из-за того, как неистово оно вздымается.

Она скоро кончит, в этом нет никаких сомнений. Когда я, наконец, дотронусь до ее киски, ее тело взорвется.

— Открой. — Подношу наггет к ее губам и, когда она открывает ротик, награждаю ее куском.

Наклонившись, я посасываю ее животик и покусываю кожу. Холли запускает пальцы в мои волосы и сжимает их, и все это время я вожу языком по ее чувствительной коже. Делаю глубокий вдох и продолжаю свое путешествие вниз к сладострастному треугольнику волос.

— О-о-ох, — доносится тихое хныканье, и она приподнимает бедра ко мне. — Больше, мне нужно больше, Пьер. — Она усиливает хватку на моих волосах. Это дарит невероятные ощущения — то, что она хочет меня и наслаждается тем, что я делаю с ней.

— Я должен взять десерт. Не шевелись, ладно? — Я встаю, но жду ее ответа, прежде чем уйти на кухню. Но меня встречает молчание. — Ты поняла меня?

— Ага, — это все, что ей удается произнести.

Иду к холодильнику, достаю две миски и один маленький контейнер. Вид распластанной Холли просто великолепен.

— Я собираюсь подвинуть тебя. — Ставлю десерт и нежно передвигаю ее тело.

Теперь ее ноги свисают со стола. Она все еще отчаянно пытается сделать вдох, пока ее тело пытается подготовиться к неизвестному.

— Подними правую ногу, согни ее в колене и поставь на стол, — я делаю паузу, пока она выполняет приказ, а затем придвигаю ее ногу к краю стола. — Теперь, повтори то же самое с левой ногой.

Сидя на стуле перед ней, я встречаюсь с самым соблазнительным видом.

Ее прелестная розовая киска блестит. Она ширококрыта, и у меня великолепный вид на ее киску и попку. Пытаясь контролировать себя, я наклоняюсь и беру контейнер, одновременно касаясь губами внутренней стороны ее бедра. Тихий звук вырывается из нее, пока она пытается дотянуться до меня.

— *Non*, ты будешь держать свои руки при себе.

Я беру первую миску и вычерпываю густой заварной крем, а затем капаю им на вершину ее лобка.

— О боже, холодно, но ощущения такие приятные.

— Ш-ш-ш, просто чувствуй.

Я открываю небольшой контейнер и посыпаю заварной крем крошками печенья.

— Черт!

Улыбаюсь, потому что это первый раз, когда я слышу, чтобы Холли ругалась, но это звучит так сексуально.

Беру вторую миску и капаю сливочным белым сиропом.

— Что это?

— Я видел, как сильно тебе понравился мой лимонный пирог с меренгой, когда ты впервые попробовала его. И сейчас я захотел объединить его с моим самым любимым вкусом в мире — с тобой. — Я открываю ее розовую киску и облизываю центр. — Вкусная, — говорю я, продолжая лизать ее. Раздвигаю ее губки, и ее клитор уже набухший, ожидающий внимания моего рта. Сдвигаясь вверх, съедая немного лимонного крема, и толкаюсь одним пальцем в нее.

— Пьер, — стонет она. — Больше, пожалуйста, больше.

Я ввожу второй палец и перекрещиваю их, продолжая поглаживать стенки ее киски. Холли приподнимает бедра вверх, пытаясь заставить меня снова лизнуть ее клитор. И кто я такой, чтобы отказывать красивой женщине, которую поедаю на десерт?

Убрав пальцы, я целую ее нуждающуюся, жаждущую дырочку. Я съел десерт, и теперь настала ее очередь.

— Скажешь мне, нравится ли тебе.

Я встаю и целую ее. Не нежно. Ни в коем чертовом случае я не могу сделать это нежно. Мне нужно быть внутри нее, чувствовать ее, полностью посвятить себя ей.

— Мне нравится, — вздыхает она, и ее язык сплетается с моим. Она не из робкого десятка: Холли хочет этого так же, как и я.

Я резко отстраняюсь и возвращаю свое внимание к ее требовательной киске. Раздвинув складочки, я направляюсь прямо к ее клитору, посасываю его, провожу по нему языком.

— Больше. — Ей нравится то, что я делаю. Ее ноги напрягаются, и она придвигает бедра к моему рту. Ее возбуждение и сладкое, и соленое одновременно. — Больше, — Холли опять стонет, но я оставляю ее жаждущий клитор и начинаю трахать ее языком.

Я хватаю ее за бедра и развожу ее ноги еще шире, раскрывая еще больше. Трахая ее киску своим ртом, я чувствую, что скоро и сам взорвусь, а мне нужно это сделать внутри нее.

— Я... я... — она заикается и начинает сжимать мою голову ногами. Протягивает руку и пытается оттолкнуть меня, но я хочу доиста вылизать ее. Мне нужно, чтобы и она поглощала меня так же, как и я ее. Окатив меня своим возбуждением, она вращает бедрами, и я прижимаюсь к ней головой и не позволяю ей отодвинуться.

— Я... черт... я... — она не может сказать ничего другого.

Холли обхватывает ногами мою голову, и дрожь проходит сквозь нее, пока она выкрикивает:

— Пьер!

Это лучший звук в мире. Мое имя на ее губах, когда она кончает, пока я трахаю ее языком.

— Хватит, — она хнычет, ее тело расслабляется после кульминации. Мне нравится, когда женщина кончает на моем лице, и я продолжаю поедать ее. Как мужчина, умирающий от голода, я облизываю ее дырочку, поглощая все до последней капли. — Хватит, — слабо повторяет она.

Я встаю и вытираю рот рукой, но мы еще не закончили. Быстро снимаю с себя одежду и тянусь за презервативом в кармане. Мой член уже готов — прозрачная капля моего желания выступила на головке.

Схватив Холли за бедра, я придвигаю ее к краю стола и медленно вхожу в нее.

— Боже мой, — она хнычет, ее киска сжимается.

— *Oui*, вот так.

Я наклоняюсь и целую ее. Она может почувствовать свой вкус на мне, но, кажется, не возражает. Холли хватает меня за волосы и теснее прижимается к моему рту. Дразнящие, эротические звуки, которые она издает — мощнейший афродизиак. Мне нравятся эти ее первобытные движения. Ее бедра двигаются вместе с моими, а голод такой же неутолимый, как и мой.

Я направляю руку прямо к ее клитору.

— О, да, пожалуйста. Мне нужно кончить снова, — она хнычет, а затем возвращается к чувственному, голодному поцелую.

Чувствую, как сжимаются мои яйца, сердце колотится в груди, а мурashki бегут вверх по позвоночнику. Разрываю поцелуй, закрываю глаза и наслаждаюсь горячей влажностью ее киски, сжимающей меня.

— Пьер, — шепчет она, и я открываю глаза. Она уже успела снять повязку с глаз и смотрит на меня обжигающим взглядом, которого я не видел уже долгое время. — Стоп, — говорит она и тянет меня вниз, чтобы поцеловать.

Без колебаний я выхожу из нее.

— Ты в порядке? Я сделал тебе больно? Стол был слишком твердым?

— Ничего подобного. Садись, — говорит она, поднимаясь.

Я сижу на стуле, и она забирается на меня сверху. Берет мой член в руку и направляет его в себя.

— Я хочу, чтобы мы были ближе. Хочу, чтобы мы видели друг друга, — шепчет она, затем наклоняется и целует меня.

И внезапно вместо горячего, чувственного секса это становится чем-то другим.

Холли не отводит от меня взгляда, медленно двигает бедрами по кругу, и я начинаю чувствовать все намного сильнее.

Чувственнее, жарче. Она занимается со мной любовью.

Ощущения изменились. Дикие, лихорадочные движения, что были несколько минут назад, стали чем-то... большим.

— Холли, — удается мне сказать, а затем я откидываю голову назад.

— Посмотри на меня. Смотри на меня.

— Я не знал, что это снова может быть таким. — Я хватаю ее за бедра и прижимаю к себе еще ближе.

Два переплетенных человека, изумительно потные, совершенно счастливые и гармоничные.

Я кончу с такой силой, что едва остаюсь в сознании. Ее крики удовольствия следуют всего через несколько секунд после моих.

Мы переплетены: держимся за руки, губами касаемся пылающей кожи друг друга. Знаю, она почувствовала эту перемену. Я чувствовал это в ее теле и видел в ее опасном, жарком взгляде.

— Холли, — я начинаю говорить, но не знаю, что сказать.

— Все хорошо, я понимаю. — Она целует меня в щеку, пока ладонями я скользжу по ее потному телу.

Тишина окутывает нас. Никто ничего не произносит, потому что ничего и не нужно говорить.

Холли прижимается своим лбом к моему и снова целует меня.

Она ощущается прекрасно на мне. Она подходит моему телу, а я ее. Мы были созданы друг для друга. Минуты проходят, и тишина окутывает нас до тех пор, пока Холли не набирается смелости, чтобы заговорить.

— Мне нужно в душ, я липкая, — говорит она и усмехается.

Я сильнее прижимаю ее к себе и оставляю дорожку поцелуев от шеи к плечу.

— Ты нравишься мне липкой. Но я предпочитаю тебя влажной.

Чувствую, как она улыбается и наклоняет голову, предоставляя мне лучший доступ.

— А еще я голодна, поскольку мне не удалось поужинать, — говорит она в шутку.

— А я сполна насладился своим десертом.

Я кусаю ее за плечо, не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы она качнула бедрами, и мой член снова затвердел.

— Время душа, — она медленно встает и на подрагивающих ногах идет в сторону ванной.

Опять же, кто я такой, чтобы отказывать красивой женщине? И я следую за ней.

Глава 25

Холли

— Сегодняшнее фирменное блюдо — хрустящие королевские креветки с медом и чесночным соусом на подушке из рисовой лапши, — говорит Пьер, пока Эрик вносит дегустационную тарелку для нас всех.

— До этого вы никогда не готовили ничего подобного, — замечает Джастина, когда видит тарелку.

— *Oui*, ты права. Не готовил, — только и отвечает он.

— Откуда креветки, шеф? — спрашиваю я.

Пьер поворачивается ко мне и улыбается. Я могу наблюдать, как нескончаемые развратные и пошлые мысли проносятся у него в голове. Он, наверное, захочет, чтобы в следующий раз я называла его шефом, когда он будет готовить для меня.

— Из Квинсленда. Рано утром я ходил на рыбный рынок, и у них были самые вкусные и сочные креветки, которые я когда-либо видел. Я не мог не приготовить второе самое совершенное блюдо, которое когда-либо касалось моего рта.

Я чувствую, как мое лицо пылает.

— Это восхитительно, Пьер. Думаю, это одно из лучших блюд, которое вы когда-либо готовили, — говорит Мэдди, пока пытается достать еще одну креветку.

— Да, я знаю. — Пьер расправляет плечи, и все остальные воспринимают этот жест как высокомерие. Но я думаю, что это гордость.

Когда тарелка чуть ли не вылизана, возвращается Эрик с еще одной тарелкой, накрытой серебряной крышкой.

— Я недавно уже готовил это в ресторане, но только сейчас обнаружил, насколько это феноменально. Безусловно, это самое насыщенное и самое вкусное блюдо, которое побывало у меня во рту за долгое время.

Он поднимает серебряную крышку, и я знаю, что он говорит не о лимонном пироге, который так невинно лежит на белой тарелке и дразнит меня.

Теперь не только мое лицо ощущается так, будто оно побывало на химическом пилинге, но и уши горят. Моя киска сжимается в приятном ожидании Пьера и его языка.

— Холли, ты будешь? — Пьер протягивает мне ложку, но дерзость за этой невинной улыбкой говорит мне, что он собирается подкалывать меня при каждом удобном случае.

Но будь он проклят, если думает, что сможет одержать победу в этом поединке.

— Не знаю, Пьер. Недавно я наслаждалась еще лучшей версией лимонного пирога. Он был немного соленым на вкус и смешан с лимонным творогом, и именно этот вкус я бы предпочла ощутить во рту.

— Вот черт, — бормочет Мэдди. — Они поубивают друг друга.

Пьер переводит взгляд на Мэдди, а затем снова возвращает внимание ко мне. Правый уголок его рта изгибается в улыбке, и он приподнимает бровь.

Перчатка брошена.

Вызов принят.

От этого сексуального подтекста мы можем сгореть до конца вечера.

— Правда, Холли? — переспрашивает он, выпрямляясь в полный рост.

— Я бы не хотела, чтобы этот вкус, — я делаю паузу и указываю на почти съеденный десерт, — заменил тот, который я уже пробовала.

— Если ты думаешь, что тот вариант лучше, то ты должна поделиться рецептом со мной, чтобы я смог приготовить его здесь.

Черт бы его побрал. Откуда он знает, что я не умею готовить и в половину так же хорошо, как он?

— Невозможно. Это рецепт моей бабушки.

Это ложь, поскольку моя тетя никогда не говорила о своей матери, моей бабушке.

— Хм-м, ну, тогда я буду пытаться воссоздать этот изысканный вкус, о котором ты говоришь. Я бы тоже хотел попробовать нечто подобное. — Он еще раз ухмыляется: дерзко и невероятно сексуально.

Кто-то включил отопление?

В горле, кажется, слегка пересохло, и я клянусь, что каждая пара глаз в комнате направлена на меня и мое огненно-красное лицо.

— Не уверена, что ты настолько хороши, — я слегка пожимаю плечами и отворачиваюсь, прежде чем внезапно воспламениться из-за этой сумасшедшей жары.

— Вот же черт, — Мэдди шепчет Джастине, которая сидит возле нее. Та кивает в знак согласия.

Пьер выглядит самодовольным, эгоистичным и самоуверенным.

— Возможно, здесь не хватает ингредиента. Какой, говоришь, солоноватый продукт я забыл? Я обращаю больше внимания на творог, когда буду готовить его в следующий раз, и попытаюсь повторить вкус. Сладкий, но в то же время соленый десерт, который должен сочетать правильное количество вкусов, чтобы заставить нас жаждать его снова и снова.

Я смотрю на Пьера. Я задыхаюсь и отчаянно желаю, чтобы он провел своим языком по любой части моего тела.

Он поворачивается и уходит, а я остаюсь в тумане гормонов, угрожающих уничтожить мой мозг.

О боже мой! Что со мной происходит?

— Холли? — говорит Мэдди, вырывая меня из моих соблазнительных воспоминаний о вечере вторника. О том, как он прикасался ко мне, как впивался в меня пальцами, пока толкался своим языком внутрь меня. — Холли? — повторяет она, определенно возвращая меня в комнату для персонала.

— Да, — отвечаю я, хотя мой голос охрип, потому что я чертовски сильно возбуждена.

— Что это было?

— Я не знаю, — я отвечаю слишком быстро.

— У него слабость к тебе, — добавляет Джастина, когда мы встаем и покидаем теперь уже невероятно горячую и душную комнату.

— Сомневаюсь, — усмехаюсь я. Их не касается, что происходит между мной и Пьером.

— Знаешь, он очень сильно изменился с тех пор, как ты устроилась сюда, — говорит Джастина, локтем толкая Мэдди, которая немного ниже нее. Они кивают головой, приподняв брови и явно ожидая от меня ответа.

— Это не мое дело, чем он там занимается.

— Когда-то давным-давно он был мастером на кухне. После того как Ева умерла, он стал эгоцентричным монстром. Но в последнее время... — Мэдди замолкает и качает головой. — В последнее время он нашел ту искру, что когда-то потерял. Его блюда стали более креативными, и он все больше отдается работе. Он как будто снова начал жить.

Я слушаю, что эти сплетницы рассказывают, но сама ничего не говорю, чтобы не давать им ни малейшего представления о наших с Пьером отношениях вне ресторана.

Но я уверена: то, как он наблюдает за мной, как хватает и целует меня, когда мы наедине, мои припухшие губы рано или поздно выдадут нас. Однажды каждый будет знать, что происходит между нами. Но пока это никого не касается.

Как начинается смена, так же начинается ресторанная прелюдия.

Я иду к раздаточному столу, чтобы убедиться, что тарелки уносятся вовремя, а Пьер уже ждет меня, улыбаясь и подмигивая.

Когда я ухожу, то чувствую его взгляд на своей заднице. И когда обворачиваюсь через плечо, он стоит на своей кухне, пожирая меня глазами.

Позже я иду на кухню и «случайно» роняю щипцы на пол. Конечно же, мне приходится наклониться, чтобы поднять их. И я слышу низкий стон Пьера.

Направляясь в уборную, Пьер проходит мимо меня и едва касается моей руки, нежно проводя пальцами по моей разгоряченной коже. И мое сердце громко стучит, предвкушая следующее тайное прикосновение.

Смена подходит к концу, и ресторан работает до последнего посетителя. Я захожу на кухню, а Пьер кричит на одного из своих поваров. Что-то по поводу стейка и того, что тот не был правильно приготовлен. Закончив, он поворачивается и видит меня.

— Холли, какой приятный сюрприз. Я как раз собирался выбросить мусор. Подыши со мной свежим воздухом, — говорит он, хватает ближайший мусорный пакет и связывает его концы в узел. Я замечаю, что в нем едва ли что-то есть, поэтому он, должно быть, использовал эту уловку, чтобы мы побывли наедине.

Когда мы выходим, Пьер пытается поцеловать меня.

— Нет, Пьер. Нам нужно поговорить о том, что происходит здесь, на работе.

— Ну, я с удовольствием наблюдаю за тобой, и мне очень нравится смотреть, как ты возбуждаешься.

— В том-то и дело. Пока мы не знаем, кто мы друг для друга, думаю, нам стоит оставаться профессионалами на работе.

Пьер качает головой, выкидывая мусор в огромный промышленный бак.

— *Non*, прости, но это меня не устраивает, — беспечно говорит он.

— Ну, это устраивает меня, — возражаю я, сложив руки на талии — чувствую надвигающийся спор.

— Я не могу не смотреть на то, как ты покачиваешь бедрами, улыбаешься другим и сводишь меня с ума от желания. Это невозможно, — его акцент усилился.

— Мы не можем вести себя как два подростка. Мы не знаем, что будет, когда мы станем парой. Что, если у нас не получится? Тогда все не будут деликатничать.

— Мне плевать на всех и что они там думают. Я хочу тебя, ты хочешь меня, — заявляет он, скрещивая руки на груди.

— Но нам нужно оставаться профессионалами.

— Я мужчина, ты женщина. В чем проблема?

— Проблема в том, что это ресторан, а не спальня или школьный двор.

— *Oui*, ты права, мы не на школьном дворе. Мне сорок один, Холли. Я любил и терял. Я уже сдавался и теперь начинаю жить заново. Я слишком стар, чтобы играть в игры. Я слишком упрям, чтобы быть терпеливым, и ты, конечно же, слишком привлекательна, чтобы я перестал смотреть на тебя так, будто хочу тебя каждую свободную минуту. Вот кто я. Я мужчина, который хочет тебя, а еще я желал только одну женщину за всю свою жизнь, и она больше не со мной. Я не буду профессионалом, я буду трахать тебя глазами и целовать тебя при любой возможности.

Мои колени подкашиваются, желудок скручивает, а мозг вдруг забывает все логические доводы.

Пьер делает хищный шаг ко мне, и я опускаю плечи, сдаваясь.

Он наклоняется и прижимается открытым ртом к моим губам. Мое тело даже не пытается сопротивляться.

Его язык овладевает моим, требуя подчинения. И я сдаюсь.

— Если я хочу целовать тебя, то буду делать это. Если я захочу в кабинете полакомиться твоей киской, то сделаю это. Если я захочу нагнуть и трахнуть тебя на кухне посреди смены, то я сделаю это. И мне плевать на то, кто и что скажет об этом.

Я не знаю, или это его прекрасный французский акцент, или то, как он произносит каждое слово, но я теряюсь в нем и в его страстности.

— Хм... — что еще я могу сказать? Он просто заявил, насколько сильно хочет меня, и мои чувства взаимны.

— Не хмыкай. Теперь, когда мы все прояснили, я буду делать что хочу и когда хочу, но когда дело доходит до Эммы, я буду крайне осторожен рядом с ней. И я хочу снова встретиться с ней. У нас пицце-свидание. — Пьер обнимает меня и целует в лоб. — В понедельник днем, сразу после школы, вы сможете приехать ко мне домой?

— У нее есть домашнее задание.

Я делаю глубокий вдох и улавливаю его аромат. Боже, он пахнет как свежий теплый хлеб прямо из горячей печи.

— Я помогу ей, а потом мы приготовим пиццу.

— Пьер, — я начинаю возражать только потому, что пытаюсь ограничить воздействие Эммы на Пьера. Я не хочу разбить ей сердце, если у нас ничего не выйдет. Но, судя по тому, что говорит Пьер, он даже не допускает такой возможности.

— Возможно, я и родился во Франции, но я знаю английский. Я помогу ей с домашним заданием, а потом мы приготовим пиццу, — повторяет он.

— Ты действительно думаешь, что это хорошая идея? — я не прошу его одобрения, я пытаюсь заставить его подумать логически.

— Ты должна перестать думать о нашем возможном конце и начать жить настоящим.

— Но что между нами?

— Мы познаем глубину наших чувств, и, надеюсь, я никогда не коснусь дна того, что чувствую к тебе. Я хочу погрузиться в чувства к тебе до последнего вздоха.

Он действительно это говорит?

— Пьер, — я качаю головой, не зная, как ответить. У меня пропал дар речи от его неотразимости.

— *Non*, тебе не нужно ничего говорить. Ты должна позволить мне доказать, что я буду надежным для тебя и для Эммы.

Я кладу голову на его грудь, и он целует меня в макушку и удерживает в своих крепких объятиях.

Он поразителен. Меня засасывает в его всепоглощающий омут.

И мне нравится это.

Глава 26

Пьер

Я как раз заканчиваю одеваться после душа, когда несколько раз звучит дверной звонок.

— Его здесь нет, мама. ПЬЕР! — в отчаянии зовет меня Эмма.

Я рад тому, что она жаждет меня видеть. Она хочет быть здесь. Это согревает мое сердце и заставляет меня улыбаться.

— Думаю, ты была права насчет них, *ton amour*, — я шепчу Еве, надеясь, что она видит мою улыбку и слышит энтузиазм в голосе Эммы.

— Это ты шумела тут, *ma petite*? — спрашиваю я, открывая дверь.

— *Oui*, я думала, тебя нет дома.

Я усмехаюсь тому, как Эмма произносит мое «да». Однажды она спросила меня, нужно ли мне сходить в туалет, когда услышала это слово, а теперь и сама частенько произносит его.

— Две прекрасные женщины не должны ждать снаружи. Пожалуйста, входите.

Я открываю дверь, и Эмма заскакивает внутрь. Она обхватывает меня за талию и очень крепко обнимает. Я наклоняюсь и целую ее в макушку. Малышка отпускает меня и шагает со своей школьной сумкой на кухню.

— Ты выглядишь очень аппетитно, — низким голосом говорю я Холли, на которой джинсовые шорты и фиолетовый топ. Ее длинные волосы убранны в хвост, а щеки зарумянились на солнце.

— Ты мокрый, — отвечает она, проводит руками по моим волосам и прижимается ко мне.

— Надеюсь, ты мокрее. — Я прижимаюсь губами к ее губам. Позволяю своему языку скользнуть в ее рот, но останавливаюсь, когда она тянет меня за волосы и притягивает ближе. — Я бы очень хотел продолжить, но сегодня речь не о тебе и не обо мне. Сегодня все для великолепной девочки на моей кухне.

Холли

Пьер целует меня в губы. Не глубоко или страстно, а нежно и целомудренно, очень заботливо. Затем поворачивается и зовет Эмму, оставляя меня.

— Эмма, где ты?

— Я здесь, Пьер. Можно что-нибудь покушать, пожалуйста? Я голодна.

Я тороплюсь к этому счастью на кухне.

— Конечно можно. Что бы ты хотела?

— Шоколад, — быстро говорит она, хотя и знает, что ей нельзя есть сладости сразу после школы.

— *Non*, так не пойдет. Я не дам тебе шоколад.

Как мне выжить, слушая постоянно этот восхитительный французский акцент?

— Шоколад, а не шоколяд, как ты сказал, — говорит Эмма, что выходит довольно грубо.

— Эмма, — строго говорю я, предупреждая ее следить за тем, что она говорит.

— Но так и есть, — ноет она, поворачивается и смотрит на меня.

— Так говорят французы, и ты была груба.

Лицо Эммы становится ярко-красным от смущения. Она опускает глаза и съеживается.

— Извини, Пьер, я не хотела, чтобы это прозвучало грубо.

— Все прекрасно. Давай приготовим фруктово-сырную тарелку, ты можешь помочь мне. — Эмма спрыгивает с барного стула и идет к холодильнику, чтобы заглянуть в него. —

Ma petite, похоже, ты забыла кое-что сделать. Правило номер один на кухне? — Пьер наклоняет голову набок и приподнимает брови в ожидании ответа Эммы.

— Эм. — Она смотрит в потолок. — Ох. — Она поворачивается и идет к раковине, чтобы вымыть руки.

— Очень хорошо. Теперь ты можешь помочь мне приготовить закуску, но после нам нужно будет сделать домашнее задание.

Я сажусь на барный стул и наблюдаю за отношениями этих двоих.

Меня не перестает удивлять, как легко они общаются друг с другом.

Пьер гармонично стал сильным мужским плечом для нее, и она приняла его. Эмма уважает Пьера, а он разговаривает с Эммой, не перебивая.

— У меня есть сюрприз для тебя, после того как ты закончишь свою домашнюю работу, — говорит Пьер, передавая Эмме зеленое яблоко.

— Сюрприз? Какой? — радостно вскрикивает она.

— Не могу сказать, иначе это уже не будет сюрпризом, — усмехается Пьер, доставая тяжелую деревянную разделочную доску из шкафчика. — На доске ты можешь порезать яблоко. Знаешь, как?

— Мне нельзя пользоваться ножами.

Они оба смотрят на меня. Эмма взглядом «разве не так, мама?», а Пьер — «ты серьезно?».

— Она не знает, как пользоваться ножом? — спрашивает меня Пьер, но могу сказать, что он не очень этим впечатлен.

— Она пользуется столовым ножом.

— Мы исправим эту проблему. Здесь. — Он берет нож и кладет в ее руку, становится за ее спину и начинает давать ей указания. — Согни пальцы, и когда нож заскользит, то ничего тебе не отрежет. — Эмма хихикает. — Когда нарезаешь что-нибудь, то не кроши это. Делай плавные движения от и до. Вот так. — Он берет ее за руку с ножом и показывает ей, как правильно резать.

— Я могу сама, — говорит она с энтузиазмом.

— Ты мой маленький стажер шеф-повара. Ты должна выучить то, чему я тебя учу.

— Я стаже... стаж... — она пытается повторить, и от этого я фыркаю со смеху. — Мамочка, ты слышала, что я стажер. — Улыбка Эммы огромная, хотя она не понимает, кто такой стажер. — Подожди, это ведь что-то хорошее, верно, Пьер?

Он отпускает ее руку и отступает, посмеиваясь.

— *Oui*, очень хорошее. Ты — мой стажер.

— Стаже... кто?

— С-Т-А-Ж-Е-Р, — медленно говорит он, а она смотрит на его рот и прищуривает глаза от концентрации.

— Стажер, — повторяет она.

— Правильно, солнышко. У тебя получилось, — говорю я и хлопаю в ладоши.

— Кто такой стажер? — спрашивает она и возвращается к нарезанию яблока.

— Ты — мой стажер шеф-повара, и это значит, что я научу тебя готовить. Так что я твой учитель, а ты моя ученица.

— Ох. — Эмма опускает плечи и выглядит незаинтересованной.

— В чем проблема, *ma petite*?

— Я не хочу, чтобы ты был моим учителем. Я не хочу больше домашних заданий.

Мы с Пьером смеемся, пока Эмма продолжает нарезать яблоко.

— Я не буду давать тебе домашнее задание. Ты будешь смотреть и учиться у меня.

— О, это здорово, пока нет домашних заданий.

— Их не будет до твоих восьми лет.

— Но это в следующем году, — вопит Эмма.

— Я знаю, — дразнится Пьер.

Они доделывают фруктово-сырную тарелку, и мы выходим во внутренний дворик.

Пьер расспрашивает Эмму о школе, и та оживленно рассказывает ему о своих лучших друзьях. Я довольно молчалива все время, что мы здесь, но приятно наблюдать за ними и их формирующейся связью.

После того как ассорти съедено, Пьер поворачивается к Эмме.

— Иди, вымой руки и принеси свою домашнюю работу, чтобы мы могли сделать ее.

— Хорошо, Пьер, — Эмма оживленно подскакивает, чтобы выполнить его поручение.

— Оставайся здесь, я приготовлю тебе кофе и принесу сюда. Есть ли у тебя книга, которую ты можешь почитать? Может, на телефоне? Или ты можешь выбрать какую-нибудь из тех, что читала Ева.

— Ты не хочешь, чтобы я заходила внутрь?

— В этом нет необходимости, но если ты хочешь, то конечно можешь. Мы будем за кухонным островком, ты можешь повернуться и наблюдать за нами, или можешь зайти внутрь, но я хочу, чтобы ты расслабилась.

— Я расслаблена. Но думаю, что просмотрю книги Евы и, может, найду что-нибудь интересное.

Мы заходим внутрь, и он оставляет меня у книжного шкафа Евы.

— Надеюсь, ты не против, — шепчу я в пустую комнату. Я нахожу книгу с интересным названием «*Да, мастер*», и когда читаю краткую аннотацию, то первая строка захватывает меня. Аннотация начинается со слов «Мой дядя ко мне приставал». Я имею в виду, вау, какое вступление. Краткое содержание книги до глубины души тронуло меня, поэтому книга должна быть невероятно напряженной.

Я выхожу на солнечный двор, сажусь в кресло, в котором сидела раньше, и начинаю поглощать историю.

— Кофе, *мадемузель*. — Пьер ставит кофе передо мной и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку. — Хм-м, — говорит он, когда смотрит на книгу у меня в руках. — Мне кажется, я помню эту книгу, — он ухмыляется. — Очень хорошо. — Он целует меня в губы.

— И как? — теперь я заинтригована.

— Это очень хорошая история. Ева любила ее, а я любил то, что она ее любила. — Он наклоняется и прикусывает мочку моего уха. — А еще она очень сексуальная в некоторых частях, — шепчет он.

Я с трудом сглатываю.

Может, мне не следует читать ее.

Я откладывая книгу на мгновение. Боже, это одна из самых сильных книг, что я когда-либо читала! Мне нужна передышка — несколько минут, чтобы собраться с мыслями и отойти после мучительной жизни главного героя.

— *Ma petite*, ты очень талантлива, — я слышу голос Пьера из кухни. — Может быть, ты станешь шеф-поваром, когда вырастешь.

— Я хочу быть шеф-поваром, как ты, Пьер.

И тогда я замечаю выражение лица Пьера. У него настолько широкая улыбка, что я вижу, как гордость распирает его. Он выпячивает грудь, расправляет плечи и приподнимает подбородок от того, что Эмма сказала ему нечто такое милое и невинное.

— И я научу тебя всему, что знаю, — отвечает он, и его голос напряжен и хрипловат. Он поворачивает голову, и я замечаю, что он проводит пальцем под глазом, прежде чем достает бутылку воды из холодильника и выпивает всю одним махом.

— Эй, солнышко. Как дела? — спрашиваю я, когда вхожу на кухню и обнимаю Эмму со спины.

— Посмотри, что Пьер купил мне! — восклицает она, демонстрируя свой мини-фартук и поварской колпак. На передней части фартука вышито «Лучший стажер в мире» с именем «Эмма» в самом верху. На колпаке виднеется ярко-фиолетовая надпись — «Мини-шеф».

— Пьер, ты не должен был делать этого, — говорю я, и у меня сжимается горло. Черт, теперь моя очередь плакать.

— Эмма — мой официальный стажер, поэтому ей нужна надлежащая форма. На следующей неделе я куплю ей набор ножей.

— Ножей? — нервно спрашиваю я.

Пьер усмехается и огибает кухонный островок, оборачивает руку вокруг моей талии и прижимает меня к своему боку.

— *Oui*, детский набор ножей. Он будет храниться у меня. Доверься мне, *mon chéri*. — Пьер наклоняется, чтобы прошептать: — Я очень дотошный учитель. — Он целует меня в шею.

Эмма хихикает и продолжает месить тесто.

— Почему ты хихикаешь? — спрашиваю я Эмму, прижимаясь к Пьеру.

— Потому что Пьер поцеловал тебя.

— Ты нормально к этому относишься? — Пьер спрашивает Эмму.

Она смотрит на меня, смотрит на Пьера и улыбается.

— *Oui*, хорошо отношусь. Ты можешь целовать мамочку.

Моя маленькая семилетняя хитрюга.

Глава 27

Холли

— Мамочка, — зовет Эмма с заднего сиденья по пути домой.

— Да? — я делаю радио тише и жду ее вопроса.

— У Пьера много фотографий с ним и какой-то тетей. На некоторых из них он ее целует.

Я делаю глубокий вдох и молча жду ее следующий вопрос.

— У Пьера уже есть девушка?

Технически, да, я. Но мне придется упростить все для Эммы, чтобы она поняла.

— Давным-давно Пьер был женат.

— А больше нет?

— Вроде того.

— Некоторым детям в школе приходится проводить выходные со своей мамой или папой. Некоторые из них не живут вместе. У Пьера так же?

— Нет, немного не так. Ты же знаешь, что папа погиб в автокатастрофе?

— Да.

— Жена Пьера тоже умерла.

— Она тоже попала в аварию?

— Нет, она была очень больна.

— Ой, — ее голос становится тише и звучит грустно. — У нее была простуда?

— Ничего подобного, у нее была такая болезнь, «рак».

— Я слышала об этом, но не знаю, что это такое.

— Это болезнь, которая распространяется в организме, и люди умирают от нее, но иногда и выживают.

— Почему она не выжила?

— Потому что ее рак был агрессивным.

— Что это значит?

Боже, что за трудный разговор с семилетним ребенком.

— Это значит, что рак очень быстро рос и захватил ее тело.

— Это очень грустно, мамочка. — Эмма затихла и ничего не говорит в течение нескольких секунд. Она, должно быть, обдумывает то, что узнала. — Наверное, Пьер скучает по ней.

— Конечно.

— Ты скучаешь по папочке?

— Каждый день.

Черт возьми!

— Мамочка?

— Да.

— Как ты думаешь, я должна сделать Пьери открытку, чтобы поблагодарить его за то, что он учил меня готовить?

Как легко ее молодой ум переходит от одной темы к другой.

— Я думаю, что это прекрасная идея, и держу пари, что она понравится ему.

— Ладно, завтра после школы я сделаю открытку. А еще он сказал мне, что покажет, как приготовить французский тост. — Она начинает смеяться. — Понимаешь, мамочка? Французский тост. — Она продолжает смеяться. — Французский тост. — Ее смех настолько заразительный и радостный, что я не сдерживаюсь и смеюсь вместе с ней.

Близится девять вечера. Луна еще не взошла, но звезды ярко сияют в небе. Эмма в это время, как правило, уже в постели, но сегодня у нас исключение из правил.

— Когда мы вернемся домой, сперва идем в душ, а затем в кровать.

Я ничего не слышу в ответ.

— Эмма, — тихо говорю я.

Опять ничего.

Оставшаяся дорога домой проходит в полной тишине. Единственный шум — это гул мотора и шуршащий звук шин. Пьер и Эмма на кухне, эта очевидная связь между ними — я снова и снова прокручиваю все это в голове. Могу ли я даже мечтать об этом? Он шагнул в ее жизнь и стал образцом для подражания, как отец для дочери. И она приняла его так легко, как дочь, которая тянется к отцовской доброте и любящим словам.

Не слишком ли рано для этого?

Безнадежно ли Эмма влюбилась в Пьера? Готов ли Пьер к Эмме? К тем временам, когда она будет просыпаться среди ночи от кошмаров и звать папочку, чтобы тот ее обнимал. Будет ли он готов протирать влажным полотенцем ей лоб, когда у нее будет высокая температура? Будет ли он готов держать ее за руку, когда она будет переходить дорогу и целовать ее на прощание в школу? Будет ли он знать, когда быть нежным с ней, потому что ее сердце будет впервые разбито? Или, когда нужно быть строгим с ней, потому что мы поймаем ее тайком выбирающейся из нашего дома? Готов ли он? Хочет ли он этого?

Черт.

Я шмыгаю носом, когда чувствую, что слезы подступают.

Надеюсь, что он хочет этого. Потому что я влюбилась в него, и хочу, чтобы он был частью наших жизней. Я хочу, чтобы мы были семьей.

Когда мы добираемся домой, я прикладываю немалые усилия для того, чтобы уложить Эмму в постель. И позволяю ей воздержаться от душа сегодня вечером — утром сходит.

Я укрываю ее одеялом и нежно целую в лоб. Эмма слегка шевелится.

— Спокойной ночи мамочка, спокойной ночи Пьер, — говорит она, не открывая глаз. Она поворачивается на бок, прижимается к своему мишке и продолжает спать.

Я слышу, что мой телефон звонит, и когда добираюсь до него, то вижу имя Пьера, мигающее на экране.

— Привет, — отвечаю я, как только провожу пальцем по экрану.

— Я просто проверяю, что ты добралась домой.

— Я знаю, где живу, — усмехаюсь я, иду в спальню и ложусь на кровать.

— *Oui*, но я не знаю. Я ведь еще там не был.

— Хм, правда? — я наигранно удивляюсь.

— Думаю, сейчас ты просто играешь со мной. Возможно, мне придется наказать тебя, — его голос становится бархатисто глубоким.

— И как ты это сделаешь?

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, будь дерзким Пьером.

— Возможно, мне понадобится уложить тебя на мою кровать... — Да. — И сорвать с тебя одежду... — *Я начинаю учащенно дышать.* — И облизать каждую часть твоего тела.

— Мне нравится звук, который ты издаешь, когда облизываешь меня.

— Скажи мне кое-что.

— Что?

— У тебя есть вибратор?

— Гм. — Это неловко. — Хм-м.

— Это не ответ. Либо *oui*, либо *non*.

Мое лицо горит, пока я свободной рукой закрываю глаза от смущения.

— Да, — пищу я тоненьким голоском.

— Хорошо, возьми его. Я хочу слышать, как ты стонешь, когда твое тело вспомнит меня и будет искать удовольствие, которое я дарил тебе.

— Боже мой, не думаю, что смогу сделать это.

— Я вылизывал твою киску, доставлял удовольствие твоей груди и толкался членом внутри тебя, и ты стесняешься? Я так много хочу сделать с тобой и для тебя, поэтому, пожалуйста, не стыдись. У тебя прекрасное тело, и я люблю слышать эти восхитительные звуки, когда ты кончашь. Это почти так же хорошо, как и твоя влажная, жаждущая киска

вокруг моего твердого члена. Твоя грудь так сексуально подпрыгивает и раскачивается, а твои стоны — музыка для моих ушей. И теперь ты там, а я здесь, и мне нужно слышать, как ты тяжело дышишь, а затем выкрикиваешь мое имя, когда кончаешь. Поэтому, пожалуйста, возьми свой вибратор, где бы ты ни прятала его, разденься и поговори со мной.

Как я могу отказать в этой просьбе?

— Подожди минутку. — Я быстро раздеваюсь и беру вибратор. — Я вернулась.

— Хорошо. Расскажи мне, какой у тебя вибратор?

— «Лело». (*Примеч.: марка, выпускающая аксессуары для интимной жизни*).

— У него есть кроличьи ушки, чтобы стимулировать твой розовый, сладкий клитор?

— О боже, Пьер. Да, есть.

— Раздвинь свои соблазнительные, длинные ножки для меня.

Я сажусь на кровати и раздвигаю ноги.

— Ладно.

— Ты будешь слушать меня и делать то, что я тебе говорю.

У меня пересыхает в горле, но огонь в моем животе ненасыщен и хочет как можно больше его, прежде чем угаснуть.

— Раздвинь свои губки и помести кончик вибратора на клитор. Не включай его, а медленно перемещай вверх-вниз. Пусть влажность твоей киски покроет игрушку.

— Хорошо.

Жар в комнате усиливается, пламя внутри меня яростно горит.

— Я наслаждаюсь тем, как сбивается твое дыхание. Теперь вставь в себя игрушку, но не включай ее.

Я подчиняюсь и сжимаю бедра, пытаясь получить хоть немного трения, как если бы вибратор был включен. Я начинаю стонать, закрываю глаза и начинаю медленно им двигать.

— Представь, что мой язык облизывает твою киску. Мои губы накрывают твой клитор, я сосу его, а потом щелкаю по нему языком. Мои пальцы внутри тебя, твоя влага покрывает их от того, как мой язык возбудил твою киску.

Я начинаю двигать бедрами напротив вибратора, отчаянно желая, чтобы здесь был Пьер, а не эта игрушка.

— Да, *ton chéri*. Мне нравится слышать твои стоны. Скажи мне. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой, — его голос хриплый от желания.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, Пьер.

— Я хочу привязать твои запястья к моему изголовью, привязать твои лодыжки к столбикам моей кровати и играть с твоим телом. Ты позволишь мне сделать это?

— Да, пожалуйста.

— Включи игрушку, Холли. — Я включаю ее. И начинается неумолимая стимуляция.

— Вставай на колени.

Господи Боже.

Я делаю, как он велит.

— Уже, Пьер. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Я хочу, чтобы ты опустилась на вибратор и объездила его. Жестко двигай бедрами, представь, будто ты сидишь на моем лице. Води бедрами по моему лицу. Позволь мне испить твою сладость.

Мои бедра делают то, что он велит мне делать. Они живут собственной жизнью.

— Потяни за один из своих сладких сосков, ущипни его и покрути между пальцами.

— О боже.

— Теперь я хочу, чтобы ты опустила руку, и засунула пальцы в свою киску. Затем достань их и попробуй себя. Скажи мне, какая ты на вкус?

Я делаю то, что он просит, и пробую себя.

— М-м-м, — я стону, облизывая палец. — Я сладкая на вкус, но и немного соленая одновременно.

— Да, так и есть. — Точно могу сказать, что Пьер тоже удовлетворяет себя, потому что его французский акцент настолько усилился, что мне его сложно понять. — Двигай бедрами, Холли. Трахни меня жестко, милая. Я хочу, чтобы ты кончила.

Он распалил огонь внутри меня еще больше и освобождение так близко. Все мое тело напрягается, пока я двигаю вибратор так, чтобы попасть в одно место, которое гарантирует то, что я кончу.

— Я кончую, Пьер, — я стону.

— Я тоже, *mon chéri*. Продолжай. Мне нужно услышать тебя. Мне нужен звук твоего голоса.

Я взрываюсь, вскрикнув, а затем шепчу:

— Пьер...

— *Oui*, мне тоже очень понравилось, но в следующий раз я хочу вылизать всю сладость после твоего оргазма.

Я ложусь на кровать и выключаю вибратор.

— Пьер, ты не можешь говорить мне такое после того, как я кончила, потому что я хочу снова это сделать.

Он начинает смеяться, а затем я слышу, как он глубоко вздыхает.

— Это полезная для меня информация. Сейчас я собираюсь прибраться, а затем буду засыпать, мечтая о тебе.

— И я тоже буду. Спокойной ночи. Увидимся завтра.

— *Non*, я увижу тебя в моих снах сегодня ночью.

М-м-м, как банально, но так мило.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Спокойной ночи, сладких снов.

Я принимаю быстрый душ и полностью измощденная падаю в постель.

Мне снится сон, и я точно уверена, что это сон о счастливой семье из четырех человек.

Мама, папа и двое детей.

Глава 28

Холли

— Эмма, — кричу я еще раз из кухни, пока готовлю ей овсянку. — Давай, вытаскивай свою попку из кровати.

— Я не хочу идти сегодня в школу. Я устала, — хнычет она из своей комнаты.

— Хорошо. Никакой школы.

— Ура!

— Но мы также больше не пойдем к Пьеру среди недели.

Я улыбаюсь, потому что знаю, что она вчера хорошо повеселилась и не может дождаться, когда придет к нему снова, чтобы он смог научить ее готовить французский тост.

— Ма-а-ам, — грустно бормочет она.

— Тебе выбирать. Если остаешься дома, то больше никаких вечеров у Пьера. Или ты встаешь и начинаешь собираться, и тогда мы сможем еще раз поехать к Пьеру.

Я заканчиваю готовить ей сэндвич с ветчиной и сыром, а затем включаю электрическую кружку, чтобы сварился и мой кофе.

— Доброе утро, мамочка. — Маленькими ручками Эмма обнимает меня сзади, и я чувствую, как головой она прижимается к моей пояснице.

— Доброе утро, солнышко. Тебе сперва нужно позавтракать, а потом принять душ и почистить зубы.

Она ворчит и сильнее прижимается ко мне.

— Где бабушка?

— Думаю, она все еще в постели. Давай, шевелись, лентяйка.

Эмма хихикает, пока берет кашу, которую я уже подготовила, и ставит ее на кухонный стол, садится и начинает есть.

— Мы можем приготовить пиццу сегодня вечером? — бормочет она с полным ртом овсянки.

— Повтори, что? — я помешиваю свой горячий свежезаваренный кофе и поворачиваюсь к Эмме, которая проглатывает полную ложку каши.

— Приготовим сегодня пиццу?

— Нет, мы ели ее вчера. Думаю, сегодня у нас будет спагетти болоньезе.

Она фыркает и запихивает еще больше каши в рот.

Пока я сижу напротив нее, Бронвин появляется на кухне — волосы взъерошены после сна, глаза уставшие, а кожа бледная-бледная.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я, осматривая ее растрепанный, изможденный вид.

— Я не очень хорошо себя чувствую. У меня болит голова со вчерашнего вечера, и никакие обезболивающие не помогают, — говорит она, доставая стакан из шкафчика и воду из холодильника.

Я встаю и подхожу к ней, забираю у нее стакан и указываю ей присесть, чтобы я смогла позаботиться о ней. Шаркающей походкой она доходит до места возле Эммы и наклоняется, чтобы поцеловать ее в лоб.

— Я запишу тебя к врачу, — говорю я, передавая ей воду, и иду к аптечке, чтобы взять «Ибупрофен».

— Это всего лишь головная боль. Никогда не знаешь, когда она разгуляется. — Она снова целует Эмму, а потом кладет голову на стол.

— Я приготовлю тебе тост, чтобы ты не голодала.

— Спасибо, — бормочет она, не поднимая головы.

Пока я готовлю ей тост, Эмма радостно описывает каждую мелочь того, как она и Пьер готовили пиццу. Бронвин периодически говорит «хорошо» и «это здорово», но ее измученный вид беспокоит меня. Обычно она такая энергичная и счастливая.

— Отлибрнв новстма, — говорит она, и я сразу же иду к ней.

— Бронвин? — я трясу ее за плечо и автоматически замечаю, насколько ее тело обмякшее. — Бронвин! — еще раз повторяю, и мое сердце уходит в пятки.

— Что случилось с бабушкой? — встревожено спрашивает Эмма, ее глаза наполняются слезами. Она крепко прижимает плюшевого мишку к груди и выглядит призрачно белой.

— Поамш, — невнятно говорит Бронвин.

— Эмма, принеси домашний телефон мамочке прямо сейчас, — говорю я, пытаясь передвинуть Бронвин так, чтобы она легла на пол.

Эмма бежит в мою комнату и берет телефон. Я слышу, что она бежит так, будто тысяча слонов несется по коридору ко мне.

Она передает мне телефон, и я набираю номер экстренной службы Австралии — три ноля.

— Три ноля. Вам требуется полиция, пожарная служба или скорая помощь? — спрашивает спокойным голосом женщина на другом конце линии.

— Скорая помощь, — отвечаю я.

Левая сторона рта Бронвин уже обвисла, и она говорит какие-то непонятные слова.

Меня мгновенно соединяют с другой женщиной, которая начинает подтверждать мой адрес и ближайшую пересекающую улицу. Она продолжает спрашивать, что случилось, и я объясняю ей, что речь Бронвин стала невнятной, и ее тело резко обмякло на одну сторону.

— Сколько ей лет?

— Шестьдесят восемь.

— Она в сознании?

— Да, нет, черт, я не знаю. Она лежит на кухонном полу и бормочет что-то, что я не понимаю что.

— Это нормально, просто помогите нам, чтобы мы знали, с чем имеем дело.

Она задает еще несколько вопросов, но с каждым новым я становлюсь все более напряженной. Почему они так долго? Такое чувство, будто прошел уже час с тех пор, как я позвонила в скорую помощь.

— Холли, похоже, у нее инсульт. Сохраняйте спокойствие, говорите с ней спокойно. Я отправила «скорую», расчетное время прибытия — три минуты. Они смогут зайти через переднюю дверь?

— Эм-м... — я теряюсь и паникую.

— Послушайте меня, Холли. Смогут ли сотрудники скорой помощи зайти через переднюю дверь? Какие-либо препятствия могут помешать им зайти в ваш дом?

— Я... эм-м... что? — Желчь быстро поднимается по моему горлу.

— Мамочка, мамочка, мне страшно, — кричит Эмма

Мое сердце бешено колотится в груди, дыхание ускоряется, и я пытаюсь сохранять спокойствие ради всех.

— Бронвин в безопасном месте? — спрашивает женщина по телефону.

— Да, она лежит на кухонном полу.

— Хорошо, нам лучше войти в дом через переднюю дверь или заднюю?

— Переднюю.

— Мне нужно, чтобы вы пошли к входной двери и открыли ее. Открыли и вторую дверь тоже, если она у вас есть и закрыта. Но также мне нужно, чтобы вы присматривали за Бронвин и сказали мне, если что-то изменится.

— Хорошо, я сделаю это. — Я встаю и бегу так быстро, как только могут мои ноги, чтобы открыть двери. — Эмма, — зову я.

— Я здесь, мамочка.

— Можешь пойти в мою комнату и поставить фильм, пожалуйста? Я приду, как только приедет «скорая».

— Я боюсь, мамочка, — хнычет она, прижимая плюшевого мишку к груди.

Я быстро открываю двери, а затем поворачиваюсь к Эмме.

— Я знаю, солнышко, мне тоже страшно. Но прямо сейчас я должна присматривать за бабушкой. Ей нужна моя помощь, пока «скорая» не приедет.

— Скорая помощь прибудет в течение минуты, — говорит женщина по телефону.

— Хорошо, мамочка, я пойду смотреть фильм. — Эмма крепко меня обнимает, прежде чем пойти в мою комнату. Я бегу обратно к Бронвин, и она лежит в точно таком же положении, как и мгновение назад.

— Никаких изменений, она все еще что-то бормочет, и ее рот обвис с левой стороны.

— Отличная работа, Холли. Они должны были свернуть на вашу улицу.

— Я их слышу, — говорю я, успокаиваясь при знакомом звуке сирены.

Они уже на подъездной дорожке, задние двери машины скорой помощи открыты, и они выкатывают носилки к тому времени, как я подхожу к входной двери.

— Что случилось? — спрашивает один из двух сотрудников скорой помощи, заходя с медицинской сумкой.

— Спасибо вам за все, они здесь, — говорю я оператору и вешаю трубку. Рассказываю сотруднику скорой помощи все, что случилось этим утром, и они принимаются за Бронвин. В течение нескольких минут они кладут ее на носилки и выкатывают из дома.

Я иду к Эмме, которая сидит на кровати под одеялом и смертельной хваткой обнимает плюшевого мишку.

— Иди ко мне, солнышко.

— С бабушкой все будет хорошо? — спрашивает она, и крупные слезы катятся по ее щекам.

— Я очень надеюсь на это, детка. Работники скорой собираются отвезти ее в больницу.

— Бабушка умрет?

Она взбирается на меня, оборачивает ноги вокруг моей талии, руки вокруг моей шеи, шмыгает носом и плачет в мои волосы.

Я не могу ответить на ее вопрос, потому что не знаю, но и не хочу ее пугать.

— Они отвезут ее в больницу. Это лучшее место для нее сейчас.

Я выхожу и вижу, что они пристегивают ее.

Они говорят мне, в какую больницу ее везут, и уезжают так же быстро, как и приехали.

Мы с Эммой возвращаемся в дом, и я усаживаюсь на свою кровать. Ее рыдания не поддаются контролю, и все, что я могу делать, это успокаивать ее и обещать, что больница — это лучшее место для ее бабушки.

Я смотрю на прикроватные часы, и сейчас девять утра, поэтому Эмма не пойдет в школу.

— Давай, прими душ, и мы поедем в больницу, чтобы навестить бабушку.

— Хорошо, мамочка, — говорит Эмма своим печальным голоском.

Она идет в свою комнату, чтобы переодеться, а мой телефон начинает звонить. Я беру его и вижу имя Пьера на экране.

— Привет, — говорю я, делая глубокий вдох.

— Что случилось? — Он слышит, что мой голос дрожит, и автоматически переключается в свой гиперопекающий режим.

— Мою свекровь недавно забрали в больницу. Они думают, что у нее инсульт.

— Ты в порядке? Эмма в порядке? Она видела это? Напугана? Какой у тебя адрес? Я сейчас приеду. Эмма в порядке? — Я слышу, что он лихорадочно суетится, что соответствует тону его голоса.

— Мы в порядке и уже собираемся ехать в больницу.

— Я буду ждать вас там.

— Ты не должен этого делать, Пьер.

— *Oui*, я знаю. Но вы с Эммой нуждаетесь во мне, я хочу быть там с тобой.

Я поднимаю руку, чтобы провести ею по волосам, и ничего не могу поделать. Я просто начинаю плакать. Я рыдаю в трубку и не могу поверить, каким крахом обернулся этот день.

— *Mon chéri*, плакать — это нормально, и выпускать эмоции тоже. Я просто хочу быть рядом с тобой, чтобы обнимать тебя и целовать твои слезы.

— Что будет, если... — я даже не могу закончить. Я не могу думать об этом.

— Мы пройдем через это вместе. Пожалуйста, поезжайте в больницу, я буду ждать вас в отделении экстренной помощи.

Я вытираю слезы ладонью и перевожу дыхание.

— Мы скоро будем.

Кладу трубку и переодеваюсь в джинсы с футболкой. Эмма заходит в мою комнату, все еще прижимая медвежонка к груди.

— Ты готова? — спрашиваю я ее.

Она кивает и протягивает мне свою руку.

Глава 29

Пьер

Я нервно меряю шагами комнату ожидания. Каждый раз, когда слышу, что открываются автоматические входные двери, я поворачиваюсь посмотреть, не Холли ли это с Эммой.

Кажется, будто пролетели часы, хотя на самом деле прошло меньше двадцати минут.

— Пьер! — слышу Эмму, как только открываются двери, и она бежит прямо в мои объятия.

— *Ma petite.* — Я целую ее в лоб и поднимаю на руки.

— Бабушке очень плохо. Она здесь, и мне очень страшно, Пьер, — говорит она, и ее шоколадно-карие глаза наполняются слезами.

Холли всего в нескольких шагах позади нее и, как только я беру Эмму на руки, приглашаю и Холли в свои объятия. Она бросается ко мне, и я обнимаю два убитых горем создания.

— Все будет хорошо, — говорю я, поглаживая Холли по волосам и целуя ее, и одновременно обнимаю Эмму. — Присядь. Расскажи мне, что случилось.

Мы направляемся к стульям, и Эмма устраивается на моих коленях, а Холли занимает место напротив меня. У нее несколько салфеток в руках, и когда я смотрю на нее, то замечаю, что она бледна и ее глаза опухли от слез.

Она рассказывает, что произошло этим утром, а Эмма кладет свою головку на мою грудь и обнимает потрепанного мишку.

— Я не знаю, что делать, — говорит Холли, и по ее щекам катятся слезы.

— Бабушка умрет, Пьер?

— Я не знаю, но это лучшее место, где ей окажут помощь, в которой она нуждается.

— Холли Уокер? — мы слышим, как кто-то говорит за моей спиной.

— Да, — отвечает Холли, а затем встает и идет к женщине, одетой в больничную форму.

— Можете пройти со мной? — она указывает Холли следовать за ней в кабинет. Холли смотрит на меня, и я киваю головой, одновременно поглаживая Эмму по спине.

— Пьер?

— Да.

— Ты любишь мою мамочку?

Merde. Это немного озадачивает меня.

— Мне очень нравится твоя мама.

— Это не ответ.

— Об этом я должен разговаривать с твоей мамой.

— Тебе трудно любить кого-то еще после того, как умерла та женщина?

Я чувствую, как подскакивает мой пульс и содрогается тело, потому что очень трудно разговаривать с ребенком о моей умершей жене.

— Ее звали Ева.

— Мамочка сказала мне, что она заболела и умерла.

— *Oui*, все верно.

— Я знаю, когда папа умер, мамочка очень долго плакала. Тебе было трудно перестать плакать?

— Очень трудно. До недавнего времени я часто плакал, но потом случилось кое-что очень волшебное, и теперь я счастлив.

— Что случилось? Санта приходил к тебе? Потому что еще не было Рождества.

Я почувствовал, как мои губы растягиваются в улыбке.

— *Non.* Я встретил двух очень замечательных людей. И одного из них я люблю всем сердцем.

— Кого? — Эмма поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Ее глаза видят меня насквозь; ее невинность настолько мила, и от этого мне хочется защищать ее еще больше.

— Тебя. Я люблю тебя, *ma petite*. Ты особенная для меня, и я потрачу всю свою жизнь, защищая тебя от всего зла в мире.

— Будешь?

— Конечно.

— Это хорошо, Пьер. Потому что хоть ты и смешно говоришь, но я тоже тебя люблю.

И я знаю, что ее слова искренни и исходят от самого сердца. Она оборачивает свои ручки вокруг моей шеи и целует меня в щеку.

— Ты будешь присутствовать в моей жизни очень долго.

Тишина окутывает нас, и Эмма обнимает меня еще крепче.

И эту тишину нарушает одна очень хитрая девочка.

— И я думаю, что ты и мамочку любишь.

— И почему ты так думаешь? — Я запускаю руку в ее длинные волосы и медленно пропускаю их сквозь пальцы.

— Потому что если ты любишь меня, значит, ты должен любить и мамочку.

Я улыбаюсь и целую ее волосы.

— Ты очень умная девочка.

— Я такая умная, что могу даже произнести по буквам слово «шопинг». Хочешь, чтобы я это сделала?

— Конечно, я хочу услышать, как ты произносишь такое трудное слово.

Она спрыгивает с моих колен, встает передо мной и передает мне своего мишку.

— Шопинг. Ш-О-П-И-Н-Г, шопинг! — говорит она с широкой улыбкой на лице.

— Очень хорошо, ты идеально произносишь слово «шопинг».

— А еще я знаю слово «добыча», хочешь, я и его произнесу?

— *Oui*. — Я откидываюсь на спинку неудобного больничного стула и закидываю ногу на ногу.

— Добыча, Д-О-Б-Ы-Ч-А. Это очень хитрое слово, но мы научили его в школе.

— Выучили, — исправляю я ее.

— О, да, выучили. Я голодна. У тебя есть что-нибудь поесть?

— Я не принес еду. Мы немного подождем твою маму, а затем я отведу своих красивых женщин пообедать.

— Я девочка, а не женщина, — заявляет она.

— Прошу прощения за эту ошибку. Моя красивая женщина и моя милая маленькая девочка.

— Мне не нравится быть милой. Можешь называть меня как-нибудь по-другому?

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Эм-м... — Она стучит своим пальчиком по губам, смотрит мимо меня и кривит ротик. — Я знаю! Ты можешь говорить, что я твоя прелестная *ma petite*. Мне нравится.

— На французском мы говорим *ma belle petite*. Это означает моя прелестная *petite*. Ну, значит, мы подождем твою мамочку, и я отведу свою великолепную женщину и *ma belle petite* покушать.

— Ура! — возбужденно восклицает Эмма. Но, несмотря на то, как быстро загорелась эта искра, еще быстрее она угасает. — Надеюсь, с бабушкой все хорошо. — Она опускает голову и снова ищет утешение у меня, забравшись ко мне на колени и положив голову на мою грудь.

И мне остается только обнимать ее и целовать, когда снова начинаются слезы.

Я наблюдаю, как скользит секундная стрелка на больших белых часах над стойкой регистрации. Кажется, будто время застыло. Люди периодически заходят и уходят, телевизор включен и показывает детские передачи. Эмма сидит у меня на коленях, крепко прижавшись и сжимая медвежонка, и смотрит телевизор.

Одно шоу заканчивается.

Начинается следующее.

Стрелки на часах лишь незначительно переместились.

Тревожное чувство растет внутри меня. Что-то не так. Страх бурлит внутри от напряжения, и все звуки заглушаются. Я проходил подобное раньше. Приближаются плохие новости.

— Пьер, — я слышу, как Холли зовет меня, когда садится рядом и плачет.

— Что случилось?

Она качает головой, а слезы продолжают катиться по ее убитому горем лицу.

— Мамочка? — зовет Эмма тихим голосом.

— Бабушка умерла, солнышко.

Глава 30

Холли

Пьер обнимал нас с Эммой до тех пор, пока у нас не осталось слез. Эмма сидела на одном его колене, я на другом, и мы изливали ему наше горе.

Сейчас мы приехали к нему домой и полностью вымотанные сидим на кухне, пока Пьер что-то для нас готовит. Эмма смотрит какое-то детское шоу по телевизору, а я потягиваю кофе.

— Могу я помочь тебе с чем-нибудь? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

— Просто сиди и отдыхай.

— Я хочу забрать свою машину с больничной парковки, — говорю я и делаю глоток. Но не могу расprobовать его вкус, и это не потому, что кофе ужасен, а просто потому, что мысли заняты не тем.

— Я сам. Мне нужно заскочить в магазин после обеда, так что я просто возьму такси и заберу ее.

Чувствую, как слезы опять начинают жечь глаза.

— Простите, миссис Уокер, мы сделали все, что могли, — сказала доктор и утешающе положила свою руку на мое плечо.

— Я со всем тебе помогу, — шепчет Пьер, затем кладет свой нож, вытирает руки и обходит кухонный островок, чтобы обнять меня. — Чтобы вы с Эммой ни в чем не нуждались.

Он обнимает меня, и я кладу голову на его твердую грудь. Пьер целует мои волосы, и я теснее прижимаюсь к его теплу.

— Я... я... не уверена... я... — Слезы снова начинают течь, мне не удается сдержать их.

— Не держи все в себе, — говорит он тихо, но крепче притягивает меня к себе.

— Я не уверена, что смогу снова пройти через это.

— К сожалению, ты должна, но ты не будешь одна.

Я киваю и закрываю глаза.

— Мамочка, я хочу есть, — говорит Эмма. Она заходит на кухню и видит, что мы обнимаемся. Пьер хочет отстраниться, но я не отпускаю его, а вместо этого заманиваю Эмму присоединиться к нам. С сонными, красными глазами, она, шаркая ногами, подходит к нам.

— И я устала.

Пьер обнимает нас обеих, и это кажется таким правильным. Хотя обстоятельства и ужасны, я знаю, что мы идеально подходим друг другу. Все трое.

— После обеда мне нужно сходить в магазин, а вы можете занять мою постель и отдохнуть, если хотите.

— Это было бы прекрасно. Спасибо, Пьер.

— Пожалуйста, — говорит он и приседает, чтобы поцеловать нас, а затем продолжает готовить обед.

— Что ты готовишь, Пьер? — спрашивает Эмма, прижимаясь к моему боку.

— Пирог в духовке, а я нарезаю салат.

— Мне нравится пирог, в котором много-премного бекона.

— Само собой. Иначе зачем его вообще готовить?! — Он хмурит брови, пока шинкует огурец и бросает его в тарелку с салатом.

— Но я не люблю яйца. — Эмма отходит от меня и опирается на кухонный островок.

— Ну, *ma belle petite*, это очень странно, потому что пирог готовится из яиц. — Он перестает резать и смотрит на нее.

— Да? — спрашивает Эмма. Она трет глаза, значит, она действительно устала.

— *Oui*, именно так. Как и французский тост, который мы приготовим завтра утром на завтрак. — Когда он заканчивает говорить, таймер в духовке начинает пищать, и он идет проверить пирог. — Эмма, можешь помешать салат, пожалуйста?

Она идет к ящику со столовыми приборами.

— Ох, — говорит она, закрывая ящик, но перед этим что-то достав. Я с любопытством наблюдаю за ней. Пьер достает пирог из духовки, а Эмма идет к раковине, чтобы вымыть руки. Он смотрит через плечо и улыбается, когда Эмма проверяет обед.

— Как на вкус? — спрашивает он, когда она достает кусочек помидора из тарелки.

— Вкусно.

— Хорошо. Пожалуйста, можешь достать три тарелки, *три* вилки и *три* ножа?

— Конечно. — Она идет к шкафчику и достает три тарелки, потом выдвигает ящик стола, чтобы достать приборы.

Пьер режет пирог и раскладывает его на три тарелки, а затем добавляет салат. Каждый берет свою тарелку и идет с ней в столовую. Пьер и Эмма садятся рядом друг с другом, а я сижу напротив них.

Эмма начинает есть и смотрит на Пьера.

— Знаешь, это действительно вкусно, хоть и приготовлено из яиц.

— Конечно, это вкусно. Ведь это я готовил.

Эмма хихикает, и Пьер смеется.

— Я люблю тебя, — выпаливает Эмма и целует Пьера в щеку.

Наши с Пьером взгляды встречаются, и я чувствую, как слезы катятся по моим щекам. Он наклоняется и целует Эмму.

— И я тебя очень люблю, — говорит он, не отрывая от меня взгляда.

— Извините меня, — говорю я, встаю и выхожу на задний двор.

— Ты оставайся и ешь свой обед, а я пойду проверю маму, хорошо? — слышу я, как Пьер говорит Эмме.

— Хорошо, — отвечает она.

— Ты в порядке? — спрашивает Пьер, когда находит меня снаружи.

— Я эмоциональная развалина. Сегодня трудный день, я перенервничала и сейчас Эмма признается, что любит тебя... — Я смотрю вниз, вдруг обнаружив, что мои ноги куда более интересные, чем пристальный взгляд серых глаз.

— Это был тяжелый день, — говорит он своим глубоким, бархатистым голосом. — Но ты должна понимать, что эта маленькая девочка, — он делает паузу, когда я смотрю вверх и вижу, что черты его лица смягчились, — эта девочка украла мое сердце. Она удивительная, и смелая, и просто необыкновенная.

— Я знаю.

— Я люблю ее, Холли.

— Что, если ты тоже оставишь нас?

— Невозможно. Разве ты не видишь?

Он притягивает меня к себе, утыкается лицом в мою шею и поглаживает меня по волосам.

— Вижу что?

— Это самая искренняя и чистая форма любви, которую мужчина может подарить. Это единственный способ, при котором я могу быть с тобой и Эммой. Я просто мужчина, и я отдаю вам свое сердце, которое вы можете либо принять и хранить, либо отвергнуть его и уйти. Выбор ваш и только ваш. Но, пожалуйста, вы нужны мне как солнце и вода.

— Что ты говоришь, Пьер? — я смотрю в его стальные глаза.

— Я говорю, что не силен в краткосрочных отношениях. Я не хочу мимолетного увлечения. Я не хочу, чтобы ты вышла из моего дома и никогда не вернулась. Я хочу, чтобы ты осталась со мной, потому что ты все, что мне нужно, и я хочу быть всем для тебя.

— Я...

Я снова смотрю вниз, на мгновение потеряв дар речи от его слов.

— *Non*, ты не можешь сказать мне, что не чувствуешь этого. — Пьер поднимает мою правую руку и кладет ее себе на грудь, где бьется сердце. — Оно бьется только для тебя и для Эммы.

— Пьер, — мой голос надламывается, а эмоциональные слезы продолжают катиться по щекам.

— Пожалуйста, останься со мной. Позволь мне позаботиться о вас. Давай будем семьей, — умоляет он и нежно целует меня в губы.

— Не уверена, что я смогу.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку, а затем покрывает мою кожу нежными теплыми поцелуями и придвигается к моему уху.

— Холли, — шепчет он, прикусывая мочку моего уха.

— Да.

— Мое сердце твое. Я люблю тебя.

Я прижимаюсь лбом к его плечу.

— Пьер.

— Я не сказал тебе этого раньше только потому, что хотел, чтобы ты сказала мне это же в ответ. Но мне нужно, чтобы ты знала, что я здесь не на месяц, а на всю жизнь. Когда будешь готова, ты скажешь мне, что тоже меня любишь. Сегодня это было не по плану. Это был не лучший для тебя день. Но я не мог отпустить тебя сегодня и не сказать, что ты украла мое сердце.

Отстранившись, Пьер проводит ладонями по моим рукам, наклоняется и целует меня еще раз в щеку. Затем поворачивается и уходит обратно, оставляя меня наедине с собственными мыслями.

Глава 31

Пьер

— Ангус, нас с Холли не будет, как минимум, следующую неделю.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что нас не будет, как минимум, всю следующую неделю, — еще раз говорю я Ангусу по телефону.

— И почему это? — злится он.

— Ее свекровь скончалась, и сейчас ей нужно организовать похороны и уладить еще некоторые личные вопросы.

— А почему *ты* не можешь прийти на работу?

— Потому что это не твое дело.

— Да поможет мне Бог, Пьер. Я уволю тебя прямо сейчас, если ты не назовешь мне хоть одну вескую причину.

Я припаркую машину Холли возле магазина и выключаю зажигание.

— Вот что я скажу тебе. Я увольняюсь. Прощай, Ангус. — Я вешаю трубку и кладу телефон в карман.

Выхожу из машины, запираю ее и иду в направлении торгового центра. Я чувствую, что мой телефон сразу же начинает вибрировать в кармане, и когда достаю его, то вижу, что это Ангус. Я сбрасываю вызов и кладу телефон обратно в карман. Я никогда больше не позволю работе встать между мной и моей семьей. Не собираюсь ставить ее выше потребностей моих девочек. Для меня они на первом месте.

Пока захожу в магазин, мысленно пробегаюсь по списку того, что нужно купить для Холли и Эммы. Беру тележку и сразу же иду в детский отдел. Я не знаю точно, какой размер у Эммы, но выбираю пижаму, нижнее белье, носки, футболки и шорты, которые, как мне кажется, подойдут ей. Я делаю крюк в отдел развлечений и беру каждый диск с мультиками Диснея, которые должны понравиться семилетней девочке, еще портативный DVD-плеер и айпод. Следующая остановка — отдел игрушек. И снова я загружаю тележку всеми видами игрушек, а те, что ей не понравятся, я буду счастлив пожертвовать.

Одна леди смотрит на кукол и видит, как я кладу кучу вещей в тележку.

— Сколько у вас детей? — спрашивает она, указывая на почти переполненную тележку.

— Только один.

— Вау, тут много чего, — она улыбается мне и возвращается к осмотру коробки, что у нее в руках.

— Ей семь, и я не знаю, что ей понравится.

Женщина хмурится и смотрит на меня.

— Ладно.

— Извините, это прозвучало не очень. Однажды она станет моей дочерью, когда я женюсь на ее матери.

Хм, мне лучше поговорить с Холли о свадьбе. Не уверен, что ей это понравится, но в моих мыслях уже все решено.

И опять эта женщина смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Моей падчерицей, — исправляюсь я. Но про себя предпочитаю называть ей своей дочерью.

— О, — говорит женщина, улыбается и выдыхает. — Большинству маленьких девочек нравятся Барби или куклы Монстр Хай. Они очень популярны в их возрасте. У меня восьмилетняя дочь.

— *Merci beaucoup.*

— Пожалуйста.

Я осматриваю тележку и обнаруживаю, что взял уже обе эти куклы вместе с парочкой других. Я доволен всем, что выбрал для Эммы. Теперь настала очередь покупок для Холли.

Иду в женский отдел и снова прикидываю ее размер, рассматривая несколько вещей и представляя их на ней. Я покупаю все, что ей может понадобиться, и даже то, что может не потребоваться.

Следующая остановка — косметические принадлежности. Я беру зубные щетки, расчески, резинки для волос, гель для душа, шампунь и кондиционер.

Отойдя в сторонку и мысленно пробежавшись по списку, я остаюсь довольным покупками. Заплатив за все, я кладу сумки в машину и возвращаюсь домой.

Когда заезжаю на подъездную дорожку, на крыльце автоматически загорается свет. Я иду к багажнику машины и достаю все пакеты. Когда добираюсь до входной двери, Холли открывает ее и смотрит на меня с недоверчивым удивлением.

— В чем дело? — спрашиваю я ее и прохожу мимо, оставляя поцелуй на ее губах.

— Что это у тебя? — спрашивает она меня, улыбаясь, когда смотрит на сумки.

— Припасы.

— Для кого ты все это купил? Для армии? — Она запирает входную дверь и следует за мной в гостиную.

— Это просто парочка вещей, которые, как мне кажется, понадобятся вам с Эммой.

Холли садится рядом со мной и начинает шуршать пакетами.

— DVD-плеер? — Она продолжает осмотр. — Целая коллекция детских фильмов? — Она смотрит на меня, поднимая пакет с дисками. — Игрушки?

— Они все для комнаты Эммы. Я хочу, чтобы ей было комфортно, когда она здесь.

Холли ставит все на пол, опирается локтями на колени и прячет лицо в ладонях.

— Пьер, что ты наделал?

— Я обеспечиваю свою семью.

Она резко встает и направляется к заднему двору.

— Где Эмма? — спрашиваю я, когда встаю и следую за ней.

— В постели. Она приняла душ, пока тебя не было, и я уложила ее спать.

Холли тихо выходит на веранду, обнимает себя руками и смотрит на темное небо.

— Ты в порядке?

— Нет, не в порядке. Ты не можешь так поступать. — Она указывает на гостиную, на все те пакеты, что я купил.

— Почему нет?

— Мы не твоя ответственность.

— Я не согласен с тобой.

— Я потеряла сегодня своего лучшего друга, свою свекровь. А еще ты заявил о своей любви ко мне и Эмме, и теперь на полных парах прешь вперед. Ты даже со мной не поговорил. Ты просто забрал мою машину и вернулся через два часа со всем этим, — она делает паузу и указывает обратно на гостиную. — И ты мне ничего не сказал. Затем ты подаришь мне кольцо и потребуешь выйти за тебя замуж.

— Я не купил кольцо, но да, это тоже произойдет.

Я прислоняюсь к столу на веранде, потому что сомневаюсь, что сейчас она захочет, чтобы я обнимал ее.

Холли делает глубокий вдох, затем проводит ладонью по лицу и запускает ее в волосы.

— Все слишком быстро, все это слишком.

— О, я понял, — начинаю я, затем достаю стул и сажусь на него, — ты считаешь, что это ненормально. Ты одна из *тех* людей, которые делают то, что от них ожидают. Общество говорит, что мы не знакомы достаточно долго, поэтому, конечно, я сумасшедший, что влюбился в тебя так быстро. Общество говорит, что должно пройти время и конфетно-буketный период, как у всех остальных.

Холли отводит взгляд в сторону.

— Ты должна следовать «нормальному» режиму, все должно продвигаться медленно. Верно, Холли?

— Это ненормально.

— Нормальность субъективна. Что нормально для одного, не всегда нормально для другого. Критике здесь не место.

— Да брось. Ты не думаешь, что все развивается слишком быстро?

— Я скажу тебе, что думаю. Я думаю, жизнь показала мне, что если я кого-то люблю, то никогда не должен сдерживаться. Я должен с головой броситься в омут и надеяться, что ты чувствуешь то же самое. Я буду защищать того, кого люблю, заботиться и уважать, потому что завтра я могу проснуться и не обнаружить тебя. У нас есть только одна возможность беречь того, кого мы любим, Холли. Держаться за него и наслаждаться каждым моментом с ним. А вы с Эммой — те люди, которых я люблю всей душой, всей своей жизнью. Я не хочу вас отпускать. Я хочу впасть в забвение от вашей любви и никогда не возвращаться из него. Я хочу тебя, Холли, и я хочу быть отцом самой удивительной маленькой девочки, которую мне посчастливилось узнать.

— Пьер, — говорит Холли, пряча лицо в ладонях. Я вижу, как ее тело трясется.

— Скажи мне, что ты не любишь меня, и я тебя отпущу. Но ты должна быть честной со мной.

— Это кажется правильным, но...

— Верь в нас. Я проведу всю свою жизнь, убеждая тебя поверить в меня, в нас.

— У меня есть вера.

— Пока ее недостаточно, но это нормально, потому что у меня ее достаточно для нас двоих.

Холли смотрит на меня, а по ее красивому лицу текут слезы. Она выглядит уставшей, глаза покраснели и опухли.

— Иди сюда, — зову ее я, раскрывая объятия. Она делает несколько шагов ко мне, и я усаживаю ее к себе на колени. — Я люблю тебя, и не сомневаюсь, что ты чувствуешь себя так не только из-за всего, что произошло, но и потому, что... — я целую ее в нос, — ты тоже любишь меня и ошеломлена этим. Это нормально. — Я целую ее в щеку. — Я верю в нас. — Я целую ее в другую щеку. — И, *oui*, просто чтобы ты знала, мы поженимся и поедем в Париж на медовый месяц как семья.

Холли усмехается и оборачивает руки вокруг моей шеи.

— Ты действительно любишь командовать. — Она целует меня в губы.

— Я знаю. У меня есть определенные черты характера, с которыми тебе придется научиться жить.

Холли прижимается ко мне и кладет голову на плечо, когда я провожу руками вверх и вниз по ее спине. Пока мы тихо сидим в темноте, окруженные только звуками ночи, нежный цветочный аромат достигает моего носа.

Я делаю глубокий вдох, позволяя аромату прикоснуться ко мне.

— Что это за запах? — спрашивает Холли, выпрямляясь и осматриваясь.

Я улыбаюсь, потому что знаю — это Ева посетила нас и дала свое благословение. Теплый порыв воздуха ласкает мою щеку. Ветерок настолько слаб, что легко можно ошибиться и не распознать, что это на самом деле.

Поцелуй от моей жены.

Прикосновение, предназначеннное только для меня.

Ее благословение для меня любить эту женщину.

Глава 32

Холли

— Похороны пройдут в начале следующей недели. Нам нужно съездить домой, чтобы я смогла разобраться с некоторыми делами.

— Ты можешь разобраться со всем здесь, разве нет? — спрашивает Пьер, накручивая спагетти на вилку.

— Нет, не могу. Эмма не была в школе три дня, и мне нужно домой.

— Теперь это твой дом.

Я смотрю на Эмму, которая наблюдает за тем, как Пьер умело наматывает макароны на вилку, а затем отправляет их себе в рот. Эмма пытается сделать то же самое, но все заканчивается тем, что соус обляпывает всю ее футболку.

— Смотри, я покажу тебе, — говорит Пьер, замечая ее провальную попытку подражать ему. Он встает, обходит ее стул, берет ее за руку и начинает накручивать пасту.

— О, да, теперь я поняла, — радостно говорит она, а он обратно садится на свой стул.

— Что? — говорит Пьер, глядя на меня.

— Ничего.

— Почему ты улыбаешься?

Потому что ты идеален. Но, конечно же, я этого не произношу.

— Потому что ты невероятно терпелив.

Я вздыхаю и снова поднимаю эту тему:

— Сегодня после ужина я поеду домой и привезу школьную одежду, а завтра утром ты пойдешь в школу, — говорю я Эмме.

— Ма-а-а-ам, — начинает она.

— Тебе нужно учиться, *ma petite*. У меня не может быть ученика, который даже не знает, как правильно читать и писать.

— Но ты можешь научить меня, Пьер.

— Я учитель кулинарного искусства, а не грамматики.

— Что такое клумлинарное? — спрашивает Эмма, широко открыв глаза.

— Кулинарное, — исправляет ее Пьер, — это означает все, что связано с готовкой и едой.

— О, — она оседает на стуле, кладет локти на стол и прячет лицо в ладонях. — Тогда мне лучше пойти в школу.

— Это очень хорошая идея. И единственный способ для тебя учиться, — говорит Пьер и водит рукой по ее спине, подбадривая.

— Ладно, а мне нужно ехать домой с тобой сегодня вечером, мамочка? Могу я остаться здесь и посмотреть мультики?

— Если Пьер не против. — Я смотрю на него, и он кивает.

— Я не против.

Мы едим, и Эмма рассказывает нам все о фильме, который для нее купил Пьер. Что-то о королеве, которая могла замораживать вещи. Честно говоря, я не очень хорошо ее слушаю. Я думаю о похоронах Бронвин, о том, что будет после похорон и о том, что нам с Эммой делать.

— Давай, Эмма, мы должны ехать.

— Я готов, — говорит Пьер, когда выходит к нам, одетый в джинсы, футболку и кроссовки. Он выглядит сексуально с завязанными в хвост волосами и темными солнцезащитными очками.

— Куда ты едешь? — спрашиваю я, передавая ему кофе.

— С тобой.

— О, да? — Он ничего такого не говорил ни раньше, ни вчера вечером.

— *Oui*, конечно.

— Ну, полагаю, теперь, когда ты официально безработный, у тебя есть все время в мире.

— Пф-ф, — он слегка шлепает меня по попе. — Это не имеет к поездке никакого отношения. Я еду, чтобы поддержать тебя. Кроме того, я хочу поговорить с тобой кое о чем.

— О чём же?

Пьер приподнимает солнцезащитные очки и становится передо мной. Ставит свою чашку кофе, кладет руку на мое бедро, а затем наклоняется и целует меня. Поцелуй опаляет, поглощает, обещает бесконечное количество обалденного и похотливого секса. К счастью, чашки уже нет в моих руках, иначе из-за такого напора я бы уронила ее. Пьер отходит и оставляет меня запыхавшейся.

— Что это было? — спрашиваю я, когда провожу ладонью по своему горячему лбу.

— Это мой способ сказать, что я тебя люблю, — говорит он, произнося каждое слово четко и ясно. Боже, он заставляет меня пылать.

— Спасибо, — говорю я, хотя и не могу пока сказать ему то же самое. Дело не в том, что я не могу физически это произнести, и не потому, что я не чувствую любовь всей душой. Просто время еще не пришло, и когда я скажу ему это, то хочу, чтобы он понял, как сильно я люблю его.

— Эмма, — зовет Пьер.

— Я здесь! — Она выходит в своей школьной форме и садится на стул у кухонного островка.

— Что бы ты хотела на завтрак? Хочешь, я приготовлю? — спрашивает Пьер, прислоняясь к столешнице и попивая кофе.

— *Oui*, — радостно восклицает она. Я замечаю, что Пьер улыбается, и я тоже не могу не улыбнуться.

— Я заберу тебя после школы.

— Пьер тоже будет с тобой? — спрашивает Эмма и смотрит на Пьера.

— Хочешь, чтобы и я приехал? — спрашивает он.

— Конечно, — говорит она, подчеркивая свои слова тем, что закатывает глаза и складывает руки на талии.

— Тогда я повинуюсь и приеду с твоей мамой забрать тебя.

— Хорошо. Ну, тогда пока! — Она быстро обнимает и целует меня, а затем то же самое проделывает и с Пьером. Эмма заходит в школьные ворота, и когда она уже находится рядом с классами, поворачивается и машет нам, прежде чем зайти в свой кабинет.

Пьер переплетает наши пальцы вместе и ведет нас к моей машине.

— Далеко нам ехать? — спрашивает он, открывая передо мной дверь машины, и ждет, пока я сяду внутрь, прежде чем закрыть ее.

— Нет, прямо углом, — отвечаю я, как только он садится в машину.

Когда мы подъезжаем к дому, я паркуюсь на подъездной дорожке, выключаю зажигание и просто сижу.

— Ты в порядке? — спрашивает он, поглаживая ладонью мое бедро.

— Это очень тяжело. Это был мой дом с тех пор, как погиб Стефан, и теперь, когда умерла Бронвин, все это кажется таким абсурдом. — Я подношу руку ко рту.

— Ты была здесь прошлым вечером, и я заметил, что когда ты приехала домой, то была очень тихой.

— Полагаю, это просто... — я замолкаю, не зная, как озвучить мысли, кружящие в моей голове. — Это тяжело, понимаешь?

Я смотрю на Пьера, и чувствую всю интенсивность взгляда его серых глаз.

— Да, понимаю. Но ты больше не одна. Мы есть друг у друга, и пройдем через это вместе.

— Да. — Я хмурюсь, глядя на свой дом. — Думаю, мне, возможно, придется продать дом Бронвин. Ее адвокат позвонил вчера и сказал, что хочет меня видеть.

— Ты мне этого не говорила. Когда у тебя встреча с адвокатом?

— Мы назначили встречу на среду.

— Я пойду с тобой.

— Тебе необязательно это делать. — Я снова поворачиваюсь лицом к Пьеру.

— Мы уже обсуждали, что «обязательно», а что «необязательно» мне делать. И я хочу поддержать тебя и Эмму.

— Спасибо. — Я сжимаю его руку. — Давай сделаем это. Чем дольше я буду откладывать, тем труднее мне будет.

Пьер кивает, затем наклоняется и целует меня в щеку. Он выходит из машины и подходит, чтобы открыть мою дверь.

Мы идем к входной двери, и я открываю ее.

— Мне нужно убраться в холодильнике и достать чемоданы из гаража, чтобы упаковать некоторые вещи.

— Я займусь холодильником, просто покажи, где все.

— Сюда. — Я веду его через гостиную на кухню. — Мешки для мусора под раковиной.

— Я поворачиваюсь, чтобы показать Пьеру, но его нет за мной. — Пьер? — я зову его и иду обратно.

Пьер в гостиной, смотрит на фотографию Стефана, Эммы и меня на стене.

— Кто он? — спрашивает Пьер, указывая на фото.

— Мой муж, Стефан, — отвечаю я, останавливаясь возле него.

— Он твой муж? — Пьер поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Лицо белое, рот открыт. Но его глаза... такими их я никогда не видела. Столько неприязни исходит от них, будто он собирается разорвать что-нибудь на куски. — Он был твоим мужем?

— Да. Что не так? — спрашиваю я и протягиваю руку, чтобы коснуться его плеча. Пьер смотрит на мою руку и делает шаг назад. — Пьер? — спрашиваю я, чувствуя, что мое тело покрывается мурашками, а неизвестность трансформируется в страх, пробегающий по венам.

— Мне нужно идти, — говорит он, поворачивается и выбегает через входную дверь.

Я следую за ним, но он слишком быстр. Только я оказываюсь на передней лужайке, как он уже заворачивает за угол.

Какого черта только что произошло?

Глава 33

Холли

Позднее тем же вечером

— Мамочка, мы поедем к Пьеру?

— Нет, сегодня он занят, — говорю Эмме, готовя нам ужин. — Может, принесешь свое домашнее чтение и почитаешь мне?

Эмма исчезает в своей спальне, а я достаю из кармана телефон и снова звоню Пьеру. Звонок переводится на голосовую почту. Опять. Как и все мои прошлые попытки дозвониться ему.

— Мамочка, — говорит Эмма, вырывая меня из моих тяжелых мыслей.

— Да, солнышко.

— Мишка остался у Пьера. Как я сегодня буду спать?

Черт, и что мне ответить? Пьер ведет себя как ребенок и не отвечает на мои звонки. Она этого не поймет, потому что, если честно, я тоже ничего не понимаю.

— Это только на одну ночь. Зато ты поспишь со мной и будешь обнимать меня, — говорю я ей, затем обнимаю и целую в лобик.

— Я уже большая девочка. Уверена, Пьер присмотрит за Мишкой.

— Я тоже так думаю.

Надеюсь.

Поужинав, Эмма принимает душ и забирается в кровать.

— Мамочка, можешь позвонить Пьеру и попросить его поднести трубку к Мишке? Я хочу пожелать ему спокойной ночи.

Мое сердце разрывается на части, потому что я без конца пыталась связаться с Пьером, и в последний раз его телефон был выключен.

— Думаю, у него села батарея, потому что я не могу дозвониться до него.

Эмма зевает и потирает свои большие карие глазки.

— Надеюсь, он в порядке.

— Я уверена, что Пьер в порядке. — Я гляжу ее по волосам и целую.

— Я имела в виду Мишку, — говорит она, накрывающаяся тонким покрывалом и протягивает руки, чтобы тоже меня поцеловать.

— Конечно же. В любом случае, уже поздно и тебе нужно спать, и я слишком устала.

— Я люблю тебя, мамочка.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, наклоняясь для еще одного поцелуя.

— Если будешь разговаривать с Пьером сегодня вечером, можешь сказать ему, что я его тоже люблю?

В глазах стоят слезы, и я едва сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

— Хорошо. Спокойной ночи, солнышко.

— Спокойной ночи, мамочка. — Она счастливо переворачивается на бок и закрывает глаза.

9:30 утра

Подбросив Эмму до школы, я еду прямиком к Пьеру. Стучу несколько раз, но он не отвечает, хотя его машина стоит на подъездной дорожке. Я не слышу внутри никакого шума, поэтому не совсем уверена, там ли он. И звонила я ему не меньше двадцати раз, и снова он не ответил.

Сейчас я сижу в машине и открываю вкладку с сообщениями на телефоне. Тупо смотрю на экран, не зная точно, что именно хочу ему написать. Я бы лучше встретилась с ним лицом к лицу, чтобы накричать на него, ударить и высказать ему, что он на самом деле монстр. Он обещал нам с Эммой целый мир, а потом сбежал.

Он влюбил в себя мою девочку, а затем бросил.

Он заставил меня влюбиться в него и ушел, когда я нуждалась в нем больше всего.

Я начинаю набирать ему сообщение — моя последняя попытка понять, что произошло, и почему он сбежал.

Я сидела и смотрела на свой телефон, звонила и оставляла сообщения. Я проверяла зарядку на телефоне и хотела услышать твой голос. Знаешь, почему? На случай, если тебе нужно будет что-то сказать мне, например, почему ты сбежал. Надеюсь, ты поймешь это и скоро мне все расскажешь, потому что я уже ускользаю от тебя. Ты проснешься, а я уже уйду, и Эмма, кстати, тоже. И теперь я знаю — ты просто недостаточно силен, чтобы быть с нами, Пьер. Нам нужен мужчина, который не скроет момент разоблачения истины. Нам нужен мужчина, на которого мы сможем положиться, и он будет рядом с нами независимо от того, что произойдет. Я вот что скажу тебе: ты трус, и я больше не буду преследовать тебя. Ты хочешь быть семьей с Эммой и мной? Тогда докажи, что ты достаточно силен для нас. Если нет, то, пожалуйста, отправь Эмме ее плюшевого мишку обратно по почте.

Я перечитываю сообщение, по крайней мере, раз десять, удерживая палец над кнопкой «отправить». Я не буду преследовать его. Я не заставлю его быть с нами, если он этого не хочет.

Нажимаю «отправить» и выдыхаю. Завожу автомобиль и направляюсь в сторону похоронного агентства, чтобы закончить организацию службы по Бронвин ко вторнику.

19:30 тем же вечером.

— Мамочка, ты говорила с Пьером сегодня? Забрала Мишку? — спрашивает Эмма, пока жует тако, который я приготовила на ужин.

— Прости, солнышко, но я не смогла связаться с ним.

— Может быть, он на работе?

— Не знаю...

Звонят в дверь, и Эмма вскакивает со своего места и бежит, чтобы открыть. Я следую за ней. На пороге стоит Пьер: у него в руках мишка, и сам он выглядит ужасно.

— Мишка! — пищит Эмма, пока я отпираю дверь, и она бросается к своей мягкой игрушке. — Большое спасибо, Пьер. — Она обнимает его за талию, берет мишку и идет готовиться ко сну.

— Пожалуйста, *ma belle petite*.

Пьер стоит в дверях, опустив глаза в пол. Он небрит, волосы распущены и в беспорядке. Я делаю огромный вдох и выпрямляю спину.

— Выкладывай, — тон моего голоса сообщает ему, что не стоит мне врать.

— Это охренеть как сложно. — Он проводит ладонью по своим растрепанным волосам.

— Да, так и есть. Но я больше не буду вести себя как твоя мамочка. У меня уже есть один ребенок, и я не хочу еще одного, которому сорок один. Ты себя ведешь не как взрослый, Пьер. Ты просто не достоин ни моей любви, ни любви Эммы, поэтому, если тебе нечего сказать, то прощай. — Я собираюсь закрыть перед ним дверь, не желая давать ему шанс сказать что-то, что может еще больше разбить мое сердце.

— Я знал твоего мужа, — в отчаянии говорит Пьер, придерживая рукой дверь, не давая мне возможности захлопнуть ее перед его лицом.

— Что? — спрашиваю я, его слова шокируют меня. — Что значит ты знал Стефана?

Пьер засовывает руки в карманы, смотрит в пол и шаркает ногами.

— Могу я войти? — спрашивает он, не встречаясь со мной взглядом. — Пожалуйста, — шепчет он.

Я смотрю по сторонам, не зная, что, черт возьми, делать. Сглатываю ком в горле и чувствую, как кровь бешено несется по венам. Затем просто киваю и делаю шаг в сторону — по сути даю Пьеру последний шанс.

— Нам нужно поговорить, *mon chéri*.

— У тебя больше нет права называть меня так. Но я дам тебе час после того, как Эмма ляжет спать. После этого тебе нужно будет уйти.

Пьер кивает и смотрит вниз.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он и придвигается, чтобы поцеловать меня. Я поворачиваюсь к нему щекой и позволяю его губам скользнуть по моей коже. — Я понимаю. — Ладонью он скользит по моей руке, а затем задерживается на моем бедре. — Пожалуйста, я прошу тебя просто услышать то, что я должен сказать. После того, как мы поговорим, если ты не удовлетворишься моим объяснением, я уйду и не потревожу ни тебя, ни Эмму.

— Ты так легко ушел. Буквально сбежал, — шепчу я, и слезы текут по моим щекам.

— Прости, что причинил тебе боль. — Он снова целует меня в щеку и осторожно скользит своим носом по моему подбородку.

— Что ты делаешь, Пьер? — Я закрываю глаза и наслаждаюсь его прикосновением.

— На случай, если ты скажешь, что не хочешь меня, я хочу впитать твой запах, чтобы он проник в мою душу, и я никогда не смог забыть тебя.

И после этого мое сердце разбилось. Он разбил его на тысячу кусочков, которые уже не склеишь вместе.

Я делаю шаг назад и вытираю слезы, которые текут по моим щекам.

— Хочешь кофе? Или, может, что-нибудь покрепче? Мне нужно выпить, может, даже всю бутылку. — Я иду на кухню и достаю стакан.

— *Non*, я отказался от всего, что может затуманить мой разум. За исключением, конечно же, нас. Ты мой лучший и единственный наркотик, который мне необходим.

Да? О чем, черт возьми, он говорит?

— Тогда, может, все-таки кофе или стакан воды?

— Если ты не против, я хотел бы пойти и почтать Эмме, прежде чем она уснет. — Он стоит у входа на кухню, глядя на меня и надеясь, что я скажу «да».

— Не знаю. — Я достаю бутылку скотча Бронвин и наливаю себе «на два пальца».

— Пожалуйста, мне просто нужно пожелать ей спокойной ночи и поцеловать.

Сделав глоток из стакана, я киваю один раз и Пьер поворачивается и зовет Эмму.

— Могу я почтать тебе сегодня на ночь, *ma belle petite*? — я слышу, как он спрашивает ее.

— Да, пожалуйста, — восторженно отвечает она.

Я опустошаю свой первый стакан скотча и слушаю их разговор. Я не подслушиваю, но трудно не заинтересоваться, когда Эмма спрашивает:

— Вы с мамочкой поссорились? — И мое бедное сердце болезненно сжимается.

— *Non*, у нас не было ссоры, — слышу я ответ Пьера. — Твоя мама ничего плохого не сделала. Только я.

— Она плакала прошлой ночью. Я думала, это потому, что бабушка умерла, но я слышала, как она спрашивала папу, почему ты ее больше не любишь. Папочка не ответил ей. Если ты не любишь мамочку, значит, ты и меня не любишь?

Из глаз текут слезы, и я пытаюсь сдержать судорожный вздох, рвущийся из легких.

— Я люблю тебя так сильно, что даже сердце болит. Очень сильно, *ma belle petite*.

— Можешь просто извиниться перед мамочкой? Потому что я тоже тебя люблю, Пьер, и не хочу, чтобы мамочка грустила.

После этого я опять наливаю «на два пальца» скотча и сижу за обеденным столом, стараясь не подслушивать их разговор. Проходит несколько минут, и Пьер выходит и прислоняется к стене подальше от меня.

— Хочешь выпить? — предлагаю я, не вставая.

— Просто воду, пожалуйста. — Я собираюсь встать, но Пьер качает головой. — Пожалуйста, сиди, я сам возьму. — Он идет на кухню, достает стакан и наполняет его водой из-под крана.

Я кручу стакан в руке и наблюдаю, как жидкость плещется на дне. Пьер возвращается, выдвигает стул напротив меня и ждет, пока я кивну, прежде чем сесть.

Молчание окутывает нас. Мы оба молчим. Никто не двигается.

Неприятная тишина между нами нарастает.

Пьер поднимает стакан и пьет воду, затем ставит его и смотрит на меня.

— Прости меня, — говорит он.

Глава 34

Пьер

— Прости меня, — говорю я, глядя в свой стакан, пристыженный за свое незрелое поведение.

— За что именно? За то, что сбежал вчера от меня? Или за признание в любви? — спрашивает Холли, откидываясь на спинку стула и оборонительно скрещивая руки на груди.

— За то, что я... — я делаю паузу и провожу рукой по волосам, — *putain*, — говорю и смотрю в ее карие глаза, которые сейчас цвета темного, горького шоколада.

— Не знаю точно, что ты сказал, но да, я полностью с этим согласна.

— Я идиот.

— Это точно.

Делаю вдох и снова замолкаю.

— Просто скажи мне, почему ты сбежал, — шепчет она, опуская руки.

— Потому что у меня проблема.

— Какая же? — она наклоняется вперед и кладет руки на край стола.

— Когда умерла Ева, я находил силы только в трех вещах. Первая — это работа. Я собирался, шел на работу и направлял страсть, которую когда-то испытывал к жене, на еду. Создавал что-то новое и открывал уникальные сочетания продуктов.

— Хорошо, — скептически говорит Холли.

— Я ходил на работу и всю свою боль выплескивал в нее, отдавал ей всю страсть. Все, что чувствовал к женщине, которую любил, и которая покинула меня. Я почти не спал. Вместо этого я работал, чтобы не думать о своей потере.

— Это я понимаю, — говорит она. Вижу, как она смягчается.

— Именно так мы получили звезду Мишлен. Прошло чуть больше двух лет. Не часто так быстро награждают звездой, но, тем не менее, это произошло, — я перестаю говорить и отвожу взгляд.

— Продолжай, — подбадривает меня Холли.

— Но когда возвращался домой после смены, я разваливался на части. Я не мог находиться там без Евы. Я слышал ее смех в каждой комнате, запах ее духов преследовал меня, куда бы я ни пошел. Я видел ее в каждой комнате нашего дома. — Я делаю глубокий вдох. — Я не мог спать. Не мог есть. Я перестал жить и стал выживать только на кофе и воде.

— Пьер. — Она протягивает ко мне руку, но я качаю головой.

— Пожалуйста, позволь мне закончить. — Она кивает головой и убирает руку. — Я становился все более раздражительным, увольнял своих сотрудников, кричал на официантов. Я не спал и не ел, я был убит горем. Прошло почти три месяца с тех пор, как умерла Ева, и я выживал только благодаря воздуху и работе. Вот тогда я и начал пить. Сперва, чтобы притупить все чувства и уснуть, я выпивал стакан на ночь, но это быстро перешло в два стакана, затем в половину бутылки, а затем и в полную бутылку.

— Черт возьми, — шепчет она.

— *Oui*, бутылки хватало для того, что я мог уснуть, но потом... — Я смотрю на нее. — Затем перестало хватать и этого. Я спал час, просыпался и шел за новой бутылкой.

— Ты алкоголик, — говорит она приглушенным голосом.

— Все становилось хуже, — говорю я, подготавливая ее к худшему.

— Как?

— Алкоголь перестал работать, и я снова не мог спать. Поэтому я обратился к врачу, чтобы получить рецепт на снотворное.

Глаза Холли округляются, и она понимает, что я имею в виду ее мужа.

— Стефан, — говорит она, когда к ней приходит понимание.

— *Oui*. Я пристрастился к таблеткам, а он продолжал выписывать рецепты на них. Он не знал, что у меня была алкогольная зависимость, и не знал, что стал зависимым от снотворного, или что смешивал и то, и другое. Я старался продержаться как можно дольше, чтобы казалось, будто я нормально их принимаю, затем я опять приходил к нему и просил еще.

— Как он не заметил, что у тебя была зависимость? — Холли кладет голову на скрещенные на столе руки.

— Я был убедителен.

— Ты наркоман.

— Я бывший наркоман. Я перестал принимать таблетки, когда начал отключаться и впадать в беспамятство.

— Алкоголь?

Я пристыжено смотрю в пол.

— Я перестал пить после того, как встретил тебя.

— Пьер, я не могу позволить алкоголику находиться рядом с нами.

— Я жадный человек. Я собственник, и у меня были зависимости. Но я люблю тебя и Эмму и клянусь, что не сделаю ничего, что сможет причинить боль кому-то из вас.

— Ты уже причинил боль, Пьер, — шепчет она.

— *Mon chéri*. — Я встаю из-за стола, чтобы подойти к ней.

— Пожалуйста, не надо, — говорит она, останавливая меня. — Я не могу растить ребенка с таким человеком.

— Я не вернусь ни к одному из этих пороков.

— Может, и нет, но наркоман привязывается к тому, чего он жаждал. Ты можешь желать меня сейчас, но через месяц, через год или когда-нибудь ты решишь, что меня недостаточно, и найдешь новую зависимость.

— *Non*, это неправда! — Я чувствую, что теряю контроль над собой.

— Тогда скажи мне кое-что, — говорит она, вставая из-за стола, и становится передо мной.

— Что угодно.

— Что ты делал вчера, когда ушел отсюда? — Я отвожу взгляд, избегая смотреть в ее сердитые карие глаза. — Именно то, что я подумала. Ты пошел домой и напился, верно? — гневно спрашивает она.

— Нет.

— Может быть, закинулся таблетками? Присутствие рядом со мной и Эммой — это слишком для тебя, поэтому ты пошел и вернулся к тому, что давало тебе ложное чувство уверенности?

— *Mon chéri*, я не делал и этого.

— Тогда скажи мне, какого черта ты делал, что не смог взять трубку, когда я звонила тебе? Или не отвечал на мои чертовы сообщения? Что было важнее того, чтобы поговорить со мной и сказать, что ты знал моего мужа? Что, ради всего святого, скажи мне?! — она кричит на меня, придвигаясь ко мне и тыча пальцем в мою грудь.

— Я всю ночь был на кладбище и разговаривал с Евой.

Холли осматривает меня с головы до ног, замечая грязь и пятна от травы на моих джинсах.

— Вот почему ты в той же одежде, что и вчера.

Я киваю и делаю шаг к ней.

— Пьер, обнаружив проблему, ты не можешь убегать, не поговорив со мной.

— Знаю, и поверь мне, я пожалел об этом сразу же, как вышел вчера отсюда.

— Убежал, — поправляет она меня.

— *Oui*, убежал. Я был дураком.

— Да, ты дурак, — опять поправляет она меня.

— Я увидел фотографию Стефана и запаниковал. Я испугался и не знал, что делать.

— Ты должен был поговорить со мной.

— Я должен был понять, что происходит в моей голове, прежде чем говорить с тобой об этом.

— Ты понимаешь, что я не могу быть с кем-то вроде тебя? — Она отодвигает стул и садится. — Как мы должны работать над отношениями, если ты сбегаешь каждый раз, когда что-то происходит? В конце концов, ты оставишь нас с Эммой.

— Я не хочу, чтобы это произошло.

— И я тоже. И еще я не могу рисковать, Пьер. Эмма растет слишком быстро, и я не хочу, чтобы ты то появлялся, то исчезал из ее жизни. Ей нужен сильный мужчина, пример для подражания, но я готова быть для нее всем, если это необходимо.

— Пожалуйста, не надо. Я хочу быть с ней, быть ее отцом и твоим мужем.

— Ты понятия не имеешь, каково это. Ты ушел, Пьер. Ты буквально сбежал. Я не могу не думать о том, что ты сделаешь это снова, снова и снова. Мы не можем продолжать эти отношения, потому что я просто не доверяю тебе. — Она встает и показывает на входную дверь, требуя, чтобы я ушел.

— Я не уйду, больше не сбегу.

— Слова, Пьер, это все, что я слышу. Если хочешь, чтобы я поверила тебе, тогда ты должен доказать мне.

— Как? — спрашиваю я, отчаянно желая удержать ее и Эмму. Я сделаю все, что она захочет.

— Не мне говорить тебе, что делать. Ты должен доказать мне, что ты мужчина, который будет рядом и всегда будет поддерживать свою семью. Вступить в общество анонимных алкоголиков было бы неплохим началом.

Конечно, все что угодно. Я посвящу остаток своих дней Холли и Эмме — моей семье.

Глава 35

Холли

— Спасибо, что пришли, — говорю друзьям Бронвин, когда они подходят ко мне и Эмме поцеловать и выразить свои соболезнования.

Люди, которых я никогда не встречала, люди, о которых даже не слышала от Бронвин, пришли попрощаться с ней.

Мы с Эммой стоим снаружи церкви. Казалось бы, наши слезы иссякли, но затем шепот или слово доносится до нас, и мы снова начинаем плакать.

— Пьер, — говорит Эмма. Я смотрю налево и вижу Пьера в идеально скроенном черном костюме, его волосы зачесаны назад, лицо гладко выбрито. Он становится на колени перед Эммой.

— *Ma belle petite*, я скучал по тебе, — говорит он, обнимая и целуя ее.

— Я тоже скучала по тебе. Я люблю тебя, — говорит Эмма, у нее снова наворачиваются слезы, и она плачет в его объятиях. Он подхватывает ее на руки и крепко прижимает к груди. Она обнимает его, крепко обхватив руками за шею.

— Я так тебя люблю, — говорит он, целуя ее щеку. Пьер стоит передо мной, такой гордый и уверенный в себе, что я не могу сдержаться и распадаюсь на части, как только заглядываю в его серые глаза. Правой рукой он притягивает меня в объятия, не задавая вопросов. — Я люблю тебя, — шепчет он, когда я утыкаюсь лицом ему в шею.

— Спа-па-сибо тебе, чт-что пришел, — говорю я между всхлипами. Я ощущаю, как его рука согревает мое тело.

— Не держи все в себе, ангел, — говорит он, а я чувствую его горячие, влажные губы на виске.

Я делаю шаг назад и смотрю на него.

— Почему ты назвал меня ангелом? — спрашиваю я, недоумевая, почему он не назвал меня «*mon cheri*».

Он наклоняет голову в сторону и гладит волосы Эммы, пока она продолжает прижиматься к нему.

— Потому что ты спасла меня и вернула к жизни, когда все, чего я хотел, это лечь и умереть.

Последние несколько дней я держала Пьера на расстоянии вытянутой руки, не позволяя ему вернуться в нашу с Эммой жизнь и опасаясь, что он сбежит, когда настанут трудности. Он постоянно звонил или отправлял мне сообщения, и каждый вечер привозил ужин для нас с Эммой, а затем уезжал.

— Ангел? — спрашивает он, пока я вспоминаю все то хорошее, что он сделал для нас с Эммой с тех пор, как мы в последний раз разговаривали с ним у нас дома. — Положись на меня. Позволь заботиться о тебе, когда будет трудно. Обещаю, я больше никогда тебя не оставлю.

— Не надо, Пьер. Не обещай того, чего не сможешь выполнить.

Люди начинают расходиться, остается только несколько друзей, которые дожидаются своей очереди выразить нам свои соболезнования.

— Я буду любить тебя, и я уже люблю тебя, — шепчет Пьер, наклоняясь и завладевая моими губами. Он не ждет, когда я скажу «да», он просто клеймит то, что ему принадлежит. Он еще раз обнимает нас на несколько драгоценных минут, тем самым защищая близость нашей семьи. — Мы семья, и я был прикурком, когда ушел. Ты нужна мне, Холли, как вода, чтобы утолить жажду, и мне нужна Эмма, нужна как воздух.

— Пьер, — говорю я еще раз, качая головой, не желая ему верить. — Ты можешь причинить нам боль, — тихо вздыхаю я.

— Больше никогда. — Отпустив Эмму, он поворачивается ко мне и нежно обхватывает мое лицо своими теплыми ладонями. — Никогда больше я не причиню тебе вреда. Ты

владеешь мной, каждой частью меня. Я дышу только для тебя и Эммы. Четыре года назад я потерял женщину, которую любил, и я не позволю тебе ускользнуть сквозь мои пальцы только из-за моей глупости. Я никогда не перестану любить тебя.

Я не могу больше прятаться за воздвигнутыми мной стенами, не буду позволять им контролировать меня из-за страха страданий.

— Впусти меня, — умоляет он, притягивая меня для обжигающего поцелуя и запутываясь пальцами в моих волосах. — Прости меня, — говорит он напротив моих губ.

Все его тело излучает силу, его объятия защищают меня.

Тихий вздох исходит из глубин моей души, и это не сексуальный стон удовлетворения, а больше признание того, что я впускаю Пьера в свой мир раз и навсегда.

— Я не могу сделать это в одиночку, не могу пройти через это снова.

— Я стою в свете моего ангела, которого больше никогда не хочу видеть грустным. Твоя ярость направит меня, и я буду любить тебя до последнего вздоха. Ты единственная, кого я хочу. Клянусь, я больше никогда не подведу вас с Эммой, — обещания стремительно слетают с его губ.

Я снова киваю и смотрю вниз, не способная выдержать пронзительный взгляд серых глаз. Не из-за его страсти или яростного огня, горящего в их глубине, а из-за того, что построенные мною стены рушатся, рассыпаясь осколками вокруг меня, обнажая мою хрупкую любовь.

— Давай, позволь мне отвезти моих девочек домой. У вас был тяжелый день, и я хочу позаботиться о вас.

— Подожди, мне нужно поговорить еще с несколькими людьми.

— Я присмотрю за Эммой, иди.

Я приподнимаюсь на носочки и целую Пьера.

— Спасибо.

Он протягивает Эмме руку, а я иду поговорить с несколькими оставшимися людьми до того, как мы отправимся на кладбище.

Несколько человек собрались вокруг открытой могилы, пока гроб опускают в землю. Эмма держит меня за руку, а второй обнимает плюшевого мишку. Она стоит перед Пьером, который одну руку по-отцовски положил ей на плечо, а другой обнимает меня за талию.

У меня текут слезы, голова кружится, пока я стою и говорю свое последнее «прощай» женщине, которая была матерью, лучшим другом и по-настоящему прекрасным человеком.

Ярко-красные и желтые розы украшают ее гроб — ее любимые цветы.

Комок застревает в горле, и мне никак не удается избавиться от него. Я плачу сильнее, когда гроб опускается. Воспоминания о материнском отношении ко мне, о ее красивом и душевном смехе мелькают в памяти при мысли о Бронвин.

Пьер крепче прижимает меня к себе и ближе притягивает плачущую Эмму. Мы долго и горестно плачем, потому что эта прекрасная женщина была отобрана у нас слишком рано.

Эта часть службы длится не более получаса, и как только гроб опущен и последние слова сказаны, все друзья Бронвин подходят пожелать мне всего самого наилучшего в последний раз, прежде чем уйти.

Во второй половине дня солнце ужасно печет, и в итоге остаемся только я, Эмма и Пьер.

Эмма сидит на идеально ухоженной, пышной темно-зеленой траве со скрещенными ногами. Ее прекрасные щечки покраснели из-за непрекращающегося потока слез, и она крепко прижимает к себе плюшевого мишку.

— Я пойду и подгоню машину, — говорит Пьер, замечая, как я наблюдаю за Эммой.

— Хорошо.

Он наклоняется и целует меня, прежде чем тихо уйти.

— Эмма, — говорю я, садясь рядом с ней на траву. Моя юбка слишком высоко задирается на бедрах, но этого никто не видит, поэтому мне все равно. Я нужна своему ребенку, и я буду рядом с ней.

— Все было так же, когда папа умер, — говорит она, а крупные слезы продолжают катиться по ее щекам.

— Знаю, солнышко. Это трудное время.

Она поворачивается ко мне, ее глаза красные и мокрые из-за пролитых слез.

— Я не хочу, чтобы Бог забрал и тебя, мамочка. — Она наклоняется и обнимает меня изо всех сил.

— Я тоже надеюсь, что Бог меня не заберет. — Я обнимаю ее и целую.

— Что, если ты заболеешь, как и бабушка. Кто будет присматривать за тобой, пока я буду в школе? — ее вопрос такой искренний и невинный.

— Я буду, — говорит Пьер, стоя позади нас. — Я буду присматривать за твоей мамой и за тобой, потому что так делает семья, Эмма. Мы присматриваем друг за другом и никогда не отпускаем.

Мы с Эммой поворачиваемся, чтобы увидеть, как Пьер в своем костюме становится на колени на траву.

— Хорошо, — говорит Эмма, легко принимая его слова, затем встает и оборачивает свои руки вокруг его шеи.

Пьер встает и предлагает мне свою руку. Когда наши ладони соприкасаются, это ощущается таким правильным, что оглушительные искры проходят сквозь все мое тело. Слова Пьера о семье и вечности оседают глубоко во мне. Он убежден, что мы должны быть семьей. Он уверен, что мы принадлежим друг другу.

И вдруг мой собственный луч солнца прорывается сквозь сумерки моей души. Вся тьма тает, все мои так называемые «правила» рушатся, и я остаюсь совершенно обнаженной и неприкрытым — готовой, наконец, принять драгоценный дар, который Пьер пытается вручить мне.

— Пьер, — говорю я, и в прикосновениях наших рук ощущается сейчас нечто большее.

— *Oui?* — он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. В его серых глазах отражается неистовая сила.

— Я люблю тебя, — наконец, признаю я, когда последний кирпич неуверенности рушится, а тяжелый туман мучений рассеивается.

Пьер с трудом сглатывает.

— Я знаю, — говорит он.

А затем его взгляд становится дерзким, и он захватывает мои губы поцелуем, показывая мне, что он — мое будущее, а я — его.

Глава 36

Холли

Прошло три недели с похорон Бронвин, и две после предварительного заседания суда для мистера Рукоблуда.

Оказывается, это не первое его подобное обвинение. В прошлом году на рождественской вечеринке он совершил подобное с коллегой, с которой работал в одной фирме. Она выдвинула обвинения, но так как это было его первое нарушение, суд решил, что всему виной слишком большое количество алкоголя, поэтому его просто оштрафовали и отпустили.

Но не похоже, что в этот раз ему все так легко сойдет с рук. Дата суда назначена на февраль, и я надеюсь, что он получит наказание, которого заслуживает.

— Холли, — говорит Ангус, когда я вхожу в его кабинет. — Как ты себя чувствуешь?

Я сажусь в кресло напротив него и скрещиваю ноги, а затем складываю руки на коленях.

— Было тяжело, но сейчас все в порядке.

— Полагаю, вы с Пьером... — он недоговаривает.

— Мы? — уточняю я, приподнимая брови, а сама выпрямляю спину, провоцируя его перейти на личное.

— Вместе? — его голос звучит так, будто он надеется, что я скажу «нет».

— Поскольку он больше здесь не работает, это не имеет никакого отношения к моей работе.

— Да?

— Другими словами, это все еще не твое проклятое дело, Ангус. — Я встаю и разглаживаю складки на своих брюках. — Что-нибудь еще? — спрашиваю, улыбаясь, в то время как сама поправляю пиджак.

— Мне просто интересно, нашел ли Пьер другую работу, потому что, ну... — он заикается между словами. — Если он хочет вернуться... — он замолкает и смотрит на меня, в ожидании ответа.

— Тогда тебе лучше позвонить и предложить ему вернуться на работу. Прости, но я не могу говорить за Пьера.

— Да, конечно, хорошо, — бормочет он, глядя вниз на единственный лист бумаги на своем столе.

— Перед сменой будет собрание?

— Нет, не сегодня.

— Какое-то особенное меню?

— Нет. Все как всегда.

— Хорошо. Ну, пойду и проверю бар.

Я выхожу и улыбаюсь. Ангус вел себя как мудак по отношению к Пьеру, и тот уволился. С Пьером невероятно трудно работать, но он отличный шеф-повар. Ангус знал, каков Пьер, и все равно проверял его на прочность. Я не могу представить, чтобы Пьер когда-либо мог с кем-либо сработать без конфликтов, но в данном случае виноват Ангус.

Когда выхожу из кабинета, я чувствую, что мой телефон выбириует в кармане. Достаю его, провожу пальцем по экрану и вижу сообщение от Пьера.

Увольняйся и возвращайся домой.

Исчезни, я работаю.

Я позабочусь о тебе. Хочу, чтобы ты вернулась домой.

Даже в своих текстовых сообщениях он невероятно хорош.

Я игнорирую тебя.

Ты не можешь игнорировать меня. Я хочу твоё тело, поезжай домой.

Выключаю телефон...

Я могу почувствовать губки твоей красивой киски на своем языке. Могу вспомнить твой великолепный вкус, как твои соки стекают на мой подбородок.

Я улыбаюсь, когда читаю его сообщение. Маньяк.

Я не разговариваю с тобой.

Твои ноги на моих плечах, твои великолепные стоны в моих ушах, пока я облизываю твою горячую киску.

Час от часу не легче. УБИРАЙСЯ.

Мой член отчаянно хочет заполнить тебя, мое тело жаждет твоей дрожи, пока я буду обнимать тебя и заниматься с тобой любовью.

Господи, почему здесь так жарко?

Его слова творят нечто невероятное с моим телом, и я сжимаю бедра в предвкушении.

Серьезно, отвали. Пиши, только если это чрезвычайная ситуация, или Эмме что-нибудь будет нужно.

Мне нужно кое-что. Мне нужно быть внутри тебя, облизывать и поглощать тебя. Мне нужно облить тебя сахарным сиропом и тщательно слизать его с каждого изгиба твоего тела.

Вот и все — никакого секса неделю.

Позволь мне заняться с тобой любовью. Позволь удовлетворить твоё тело. Ты хочешь меня так же сильно, как и я тебя. Приезжай домой, ton chéri, пусть наши тела сольются в экстазе.

Он опять называет меня «*ton chéri*», после того как сказала ему, что мне так больше нравится, чем «ангел». Мне нравится, как он произносит эти слова, словно языком нежно ласкает их, занимается с ними любовью.

Приезжай домой поскорей, у меня для тебя сюрприз.

И это последнее, что приходит мне от Пьера, до тех пор, пока я не отправляю ему сообщение в конце своей смены.

Скоро буду дома. Целую.

Жду с нетерпением.

Когда покидаю «Тейбл Уан», я еду домой.

И под «домом» я имею в виду дом Пьера. Мы с Эммой переехали к нему, а дом Бронвин прибрали и сдали в аренду.

Паркуюсь на подъездной дорожке, я чувствую, как моя кровь закипает от предвкушения, пока выхожу из машины и иду к входной двери.

Пьер уже ждет меня. Его глаза дьявольски блестят.

— Привет, — говорю я и тянусь, чтобы поцеловать его.

— Ш-ш-ш, — шепчет он, прикладывая палец к губам. — Сними свои туфли, — командует он своим низким, опасным, томным голосом.

Я снимаю обувь, и Пьер снова встает на колени передо мной, чтобы поставить их в надлежащее место. Затем молча встает и быстро перемещает свои ловкие пальцы на молнию моих брюк, медленно опуская ее.

— Что происходит? — спрашиваю я. Пьер не отводит от меня взгляда, его серые глаза голодные и хищные. — Эмма?

Он наклоняется и стягивает мои брюки.

— Эмма крепко спит, но ты должна быть тихой, — снова повторяет он. Его голос тихий и сексуальный.

Похоть пульсирует внутри меня, и все мое тело отчаянно жаждет его прикосновений.

Он снимает с меня пиджак, затем переходит к рубашке и осторожно расстегивает серебристые пуговицы, наблюдая за своими движениями.

— Ты такая красивая, — шепчет он, его тон источает голод.

Дыхание сбивается, и мне с трудом удается втянуть воздух в легкие. Я чувствую, как мой пульс ускоряется, и слышу только громкие удары своего сердца. Автоматически закрываю глаза, когда ощущаю его пальцы, прижимающие к моему телу прохладную ткань.

Он скользит руками под рубашку и стягивает ее с моих плеч.

Я остаюсь только в трусиках и лифчике прямо посреди прихожей его — или я должна сказать нашего — дома.

Открыв глаза, я вижу любовь в прекрасных серых глазах Пьера.

— Пойдем, — говорит он, переплетает наши пальцы и ведет нас наружу.

На лужайке на заднем дворе он расстелил одеяло для пикника. С четырех сторон стоят стеклянные банки, внутри которых мерцают свечи.

— Пьер, я почти голая и не могу туда выйти. Что, если кто-нибудь увидит меня?

— Уже темнело, а фруктовые деревья дарят нам уединение.

Я не решаюсь, но он продолжает тянуть меня к одеялу.

— Пьер, — повторяю еще раз.

— Сегодня вечером мы наблюдаем за луной и наслаждаемся природой, пока наши души и тела будут сливаться в одно целое.

Пьер ведет меня к одеялу, и когда мои ноги касаются его, он начинает действовать. Медленно снимает мои трусики и лифчик и бросает их на ухоженную зеленую траву. От того, как он относится ко мне, внутри меня все трепещет.

— Сними с меня одежду, позволь любить тебя.

С таким же трепетом и любовью, что он показал мне, я раздеваю его.

Пьер садится на одеяло и тянется к моей руке.

— Оседлай меня, *mon chéri*, ты нужна мне как можно ближе, я хочу полюбоваться тобой.

Я опускаюсь на него и впускаю в себя его уже твердый член. Все эти игравые пытки сделали меня мокрой, и я хочу его как можно глубже.

Пьер перемещает руки мне на спину и начинает выводить на ней нежные узоры, в это время откидывая голову назад, наслаждаясь ощущением меня на себе.

Низкий, дикий стон исходит из глубины его груди, когда он вытягивает шею и наклоняет голову в сторону.

— Пьер, — стону я, руками исследуя линии его торса.

— Я люблю тебя, — говорит Пьер, глядя на меня.

Его серые глаза сейчас кажутся черными от желания. Движения Пьера медленные и ритмичные, словно его тело наполнено чувственным удовольствием.

Моя грудь прижимается к его груди, он запутывается пальцами в моих распущеных волосах, а я продолжаю исследовать его восхитительные мускулы.

— Холли, — шепчет Пьер, губами прижимаясь к моей шее.

— Да, Пьер, — стону я, забывшись в собственном экстазе.

Чувствую, как внутри меня все начинает сжиматься, готовясь к оглушительному взрыву.

— Я хочу, чтобы мы стали семьей.

Он прижимается лицом в моей груди и посасывает сосок, зажимает его между зубами, в то время как руками продолжает крепко меня удерживать.

— М-м-м, — стону я.

Мне нравится то, как наши тела соединяются, нравится интенсивность его толчков.

— Выходи за меня замуж и позволь уドочерить Эмму.

И это не вопрос.

Это приказ.

Эпилог

Пьер

— Мы едем к Трем Сестрам? — спрашивает Холли, пока я везу нас к Голубым горам.

— Па-а-ап, куда мы едем? — девятилетняя Эмма ноет с заднего сиденья.

— Мы едем на семейный день.

Холли переплетает наши пальцы и кладет руку на мое бедро, пока я веду машину.

— Хотя бы намекни, — просит она.

— *Non*, никаких намеков.

— Мы будем дома хотя бы к ужину?

— Поскольку, готовлю в основном я, не важно, в какое время мы будем дома.

— Мне нужно пописать, — ворчит Эмма.

— Нужно было сходить в туалет до того, как мы вышли из дома. Послушай музыку на своем айпаде и вскоре забудешь об этом, — отвечаю я ей. Холли усмехается и отворачивается к окну.

— Здесь красиво. Деревья такие зеленые и пышные. Я бы хотела переехать сюда когда-нибудь, — говорит Холли, глядя в окно.

Однажды вечером, вскоре после того, как сделал Холли предложение, я читал Эмме сказку на ночь, и вдруг она села и скрестила руки перед собой. Она выглядела такой серьезной, будто вся тяжесть мира была у нее на плечах.

— Пьер, мне нужно тебя кое о чем спросить, — сказала она со смертельно серьезным видом.

— *Oui, ma belle petite*. Спрашивай о чем угодно.

— Я хочу называть тебя папой. Я спросила мамочку, не против ли она, чтобы я называла тебя так, и она сказала, что я должна спросить тебя.

Вдруг мне стало трудно дышать. Не потому, что я не хотел, чтобы она называла меня «папой», а потому, что это был один из самых трогательных моментов в моей жизни.

— Я бы очень хотел, чтобы ты называла меня папой, — сказал я, наклонившись и поцеловав ее в лоб.

— Ладно, ты можешь продолжать читать, папа.

С этого момента она никогда больше не называла меня Пьером. Только «папа» или «папочка», и я светился от гордости каждый раз, когда отводил ее в школу, и она махала рукой и называла меня самым важным словом в мире.

Ангус позвонил мне, умоляя вернуться в ресторан. После долгих переговоров по зарплате я решил вернуться, но мы договорились, что Холли будет работать меньше, чтобы мы могли разделить наши родительские обязанности.

Мое сердце переполняют чувства каждый раз, когда я вспоминаю о нашей с Холли небольшой церемонии. Мы пришли на регистрацию брака с Эммой и поженились, будучи втроем. Мы были семьей и до этого, но 1 декабря прошлого года все стало официальным.

Пока я везу нас к месту назначения, Эмма радостно напевает с заднего сиденья, произнося некоторые слова из песен, которые звучат в ее наушниках. Как и ее мама, она не умеет петь. Она не слышит ритм, хоть изо всех сил и пытается звучать как можно приличнее.

Когда мы добираемся до Катумбы (*Примеч.: город в Австралии*), я паркуюсь на улице, усаженной деревьями. Старые ветки низко свисают над дорогой, отбрасывая тени на асфальт. Они образуют барьер, кокон, защищающий дома.

— Мы на месте, — говорю я, выпрыгивая из машины и оббегая ее, чтобы открыть дверь для Холли, а затем и для Эммы.

— Где мы? — спрашивает Холли, глядя в обе стороны дороги.

— Я очень сильно хочу писать, папа, — снова скулит Эмма.

Сейчас конец осени, преддверие нашей первой годовщины свадьбы, и воздух здесь все еще бодрящий. В Катумбе лето не очень жаркое. Едва ли становится достаточно тепло для

кондиционера, хотя посреди зимы одеяло снега иногда украшает дороги. Он медленно падает и покрывает собой все, к чему прикасается, давая ощущение покоя и мира.

— Пойдемте, давайте пообедаем. — Я веду своих любимых девочек к дому, перед которым пристроено кафе.

Когда мы входим внутрь, глаза Холли округляются, а Эмма спрашивает, где ванная комната.

— Что мы здесь делаем, Пьер? — спрашивает Холли, пока осматривает уютный деревенский декор тихого кафе.

— Что ты имеешь в виду?

— Не пудри мне мозги. Ты что-то задумал! — она практически кричит шепотом на меня, стараясь не привлекать к себе много внимания.

— Пьер, это, должно быть, Холли. Это ваша дочь побежала в туалет? — миссис Мартин, владелица, подходит и целует меня в обе щеки.

— *Oui*. Холли, это миссис Мартин, миссис Мартин, это моя жена, Холли.

Дамы обмениваются любезностями, хотя могу сказать, что Холли собирается прибить меня прямо сейчас.

— О боже, — говорит миссис Мартин, глядя на меня, а затем ее взгляд переходит на напряженную Холли. — Ты ей еще не сказал, да?

Я качаю головой и обнимаю Холли за плечи.

— Еще нет, — говорю сквозь зубы.

— Сказал мне что? — спрашивает Холли с фальшивой улыбкой на лице.

— Я оставлю вас вдвоем, чтобы обсудить... эм... ну, вы знаете. — Миссис Мартин поворачивается и, спотыкаясь, практически убегает прочь.

— Что, черт возьми, происходит? — спрашивает Холли сквозь зубы, поворачиваясь ко мне.

— С годовщиной, *mon chéri*.

— Ох. — Она делает успокаивающий вдох. — Ты привез нас сюда на наш праздничный обед. Фух, я думала, ты собираешься испугать меня чем-нибудь другим. — Она смеется от облегчения.

— Например, чем? — спрашиваю я и делаю осторожный шаг назад.

— Ты самый непредсказуемый человек, которого я знаю, Пьер. Я была почти уверена, что ты скажешь, что купил это место и будешь управлять им. — Холли снова смеется и делает шаг в сторону.

Я по-прежнему молчу и не иду за ней.

— Пьер, — говорит она, поворачивается и видит, что я стою неподвижно. — Пьер, — повторяет она. По ее взгляду я вижу, что она свирепеет от гнева.

— *Oui*, — говорю я и делаю еще один шаг назад.

— *Oui* что? — она делает встречный шаг ко мне.

Я с трудом сглатываю и делаю, возможно, последний глубокий вдох.

— *Oui*, я купил это место и хочу сделать из него семейную гостиницу, — говорю я очень быстро. Все это прозвучало как одно очень длинное слово.

Холли закрывает глаза и вздыхает.

— Я должна была ожидать этого.

Я улыбаюсь. Это ведь хорошо... верно?

Эмма

Десять лет спустя

— Ты не понимаешь. Папа будет в бешенстве.

— Ты этого не знаешь! Он шеф-повар, и знает, что ты тоже хочешь им стать.

Я прижимаю телефон посильнее к уху и наматываю прядь волос на палец.

— Ты *встречался* с моим отцом? — ехидно спрашиваю я.

Сальваторе усмехается.

— Все будет в порядке. Просто скажи ему.

— Почему бы тебе не притащить свою задницу сюда, и мы бы рассказали ему вместе?

— Черт, нет, он убьет меня. Когда-нибудь ты захочешь завести семью, и этого не произойдет, если он порежет меня на кусочки.

— Ты слабак. Папа бы этого не сделал.

— Эмма, он слишком тебя опекает. Помнишь, когда нам было по тринадцать, и я впервые пришел к тебе домой? Тогда ты мне даже не нравилась, а он достал свою мясорубку и начал разделять половину тушки ягненка. Тогда он напугал меня до чертиков, особенно, когда продолжал смотреть на меня, перекручивая мясо.

Я не могла не засмеяться, потому что в тот год мы с Сальваторе должны были подготовить проект для средней школы. Он пришел, чтобы мы смогли начать, и папа сошел с ума из-за него. Он говорил с ним по-французски, что-то типа: «Если ты прикоснешься к ней хоть пальцем, твои эти пальцы окажутся в этом пироге». Конечно же, Сальваторе был итальянцем и понятия не имел, что говорил папа. Я посмеялась, поцеловала папу и сказала ему, что мы только готовим вместе проект для школы.

— Спасибо за поддержку, — говорю я в телефонную трубку.

Сальваторе делает глубокий вдох.

— Ладно, я скоро буду. Но если он убьет тебя или меня, не говори, что я тебя не предупреждал.

— Хорошо, скоро увидимся.

Мы оба вешаем трубку, и я иду в ванную и готовлюсь к сегодняшнему сражению.

— Я накрыла на стол внутри, потому что снаружи немного прохладно, — говорю я папе, пока поправляю столовые приборы. На самом деле, я делаю это потому, что надеюсь, что стены заглушат крики, когда мы с Сальваторе выложим наши новости.

— Сальваторе тоже придет на ужин? — спрашивает он, двигая кастрюлю на печи.

— Да.

Сальваторе проводит здесь много времени. Мама и папа знают, что мы встречаемся уже давно, и они нормально к этому относятся. Папа до сих пор пугает Сальваторе, но это всего лишь папа.

Закончив с сервировкой, я смотрю на стену с семейными фотографиями. Здесь фотография бабули — она улыбается, пока я сплю у нее на коленях. На следующей — мама, папа и я, когда они поженились. Рядом с ней почти такая же большая — на ней папа и Ева, а на другой стороне — мама, мой биологический папа и я.

Мама никогда не позволяла мне забыть моего настоящего папу, и в течение года мы ходим навестить его могилу. Иногда мы с мамой ходим одни, но чаще всего папа сопровождает нас. Я также узнала, что первая жена отца, Ева, умерла от рака яичников. Папа рассказал мне о ней, и мы навещаем и ее могилу. Сначала некоторые из моих друзей не понимали, почему мы навещаем ее, но вскоре приняли это.

Она настолько же мне близка, как и мой биологический отец. Я никогда не встречала ее, но такое чувство, будто я знаю ее.

— Эй, — говорит мама, когда заходит с четырьмя стаканами и кувшином воды.

— Да, что такое?

— Если у твоего отца появится еще одна грандиозная идея покупки чего-нибудь, то я его задушу.

Я усмехаюсь. Два года назад папа решил, что хочет расширить бизнес, поэтому купил небольшой отель. Мама была так зла на него, потому что первое — он не обсудил это с ней, а второе — потому что потом он убедил ее, что это будет здорово. С тех пор они купили второй отель и третий.

Папа управляет кухней и думает, что управляет семьей, но мама довольно упрямая и по большей части не терпит его властность.

— Привет, красавица, — говорит Сальваторе, когда заходит в столовую. Он подходит ко мне и оставляет целомудренный поцелуй на моих губах. У него итальянские корни, поэтому он наделен красивыми европейскими чертами — темные волосы, широкие плечи и страстные, глубокие, сексуальные глаза.

— Сальваторе, помоги мне на кухне, — громко зовет его папа. Я смотрю на Сальваторе, и наши взгляды встречаются. Папа кажется разозленным.

— Что происходит? — спрашиваю я маму.

— Спроси отца, — отвечает она, пожимая плечами.

Через несколько минут заходит папа, в руках у него форма для выпечки, а следом за ним Сальваторе с корзиной свежего хлеба. Мы все садимся за стол, и папа начинает раскладывать еду.

После того как папа начинает есть, смотрю на Сальваторе и ударяю его по колену под столом. Сейчас или никогда.

— Папа, — начинаю я, а затем окуняю хлеб в свою тарелку.

— *Oui*, — говорит он, не поднимая головы.

— В чем дело, солнышко? — спрашивает мама.

— Как вы знаете, я работала помощником повара на кухне отеля.

Сальваторе сжимает мое бедро под столом.

— Конечно же. Я нанял тебя. — Папа дует на ложку с едой, прежде чем попробовать.

— Я вроде как подала документы кое-куда. — Я смотрю вниз, избегая взглядов родителей, хотя все еще вижу их периферийным зрением.

Папа кладет ложку, откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. О боже, я в беде.

Мама смотрит вверх и улыбается. Я не говорила ей, что происходит. Ну, кое-что она знает, но не об этом предложении, которое я получила.

— Где? — спрашивает папа, его челюсть напрягается. Он смотрит на Сальваторе, как будто это его вина.

— Эм, вроде как в очень хорошем ресторане.

— Это не ответ. Я спросил тебя «где»?

Я с трудом сглатываю.

— Это в городе, — медленно говорю я, не сообщая о том, в каком городе.

— Что за место? Если оно мне не понравится, то ты не получишь моего разрешения, — он потирает подбородок рукой.

— Я... э... это... э...

— Говори уже, Эмма! — Он встает, достает свой телефон из кармана и смотрит на меня, ожидая ответа.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, указывая на его телефон.

— Я должен поговорить с владельцем и убедиться, что они знают о том, кто ты.

— Папа, ты не можешь этого сделать.

— *Oui*, конечно, могу. — Он хмурится и проводит рукой по волосам.

— Пьер, — предупреждающее произносит мама, продолжая есть свой ужин на удивление спокойно.

— Ну, что за место?

Была не была! Я знаю, что он с ума сойдет.

— Это «Кюпидитэ», — шепчу я.

Ложка мамы ударяется о тарелку, а рот папы открывается по мере того, как его глаза округляются.

— «Кюпидитэ»? — спрашивает папа, усаживаясь на стул.

— Да, — шепчу я, пока Сальваторе сжимает мое бедро.

— «Кюпидитэ»? — повторяет папа, уставившись на меня диким взглядом.

— Да.

— Но... это... но... — первый раз в моей жизни папа и мама потеряли дар речи.

— Это в... вроде... как в Париже. И это один из двадцати лучших ресторанов в мире. Я разговаривала с ними по скайпу, и они предложили мне годовую стажировку. Я уезжаю во Францию через две недели.

Мама и папа смотрят друг на друга. Мама несколько раз открывает рот, но ничего не произносит. Папа смотрит на меня. Сначала он кажется злым. Но потом черты его лица меняются, плечи расслабляются, и он улыбается мне.

— Мы будем скучать по тебе, — наконец-то умудряется сказать мама, прежде чем папа успевает сказать хоть слово.

Папа смотрит на стол, пока сам светится от радости и счастья. После долгой паузы он делает огромный вдох и смотрит на меня.

— Я думал, вы собираетесь сказать мне о своей помолвке. Фух, я рад, что это не так. Не то чтобы я был против, но только через несколько лет, а пока вы слишком молоды.

Я смотрю на маму, и теперь ее очередь выглядеть робкой и обеспокоенной.

— Ну, папа, есть еще одна новость...

Конец...

— Пьер, — говорит Холли, когда мы лежим в постели. Сегодня был эмоциональный день. Мы отвезли Эмму в аэропорт и отправили ее изучать кулинарное искусство под руководством одного из самых талантливых шеф-поваров мира. Ее помолвка с Сальваторе не должна была быть шоком, но я не мог вымолвить ни слова. Но я очень рад, что он уехал с ней, потому что знаю, он любит ее и будет заботиться о ней.

— *Oui, mon chéri*, — отвечаю я, обнимая ее великолепное обнаженное тело и оставляя поцелуй на ее спине.

— У меня на завтра назначена встреча с моим гинекологом, — говорит она тихо, пока прижимается своей аппетитной попкой к моему паху.

— Мне ненавистно, что ты переживаешь менопаузу, но я люблю любой наш секс.

Я переворачиваю Холли на спину и накрываю ее соблазнительное тело своим. Она раздвигает ноги и обхватывает мои бедра, пока я скользжу в ее влажную и теплую киску.

— Да, насчет этого, — стонет она, прижимаясь своей грудью к моей, а ногтями глубоко впиваясь в мою спину.

— Все в порядке. Я все еще люблю тебя, даже с твоими безумными перепадами настроения.

— Хорошо, потому что у меня не менопауза.

Я мгновенно замираю.

— Что? — спрашиваю я, мое тело дрожит от беспокойства.

Ее глаза наполняются слезами, и она улыбается, пытаясь сократить любое расстояние между нашими телами.

— Ничего страшного нет.

— Тогда в чем дело?

— Подожди восемь месяцев и узнаешь.

* КОНЕЦ *